НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2007

ДОРИС ЛЕССИНГ

БРАКИ МЕЖДУ ЗОНАМИ ТРИ, ЧЕТЫРЕ И ПЯТЬ

КАНОПУС В АРГОСЕ: АРХИВЫ

амфора

Браки между Зонами Три, Четыре и Пять

Дорис Лессинг

Аннотация
***
***
***
***

Аннотация

Роман «Браки между Зонами Три, Четыре и Пять» является второй частью пятитомной космической эпопеи «Канопус в Аргосе: Архивы». Он повествует о том, что может произойти, если миролюбивое процветающее государство, которым управляет кроткая женственная королева, объединится с военизированной империей, во главе которой стоит мужественный, но жестокий король.

Одно из лучших произведений Дорис Лессинг, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 2007 год.

***

Из слухов рождаются сплетни, а уж песни — тем более. Свидетелями чему — мы, летописцы и поэты-песенники нашей зоны: не успели еще стороны, избранные свыше для заключения идеального брака, сообразить, что несет им последний Приказ Надзирающих, как по всей нашей Зоне Три, вплоть до самых ее окраин, уже появились и распространились посвященные этому событию песни. Уверен, что и в Зоне Четыре происходило то же самое.

Не нужна Четверка Тройке,
Не нужны дворцам помойки!
Я мудрец, а ты глупец,
Выходи — игре конец!

Это слова новой детской считалки. Уже через день после того, как нам стал известен новый Приказ, я видел из окна своей комнаты, как дети скачут по двору, громко распевая эту считалку. Потом на улице ко мне подбежал какой-то малыш и загадал «загадку», явно слышанную от родителей: «Если поженить лебедушку и гуся,

кто на ком поедет верхом?»

А уж что говорилось в бараках и военных лагерях Зоны Четыре, лучше не цитировать. Не думайте, что мы боимся откровенности. Просто у каждой летописи — свой стиль.

Разве я хоть что-нибудь сказал о взаимном презрении? Разумеется, никто не имеет права активно критиковать Приказы Надзирающих, но позвольте мне напомнить о том, чего мы, в Зоне Три, никогда не забывали — о чем нам настойчиво напоминали распеваемые в те дни нескладные вирши:

Раньше Три, потом — Четыре,
Жить хотим всегда мы в мире!
А они пускай себе воюют!

Я хочу рассказать о днях, предшествовавших знаменательным событиям.

Тогда эта знаменитая свадьба занимала воображение жителей обоих государств, а те двое, кого она касалась в первую очередь, бездействовали, не зная, что от них конкретно требуется.

Этот слух поначалу никто не принимал всерьез. Даже дельцы на бирже. Зоны Три и Четыре жили каждая своей жизнью, нашу зону возглавляла Эл-Ит, а их зону — Бен Ата. По крайней мере, так

было известно нам.

Когда речь зашла о процедуре заключения этого брака, возникло много сопутствующих проблем. Например: не придется ли нашей Эл-Ит ехать на территорию Бен Ата, или где будет отмечаться свадьба — на его земле? Вот какие вопросы нас тогда занимали.

И как вообще сыграть свадьбу в этих условиях?

И даже — во что выльется этот брак?

Когда Эл-Ит впервые услышала о Приказе Надзирающих, она решила, что это такая шутка. Они с сестрой тогда только посмеялись, их смех вся Зона Три слышала. Второе послание для Эл-Ит прозвучало упреком, и тогда по всей нашей зоне люди стали собираться группками, обсуждать новость и обмениваться мнениями. Обратились к нам — летописцам и поэтам, творцам песен и мемуаров. Несколько недель только и говорили что о свадьбах и браках, разыскали все какие смогли предания и баллады, рассчитывая обрести в них источник сведений.

Даже отправляли гонцов в Зону Пять, — там, как мы слышали, иногда еще устраиваются свадьбы самого примитивного толка. Но попасть туда не удалось: на самой их границе шла война

с Зоной Четыре.

Как же праздновать свадьбу, рассуждали мы, может, по древним образцам? А вдруг Зоны Три и Четыре должны объединиться для этого мероприятия? Но это представлялось невозможным: мы органически не выносим друг друга. Мы, например, даже не знали, где точно пролегает наша граница с Зоной Четыре. С нашей стороны ее не охраняли. Бывало, что кто-нибудь из наших соотечественников заблудится в тех местах, случалось, дети, молодежь из любопытства доходили до этой границы, но они сразу чувствовали отвращение или просто несовместимость с чужой атмосферой: это выражалось в ощущении холода, заторможенности и скуки. Запретный плод всегда сладок, это правда, но Зона Четыре не привлекала нас даже очарованием тайны: какой уж там запрет, честно говоря, мы о ней просто-напросто забыли.

Наверное, можно было бы устроить одновременно два гулянья, пусть каждая зона отпразднует по-своему общий праздник? Но чего ради? В конце концов, у нас в зоне и без того хватает гуляний и праздников.

Очевидно, имело смысл устроить небольшие свадебные вечеринки и всенародно отметить

это событие?

Для таких случаев в старинных сказаниях и песнях был перечислен целый набор мероприятий: тут тебе и новые одежды, и украшение улиц и общественных зданий, и подношения, и подарки.

Время шло. Мы знали, что Эл-Ит подавлена, что она даже не выходит из дому. Никогда еще такого не бывало: она всегда была доступна народу и готова к общению с подданными. По всей стране женщины из солидарности к своей королеве тоже захандрили.

Это плохо отражалось на детях.

И вот первое зримое и очевидное доказательство того, что наступили новые времена: пришла депеша от Бен Ата. Он лаконично сообщал, что пришлет за Эл-Ит эскорт. А чего еще ожидать от человека его зоны? Когда государство вечно ведет войны, его руководителю не до любезностей. И это еще раз доказало, что мы правы, не желая оказаться под властью Зоны Четыре.

Эл-Ит возмущенно протестовала. И даже объявила, что никуда не поедет.

Но против Приказа не пойдешь, а в нем ясно было сказано: надо ехать.

Эл-Ит облачилась в синее траурное платье,

только таким образом она могла выразить свое душевное состояние: внешнее проявление чувств ей еще было позволено. Никаких распоряжений не отдавалось, но народ разделял ее Скорбь — я умышленно пишу это слово с большой буквы, это чувство охватило нас всех.

Все были в замешательстве, но считали, что произошло, очевидно, недоразумение. Вообще-то такие чувства, как скорбь, нам незнакомы. Мы и припомнить не могли, как давно не испытывали ничего подобного. В частной жизни мы не считали нужным лить слезы, стенать и страдать. Мало ли что случается в жизни человека? При тяжелой утрате, при личной потере печаль естественна, для таких случаев существовали формальные ритуалы ее выражения, а общественные мероприятия были для нас каналом, средством выражения наших мелких личных чувств. Я не говорю, будто мы ничего не чувствовали! — но проявляли свои чувства всегда напоказ, и это укрепляло общее представление о нас и нашей стране. Но в данном случае, при последнем вмешательстве Провидения в судьбу Эл-Ит, казалось, произошло нечто совсем обратное.

Никогда еще в нашей зоне не было пролито столько слез, я не припомню такого потока жа-

лоб, проявлений бессмысленной неприязни.

Эл-Ит велела привести всех своих детей, и когда они заплакали, она их не останавливала: хоть это-то бедняжка могла себе позволить, ведь слезы нельзя считать откровенным бунтом.

Были, кстати, возмущенные — и много; кое-кто начал ее критиковать.

Такого в нашей стране мы не могли припомнить; и вскоре пошли разговоры, что, пожалуй, давненько от Надзирающих не приходило никаких Приказов, а раньше-то согласно их Приказам тоже наступали перемены, они были вызваны Необходимостью, причем всегда нам давали одно простое объяснение, без всякой конкретизации, только одним словом — НАДО. Почему же сейчас что-то должно быть по-другому? Люди спрашивали себя: а может, мы слишком занеслись, стали о себе высокого мнения? Но в чем именно мы не правы? Ведь мы же одобряем присущие нашей стране гармонию, богатство и радость жизни? Мы не сомневались, что наша зона по уровню благосостояния и отсутствию раздоров как минимум не хуже любой другой. Разве мы не правы, что гордимся этим?

И тут мы поняли, что совсем никогда не интересовались странами, находящимися по ту

сторону, за пределами наших границ. Мы знали, что Зоной Три — единственной из всех — непосредственно руководят Высшие Силы, Высший Разум. Мы искренне считали — если вообще когда-либо задумывались об этом, — что у нас есть контакты с другими государствами, но все выглядело как-то уж очень неконкретно. Может, нас устраивала такая жизнь — когда мы сами по себе, в изоляции от соседей? Потому что считали себя страной самодостаточной?

Эл-Ит ждала, как развернутся события, и по-прежнему не выходила из своей комнаты.

И вот появился отряд — двадцать всадников в легких доспехах. У них были щиты, защищавшие от нашего более разреженного воздуха, без этого им, понятно, здесь не обойтись. Но при чем тут шлемы? К чему на них знаменитые кольчуги Зоны Четыре, от которых отскакивает любое оружие? Те, кто случайно оказался на пути следования наших незваных гостей, смотрели на них с угрюмой насмешкой. Мы решили — никаких приветственных криков по случаю их приезда. Да и сами всадники тоже выглядели неприветливо. В молчании отряд проследовал к дворцу и замер под окнами Эл-Ит. Они привели с собой одного оседланного коня — с уздечкой, но без

всадника. Эл-Ит увидела их из окна. Дожидаться гостям пришлось довольно долго, но наконец она все же появилась на самом верху длинного пролета белокаменной лестницы, мрачная и унылая в своей темной одежде. Молча постояла, разглядывая солдат, которые выглядели так, как будто приехали захватить ее в плен. Эл-Ит дала им возможность насмотреться на нее в свое удовольствие: увидеть ее красоту, ее силу, ее уверенную осанку. Потом она, не спеша, одна спустилась по ступеням лестницы. И направилась прямо к коню, которого привели для нее, заглянула ему в глаза, приложила руку ему к щеке. Коня звали Йори, и с этой минуты он стал знаменитым. Конь был прекрасный, вороной с головы до ног, но, вероятно, ничем не отличался от других, на которых восседали солдаты. Поздоровавшись с конем, Эл-Ит сняла с него тяжелое седло. Постояла с седлом в руках, переводя взгляд с одного солдата на другого, пока один из них не сообразил, чего она хочет. Эл-Ит бросила ему седло, которое солдат перехватил на лету, и конь под ним начал переступать с ноги на ногу, почувствовав дополнительную тяжесть. Женщина, сложив руки на груди, наблюдала за солдатом, а тот, обернувшись к своим товарищам, скорчил

комическую гримасу. Так реагируют взрослые, когда умный ребенок пытается сделать что-то ему недоступное — и вдруг у него получается. От Эл-Ит не укрылось это выражение его лица, и теперь, желая дать чужакам понять, что они не угадали смысл ее жеста, она неторопливо сняла уздечку и тоже бросила солдату.

Потом Эл-Ит встряхнула головой, и ее черные волосы, едва закрепленные вокруг головы, каскадом рассыпались вдоль спины. Наши соотечественницы делают разные прически, но есть такой способ демонстрировать свою скорбь: волосы поднимают кверху, заплетают в косы или закрепляют все равно как, и когда женщина встряхнет головой определенным образом, то волосы распускаются, начинают струиться по плечам. Но солдаты ничего не поняли и лишь глупо восхищались; вероятно, этот жест был предназначен для зрителей, которые теперь толпились на небольшой площади. Эл-Ит презрительно скривила губы и не скрывала своего откровенного нетерпения. Вот тут я должен отметить, что мы не ждали от нее в такой момент проявления *высокомерия* — да, я вынужден произнести это слово. Когда впоследствии мы обсуждали описанный инцидент, все согласились,

что ожесточение Эл-Ит против предстоящего брака, вероятно, нанесло ей большой вред.

Стоя напротив солдат с распущенными волосами и горящими глазами, она медленно окутала голову и плечи тонкой черной вуалью. Это было еще одно проявление траура. Через прозрачную черную ткань были видны ее горящие глаза. Один солдат засуетился, стал спешиваться, чтобы помочь женщине, но не успел он спуститься на землю, как она вихрем взлетела на спину коня. А потом развернулась и галопом через сады поскакала в восточном направлении, к границе с Зоной Четыре. Солдаты ринулись за ней. Для нас, зрителей, это выглядело так, будто они ее преследуют.

Выехав за город, Эл-Ит осадила коня и заставила его идти шагом. Солдаты следовали за ней. Толпы людей, стоявших вдоль дороги, приветствовали свою королеву, бросая гневные взгляды на чужаков, и теперь уже никому в голову не пришла бы мысль о преследовании, потому что смущенные солдаты глупо улыбались, а она была той Эл-Ит, которую знал весь народ.

Центральная часть нашей страны располагается на высоком плато, спуститься с которого можно по перевалам и ущельям, и там быстро не

поскачешь, тем более что Эл-Ит останавливалась поговорить с каждым, кто обращался к ней: заметив такого человека, она тут же придерживала коня и ждала, когда к ней подойдут.

Теперь выражение лиц солдат изменилось: они разворчались, ведь в их планы входило до наступления ночи пересечь границу. Когда же еще одна толпа подданных замахала руками и позвала Эл-Ит, у нее за спиной раздался громкий ропот: солдаты не скрывали своего недовольства. Тогда она развернула коня и мигом подъехала к ним, остановившись в нескольких шагах от передней линии всадников, так что тем пришлось быстро осадить своих коней.

— В чем дело? — спросила Эл-Ит. — Не лучше ли сказать обо всем прямо, чем шушукаться у меня за спиной?

Ее слова солдатам не понравились, и они ответили взрывом злобных выкриков, но командир их тут же усмирил.

— Нам дан соответствующий приказ, — объяснил он.

— Пока я в своей стране, — возразила Эл-Ит, — я буду поступать так, как принято у нас.

Но солдаты ее явно не поняли, и она стала объяснять:

— Я занимаю свой пост по воле народа. Мне не пристало заносчиво проезжать мимо, если подданные дали понять, что хотят со мной говорить.

Солдаты снова переглянулись. Командир не скрывал нетерпения.

— Не рассчитывайте, что я ради вас нарушу наши обычаи, — заявила Эл-Ит.

— Мы взяли с собой только один паек на экстренный случай, чтобы слегка перекусить, — сказал он.

Женщина в недоумении покачала головой, как бы не веря своим ушам.

Она и не предполагала, что этот жест будет воспринят как знак презрения, но солдаты именно так ее и поняли. Покраснев, командир отряда выпалил:

— Вообще-то мы все, если требуется, во время кампаний можем не есть неделями.

— Ну, зачем так долго-то, я ведь не настаиваю. — Хотя сказано это было вполне серьезно, но слова Эл-Ит были восприняты как юмор. И солдаты благодарно рассмеялись, даже на ее губах мелькнула улыбка. Потом женщина вздохнула: — Я знаю, что вы тут не по своей воле, а по воле Надзирающих.

Но, совершенно необъяснимо для нее, эти сло-

ва чужеземцы восприняли как оскорбление и вызов, и даже их кони начали переступать с ноги на ногу и поводить боками, будто им передалось настроение всадников.

Пожав плечами, Эл-Ит отвернулась от них и подошла к группе молодых людей, которые поджидали ее на обочине дороги. Внизу под ними расстилалась широкая степь, за степью высились горы. В лучах вечернего солнца степь еще была желтой, а высокие горные пики еще блестели, но здесь, где они находились сейчас, уже похолодало и наступили сумерки. Столпившаяся вокруг коня Эл-Ит молодежь спокойно вела беседу, не проявляя при этом ни страха, ни благоговения. А наблюдавшие за ними всадники не скрывали своих сомнений. Когда один юноша поднял руку, чтобы потрепать коня Эл-Ит по морде, солдаты, все как один, укоризненно вздохнули. Однако их терзали противоречивые чувства, и они были в сомнении. С одной стороны, разумеется, не их дело — презирать это великое королевство или его правителей: они знали свое место. С другой стороны, все личные наблюдения, сделанные солдатами за этот день, противоречили их впитанным с молоком матери представлениям о том, как должно быть, как надо.

Эл-Ит на прощанье помахала рукой молодым людям, и тут же ее кортеж тронулся в путь, хоть этот жест был предназначен вовсе не солдатам. Она скакала впереди, и только когда они все оказались в степи, обернулась и сказала:

— Предлагаю вам разбить лагерь тут, чтобы горы были у вас за спиной.

— Прежде всего, — командир говорил очень резко, он был раздражен: его солдаты пустились в путь, инстинктивно отреагировав на ее жест, не дождавшись его приказа, — прежде всего, я вообще не собираюсь делать привал, пока не доедем до границы. А во-вторых… — Но тут от гнева у него перехватило дыхание.

— Я только советую, — ответила Эл-Ит. — До границы еще девять-десять часов езды.

— Если ехать в таком темпе, то конечно.

— Скорость тут ни при чем. Обычно по ночам сильный ветер дует с востока и гуляет по всей степи.

— Мадам! За кого вы принимаете этих людей? За кого вы вообще нас принимаете?

— Да, конечно, вы солдаты, — кивнула она. — Но я подумала о лошадях. Животные устали.

— Они будут делать то, что им прикажут. Как и мы.

Наши летописцы и художники сумели неплохо обыграть эту перепалку между Эл-Ит и солдатами. Некоторые истории о ней начинаются именно с этого момента. Она возвышается над солдатами, сидя верхом, ее усталый конь свесил голову после долгого трудного перехода. Всадница утешает его, поглаживая своей белой рукой, на которой сверкают бриллианты. Все это хорошо, но… Эл-Ит всегда отличалась простотой в одежде, сроду не носила бриллиантов, не любила шика! Художники изображают, как у нее струятся по спине длинные черные волосы, вместе с вуалью, закрепленной на лбу бриллиантовой пряжкой. Они изображают искаженное злобой лицо командира, усмешки солдат. О том, что дует резкий ветер, говорят летящие по небу окрашенные облака и стелющиеся по земле степные травы.

В этом сюжете непременно присутствуют всякие мелкие животные. Над головой Эл-Ит парят птицы. На пыльной дороге стоит олененок, любимое животное наших детей, он прикасается мордочкой к опущенной морде коня Эл-Ит, как бы утешая его или передавая новости от других животных. Часто картины на этот сюжет носят название «Животные Эл-Ит». В некоторых сказаниях речь идет о том, что солдаты пытаются

поймать птиц и олененка, а Эл-Ит их за это упрекает.

Я возьму на себя смелость усомниться, действительно ли эта перепалка произвела такое сильное впечатление на солдат, да и на саму Эл-Ит. Солдаты хотели продолжать свой путь, стремились поскорее уехать из этой страны, которая была им непонятна, в которой их смущало все, буквально на каждом шагу. Командиру не хотелось часами скакать под холодным ветром, но принять ее совет он счел бы унизительным для себя.

А холодный ветер уже давал о себе знать.

Теперь Эл-Ит снова стала самой собой, не то что на протяжении многих последних недель. Она поняла, что, предаваясь скорби у себя в комнате, пренебрегала многими важными обязанностями! Вспомнила, что со всей страны к ней прибывали сообщения, на которые она не отвечала — слишком была поглощена своими горькими думами.

Эл-Ит поняла, что с ее стороны это было непослушанием, и вот теперь она видит результаты. И поэтому теперь Эл-Ит стала более терпима к варварам и их командиру, который вел себя как мальчишка.

— Вы не назвали мне своего имени, — заметила она.

Поколебавшись, он ответил:

— Меня зовут Джарнти.

— Вы командуете конницей короля?

— Я командую всей его армией. Подчиняюсь непосредственно королю.

— Прошу прощения. — Эл-Ит вздохнула, и ее вздох услышали все. Конечно, приняли его за проявление слабости. И тут же в душе возликовали, как свойственно всякому варвару — торжествовать, заметив в ком-то слабость; зато их сердца сжимаются от страха, и они норовят сбиться в стадо, столкнувшись с проявлением силы. — Я хочу уехать от вас на несколько часов, — сказала Эл-Ит.

При этих словах солдаты в едином порыве, не ожидая приказа командира, столпились вокруг нее. Она оказалась в кольце захватчиков.

— Не могу вам этого разрешить, — заявил Джарнти.

— Каков был приказ вашего короля? — спросила женщина — тихо и терпеливо, но солдаты приняли ее тон за подобострастие.

И громко расхохотались — наступила разрядка после долгого напряжения. Они хохотали, кричали, и их крики эхом отдавались в скалах. Птицы, уже устроившиеся на ночлег, взвились в

воздух. Из высокой придорожной травы с шумом разбежались звери, залегшие было на ночевку.

А дело было в том, что Бен Ата, напутствуя своего командира, крикнул ему следующее: «Ступай, раздобудь эту… и притащи ее сюда. А я ее потом хорошенько…» Потому что, пока Эл-Ит плакала и бунтовала, запершись в своем доме, Бен Ата просто выходил из себя от гнева и ругался так, что его голос разносился по всему гарнизону. Не было солдата, который бы не услышал, что думает король о навязанном ему браке, и гарнизон сочувствовал Бен Ата; все пили, смеялись, провозглашали непристойные тосты, разносившиеся затем по всей Зоне Четыре.

Этот сюжет тоже относится к излюбленным у наших сказителей и художников: Эл-Ит на своем усталом коне, в окружении грубых хохочущих мужиков. Под холодным ветром равнины платье облепило ее. Командир наклонился над ней, на лице его застыло животное выражение. Эл-Ит в опасности.

Так на самом деле и было. Пожалуй, единственный раз за все время, и именно тогда.

И вот наступила ночь. Только какие-то отблески света оставались еще в небе позади них. Высоко в небе в лучах заходящего солнца вспы-

хивали снежные вершины гор. Перед отрядом лежала степь, теперь уже черная, и кое-где на ней мелькали огни редких деревень и поселков. Вот на плато, оставшемся позади, было много деревень и городков: наша страна очень многонаселенная и народ у нас трудолюбивый. Но теперь путники как будто оказались на грани небытия, всепоглощающего мрака. Страна, откуда родом были эти солдаты, преимущественно низменная, она состоит из плоских равнин, в Зоне Четыре никогда не строили города на холмах или гребнях гор. Там не любили высоты. И более того, как мы узнали впоследствии, жители той страны были приучены бояться высоты. Их единственной мечтой было поскорее слезть с этого ужасного плато, поднятого так высоко среди окружающих его горных пиков. Вот и теперь, спустившись с плато, солдаты по привычке предполагали найти в степи населенные пункты, но перед ними была только пустота. В их истерическом смехе звучал страх. Им было никак не остановиться. А среди них — Эл-Ит, изящная, молчаливая, спокойно сидит в седле, пока все остальные покатываются в седлах от хохота, похожего, по ее мнению, на вопли испуганных животных.

В какой-то момент наконец смех иссяк. Но и

тогда ничего не изменилось: женщина никуда не делась. Их неожиданное веселье не произвело на нее никакого впечатления. А впереди лежала бескрайняя тьма.

— Так каков был приказ Бен Ата? — повторила она свой вопрос.

Еще раздавались кое-где подавленные смешки, но командир с упреком взглянул на нарушителей дисциплины, хотя сам только что хохотал ничуть не меньше.

— Каков его приказ? — настаивала она.

Ответом было молчание.

— Я так понимаю, вам приказано доставить меня к нему.

В ответ — все то же молчание.

— Не позже завтрашнего дня вы доставите меня к своему королю.

Эл-Ит не сдвинулась ни на шаг. Теперь ветер завывал над степью так, что кони с трудом держались на ногах.

Командир отдал короткое приказание — чуть ли не извиняющимся тоном. Отряд разбрелся, отыскивая на краю степи место для разбивки лагеря. Женщина ждала вместе с командиром, оба не слезали с уставших коней. Хотя Джарнти и полагалось сопровождать своих людей, но они,

как правило, привыкли и так безоговорочно выполнять приказы, а вот сейчас растерялись. Наконец он определил место стоянки, и все тут же спешились.

Животные, привыкшие к разреженному воздуху своей зоны, мучились на такой большой высоте и дрожали, едва стоя на ногах.

— За этим уступом горы есть источник, — сказала Эл-Ит.

Командир не спорил, он приказал солдатам отвести лошадей за уступ и напоить. Он слез с коня, она тоже.

Подошел солдат, чтобы отвести их коней на водопой, куда уже ушли остальные. На поляне между высокими скалами разожгли костер. Вокруг по траве в беспорядке разбросали седла; они послужат подушками для солдат.

Джарнти все еще не отходил от Эл-Ит. Он не знал, как с ней обращаться.

Солдаты тем временем вытащили из рюкзаков свои пайки и приступили к ужину. В воздухе стоял кислый запах порошкообразного сушеного мяса, воняло спиртным.

Со злорадной усмешкой Джарнти спросил:

— Мадам, кажется, наши солдаты вас очень заинтересовали? Они так отличаются от ваших?

— У нас нет солдат, — услышал он в ответ.

Этот сюжет у нас тоже очень любят. На картине изображают солдат. Некоторые в свете пылающего костра сидят в траве на своих седлах, едят сушеное мясо из пайка, запивая еду из фляжек. Другие ведут коней с водопоя, ручья не видно: он позади скалы. Эл-Ит стоит рядом с Джарнти у входа в эту небольшую естественную крепость. Оба наблюдают, как коней заводят в загон, за высокие скалы. Кони голодны, но для них сегодня нет еды. Эл-Ит с жалостью смотрит на животных. Джарнти возвышается над упрямой миниатюрной фигуркой нашей королевы, он весь раздулся от важности и самомнения.

— У вас нет солдат? — недоверчиво переспросил он. Хотя, конечно, такие слухи давно ходили в его стране.

— У нас нет врагов, — ответила Эл-Ит с улыбкой и добавила, глядя ему прямо в лицо: — А у вас есть?

Джарнти ошарашил этот вопрос. Ибо вызвал у него в голове такие мысли, которых он сам испугался.

Она все еще улыбалась, но тут из-за скал — входа в лагерь — вышел солдат и встал рядом с ними.

— Зачем он тут?

— Вы никогда не слышали слова «охрана»? — саркастически спросил Джарнти.

— Слышала. Но сейчас на вас никто не собирается нападать.

— Мы всегда выставляем охрану.

Эл-Ит пожала плечами.

Кое-кто из солдат уже спал. Кони позади каменного барьера опустились на землю и отдыхали.

— Джарнти, мне надо оставить вас и уехать на несколько часов, — повторила она.

— Этого я не могу вам позволить.

— У вас нет полномочий что-либо мне запрещать.

Он молчал.

И вот еще один наш любимый сюжет: изображен пылающий костер, в его свете спят солдаты и измученные кони, а Джарнти обеими руками вцепился себе в бороду и, расстроенный, изумленно глядит на Эл-Ит, а та ему улыбается.

— И потом, — добавил он, — вы еще не поели.

Она добродушно спросила:

— В вашу задачу входит и это — заставить меня поесть?

И тут из инстинкта противоречия, страдая от растерянности и упрямства, потому что душа у

него была не на месте после недолгого общения с Эл-Ит, Джарнти буквально рявкнул:

— Да, насколько я понял полученный от короля приказ, он включает и это — я должен заставить вас поесть. И, вероятно, даже выспаться, если уж на то пошло.

— Посмотрите-ка сюда, Джарнти. — Она отошла к низкому кусту, росшему шагах в десяти, и сорвала с него один плод.

Комковатые плоды этого куста состояли из долек, покрытых оболочкой тонких, как бумага, листьев. Эл-Ит содрала листья. В каждом плоде было по четыре дольки белого цвета. Она съела несколько штук. И скривилась, из чего Джарнти сделал вывод, что плоды не очень-то вкусные.

— Не ешьте, а то не сможете уснуть! — Но ему, конечно, было не удержаться. Он потянулся к кусту, сорвал для себя несколько штук и тоже скривил губы, когда ощутил терпкий вкус этих крошащихся плодов.

— Джарнти, — спросила она, — ведь вы как командир не должны оставлять лагерь, я правильно понимаю?

— Ну. — Он не умел реагировать на дружелюбие, он был способен только на грубоватую фамильярность.

— Видите ли, мне надо отъехать всего-то на несколько миль отсюда. Этому бедолаге-охраннику в любом случае придется попусту не спать всю ночь, ну так пусть он поедет со мной. Вам ведь нужны гарантии, что я вернусь.

Съеденный фрукт уже подействовал на Джарнти. Он насторожился, понимая, что сегодня точно не уснет.

— Солдат останется на посту, с вами поеду я сам, — распорядился он.

И направился отдать должные приказы.

А тем временем Эл-Ит, обойдя спящих солдат, подошла к лошадям и каждой протянула на ладони по нескольку кислых плодов с куста. Не успела она еще выйти из их маленького загона, как кони оживились и подняли головы.

Вдвоем с Джарнти они двинулись через темную степь к огням ближайшего жилища.

Этот сюжет всегда изображают на картинах так: звездное небо, тонкий серп яркого месяца, впереди солдат, его можно узнать по блеску нагрудного доспеха, шлема и щита. Рядом с ним Эл-Ит смотрится темной тенью, но ее глаза сияют мягким светом из-под вуали.

Только в таком виде и можно было передать этот сюжет. Сильный холодный ветер дул им

прямо в лицо. Эл-Ит полностью обмотала голову вуалью; Джарнти закутался в плащ и даже нижнюю часть лица прикрыл, а щит держал так, чтобы защитить их обоих от ветра. Он сам принял это решение — сопровождать королеву в не самой приятной вылазке и, должно быть, уже пожалел о нем.

Через три часа они добрались до поселка, представлявшего собой скопление палаток и шалашей: это был штаб пастухов. Им пришлось пробираться через многосотенные стада; почуяв их, животные только поднимали головы, но не меняли своих поз. У них едва хватало сил сопротивляться дующему ветру, больше ни на что не оставалось энергии. Но ближе к первым палаткам, из которых уже доносились голоса, там, где низенькие деревья служили хоть каким-то прикрытием от ветра, некоторые животные в темноте потянулись к Эл-Ит. Она заговорила с ними и в знак приветствия вытянула вперед руки, давая им себя обнюхать.

У палатки вокруг небольшого костра сидели мужчины и женщины.

Они тоже подняли головы, почуяв чужих, и Эл-Ит крикнула им:

— Это я — Эл-Ит! — После чего ее позвали к

себе.

Для Джарнти все это было в новинку. Он вошел в круг света вслед за Эл-Ит, отстав на два-три шага.

Люди, сидевшие возле костра, смотрели на него с изумлением.

— Это Джарнти из Зоны Четыре, — спокойно объяснила им Эл-Ит, как будто в этом не было ничего особенного. — Он приехал за мной, отвезет меня к своему королю.

Тогда в стране не оставалось никого, кто бы не знал, как наша королева относится к предстоящему браку, и многие с любопытством заглядывали ей в лицо. Но Эл-Ит дала им понять, что вопрос этот уже решен. Она подождала, пока из палатки принесут коврики, и, когда их расстелили, уселась и знаком велела Джарнти последовать ее примеру. Она сказала пастухам, что Джарнти не ужинал, и ему принесли хлеб и кашу. Сама же она есть не собиралась. Но не отказалась от чаши вина. Зато Джарнти пил вино кувшинами. Оно оказалось хоть и мягким на вкус, но крепким. Он почувствовал недомогание: уж не знаю, подействовала ли на него высота нашей степи над уровнем моря, или же он на голодный желудок съел слишком много ягод-стимуляторов. Парня

знобило от сильного ветра. Все сидевшие вокруг костра низко наклонили головы.

Этот сюжет тоже изображали очень часто.

На картине Эл-Ит всегда оживленно улыбается, сидя среди пастухов, в руке у нее чаша вина, рядом Джарнти, совершенно вялый — чувствуется, что он под воздействием наркотиков. Сильный ветер разогнал облака, и в небе над их головами сверкают звезды. Ветер буквально пригибает деревца к земле. Вокруг в темноте толпятся стада, животные с любопытством тянут головы к костру, ждут взгляда своей королевы.

Устроившись у костра, Эл-Ит сразу же заговорила:

— Сегодня на пути из столицы вниз по перевалам многие меня останавливали и обращались с одним и тем же вопросом. Всех беспокоит состояние животных. В чем, собственно, дело? Можете вы мне объяснить?

Ответить вызвался один старик:

— Что же они тебе говорили, Эл-Ит?

— Как будто все ощущают, что происходит нечто непонятное.

— Эл-Ит, мы уже давно посылали курьеров в столицу, чтобы сообщить тебе об этом.

Помолчав, она призналась:

— Я сама виновата. Да, сообщения приходили, но я слишком глубоко ушла в свои горести, не до того было.

Джарнти, опустив голову, почти дремал, но при этих словах встрепенулся и в полусне хрипло торжествующе захохотал, забормотал:

— Накажите ее, побейте ее, слышите? Она сама призналась! — И снова уронил голову на грудь. Челюсть у солдата отвисла, но он не выпускал из руки опустевшую чашу. Одна девушка начала было осторожно разжимать его пальцы, чтобы забрать чашу. Джарнти вцепился в чашу, выпятил нижнюю губу и вызывающе вздернул подбородок, но, увидев перед собой хорошенькую женщину, сделал попытку обхватить ее руками. Девушка быстро отскочила, и его снова охватил пьяный дурман.

Слезы навернулись на глаза Эл-Ит. Сначала женщины, потом и мужчины заметили неотесанные манеры ее спутника и сразу поняли, что ждет их королеву в будущем. Они уже чуть было не начали стенать и причитать, но Эл-Ит их остановила, подняв руку.

— Чем тут поможешь, — тихо проговорила она дрожащими губами. — Такой нам пришел Приказ. И мне уже понятно, что Зону Четыре этот

приказ обрадовал не больше, чем нас.

Все вопросительно смотрели на нее, и Эл-Ит кивнула:

— Да. Бен Ата очень сердит. Я сегодня это поняла из их разговоров.

— Бен Ата… Бен Ата… — Солдат мотал головой во все стороны и невнятно бормотал: — Ты и достать его не успеешь этими своими штучками — ягодами там или еще чем, как он сдерет с тебя одежду.

Услышав эти слова, один мужчина встал, чтобы оттащить Джарнти в сторону, и уже ухватил его под мышки, но Эл-Ит, подняв руку, остановила пастуха.

— Меня больше беспокоит скот. Что вы сообщали в своих депешах?

— Представь себе, Эл-Ит, ничего конкретного. Просто наши животные стали очень беспокойными. Загрустили.

— И что, это происходит во всех стадах в степи?

— Да по всей нашей зоне, как говорят. Неужели на плато тебе об этом не рассказывали?

— Я ведь уже сказала, что виновата сама. Я не исполняла своих обязанностей.

Наступило молчание. Ветер пронзительно за-

вывал над их головами, но уже не так громко.

Джарнти вдруг упал, но не выпустил чашу из протянутой руки, только захлопал глазами, глядя на пламя костра. Вообще-то он хорошо слушал весь разговор, потому что под действием этих ягод человек сохраняет внимание и бодрый ум, вот только мышцы расслабляются и не повинуются. Подслушанный разговор ему следовало бы пересказать во всех лагерях Зоны Четыре, и непременно дословно. Но больше всего его поразило то, что королева сидит у костра, «как рабыня». Надо будет рассказать это своим. И еще, конечно, то, что для «тутошних властей» животные ничем не отличаются от людей.

Эл-Ит спросила старика:

— А самих животных вы опрашивали?

— С тех пор, как это заметили, я все время нахожусь среди стад. Я тут с ними изо дня в день. Все животные говорят только об этом. Увы, причины они не знают, но всегда такие грустные, что им жить не хочется. У них потеряна жажда жизни, Эл-Ит.

— А как с зачатием? С воспроизводством?

— Да, пока они еще рожают. Но вопрос твой правильный, насчет зачатия…

При этих словах Джарнти забормотал:

— Они говорят своей королеве, что она права! Смотри, на что осмелились! Хватай их! Бей их!..

Но его никто не слушал. Пастухи даже отнеслись к чужаку сочувственно. Джарнти сидел враскорячку, раскачивался, лицо его раскраснелось, он для них был хуже скота. Не одна женщина при виде него молча оплакивала судьбу королевы — своей сестры.

— У нас такое впечатление, что животные больше не зачинают.

Наступило молчание. Ветер теперь завывал на низких частотах. Толпившиеся вокруг животные подняли морды и принюхивались; скоро ветер уляжется, и придет конец их еженощным мучениям.

— А вы, люди?

Все медленно закивали:

— Мы вроде бы тоже.

— Вам кажется, что вы чувствуете то же, что и животные?

— Да, Эл-Ит.

После этого все долго сидели молча. Заглядывали в лицо друг другу, встречаясь взглядами и отводя глаза, без слов спрашивая, подтверждая, мысленно делясь общими чувствами, пока не наступило всеобщее абсолютное взаимопони-

мание.

И все это время солдат просидел в оцепенении. Позже, в лагере, он расскажет, что «там, наверху», у того народа, есть опасные наркотики, которыми они беззастенчиво пользуются.

Ветер стих. Настала тишина. На очищенном от туч небе холодно сверкали звезды. Но на востоке, над границей Зоны Четыре, начали уже собираться клочья облаков.

Наконец заговорила одна девушка:

— Эл-Ит, у нас тут некоторые связывают эту тоску животных с последним приказом Надзирающих.

Эл-Ит согласно кивнула.

— Старожилы не упомнят ничего подобного, — заметил старик.

— В летописях, — сказала Эл-Ит, — говорится, что однажды уже было такое время. Но так давно, что никто из историков ничего не знает.

— А что тогда случилось? — Джарнти вдруг обрел голос.

— На нас было совершено нападение, — объяснила Эл-Ит. — Из Зоны Четыре. А в вашей истории об этом что-нибудь говорится? В ваших преданиях?

В ответ Джарнти затряс своей остроконечной

бородой, победоносно усмехаясь.

— Неужели вам нечего рассказать? — усомнилась Эл-Ит.

Он самодовольно ухмыльнулся всем женщинам поочередно, потом уронил голову на грудь.

— Эл-Ит, — у заговорившей девушки слезы ручьем бежали по лицу, — что ты будешь делать среди таких типов?

— Может, Бен Ата не такой, — предположила другая девушка.

— Кстати, этот тип — командующий всех его армий. — И Эл-Ит передернуло, не смогла удержаться.

— Именно *этот?* Ну и дела!

Даже Джарнти почувствовал их отвращение и ужас, и он бы им показал, если бы мог. Ему с трудом удалось поднять голову, и он в гневе уставился на них, но шевельнуться даже не мог — ослабел и дрожал всем телом.

— А ведь ему еще возвращаться назад, в лагерь, а потом наверх, на горный перевал, — заметила Эл-Ит.

Двое молодых людей переглянулись. Встали, подхватили Джарнти под мышки, подняли на ноги и начали водить взад-вперед — прогуливать. Он шатался, протестовал, но вынужден был

примириться, потому что отчетливо мыслящий мозг подсказывал: другого выхода нет.

Этот сюжет известен под названием «Прогулка Джарнти», нашим художникам и сказителям он дал много возможностей поупражняться в остроумии.

— Не уверена, что мы что-то можем сделать, — обратилась Эл-Ит к окружающим. — Даже если эта болезнь известна с древности, в нашей медицине ничего о ней не говорится. Если она новая, наши врачи скоро найдут способ ее излечить. Но если это сердечный недуг, тогда пусть Надзирающие соображают, что надо делать.

Наступило молчание.

— Может, уже известно, что надо делать, — безрадостно улыбнулась Эл-Ит. — Расскажите всем в степи, что я была у вас сегодня ночью, поведайте людям, о чем мы говорили, что мы думаем на этот счет.

— Обязательно расскажем, — пообещали они.

Потом все поднялись и вместе с Эл-Ит пошли сквозь стада. Молодая девушка подозвала трех коней, те подошли и охотно подождали, пока молодой человек взгромоздил Джарнти на спину одного, Эл-Ит забралась на второго, а сама девушка вскочила на третьего. Животные толпи-

лись вокруг Эл-Ит, восседающей на своем коне, и взывали к своей королеве, пока ее маленькая кавалькада ехала мимо них.

Там, в степи, по которой они направлялись к лагерю, распрямившиеся после бури травы серели в тусклом утреннем сумраке, но с востока небо уже пылало утренней зарей.

Джарнти очнулся, выпрямился в седле и обрел вполне воинственный вид.

— Мадам, — спросил он, — как это вы тут разговариваете со своими животными?

— А вы со своими?

— Мы никак не разговариваем.

— Надо просто быть с ними рядом. Наблюдать за ними. Положишь на животных руки — и ощутишь, что они чувствуют. Надо смотреть им в глаза. Послушать, в какой тональности они издают звуки, как подзывают друг друга. А когда животные сообразят, что вы их понимаете, старайтесь не пропустить первых звуков, обращенных к вам. А пропустите — они больше не станут стараться. Очень быстро начинаешь ощущать их чувства и понимать их мысли.

Некоторое время Джарнти молчал. Стада уже остались позади, когда он наконец проговорил:

— Конечно, мы за ними наблюдаем и замечаем,

какой у них вид, если они, допустим, больны.

— И что, у вас нет никого, кто умел бы обмениваться чувствами с животными?

— Ну, некоторые неплохо ладят с животными.

Однако Эл-Ит уже утратила интерес к разговору.

— Может быть, мы слишком нетерпеливы, — добавил Джарнти.

Эл-Ит и девушка промолчали. Они рысью продвигались к подножию гор. Теперь высокие горные пики сияли розовым светом на предгрозовом утреннем небе.

— Мадам, — в душе у Джарнти все кипело, он не умел быть на короткой ноге ни с ней, ни с кем другим, — пока вы с нами, не сможете ли обучить наших солдат, тех, кто занимается лошадьми, этим вашим штучкам?

Помолчав, она ответила:

— Вы, очевидно, не знаете, что ко мне полагается обращаться по имени — Эл-Ит? Вы разве не понимаете, что до сих пор я не привыкла к подобному обращению — «Мадам»?

Джарнти смущенно умолк.

— Ну, так обучите их? — угрюмо спросил он наконец.

— Обучу, если смогу, — после долгой паузы

ответила Эл-Ит.

Он напрягался, хотел поблагодарить ее, сказать, как ему приятно общаться с ней, но солдат не умел выражать своих чувств.

Они уже проехали больше половины обратного пути до лагеря.

Джарнти вдруг вонзил шпоры в бока коня. Тот немедленно заржал и взбрыкнул. Потом встал как вкопанный. Обе женщины тоже остановились.

— Вы хотите поехать впереди? — удивилась девушка.

Джарнти угрюмо надулся.

— Больше он вас не повезет. — Девушка соскочила со своего коня. Джарнти слез со своего. — Давайте поменяемся. — Он так и сделал. А девушка успокоила озадаченного коня, которого Джарнти пнул, и взобралась на него.

— *Кто бы мог подумать,* вам захотелось поехать впереди нас, — заметила девушка.

У солдата был пристыженный, смущенный вид. Он покраснел.

— Боюсь, вам придется потерпеть, — наконец сказала Эл-Ит.

Когда вдали показался лагерь, Эл-Ит спрыгнула с коня. Конь тотчас развернулся и легким

галопом отправился назад, к пастухам. Джарнти слез со своего. И этот тем же галопом последовал за первым конем. Джарнти так и стоял, не отрывая восхищенного взгляда от симпатичной всадницы, которая разворачивалась, собираясь в обратный путь.

— Когда надумаете приехать в Зону Четыре, — крикнул он ей, — дайте мне знать!

Девушка долгим сочувственным взглядом посмотрела на Эл-Ит и, бросив: «Я, к счастью, не королева», — поспешила назад через степь, ведя за собой двух коней, которые постоянно ржали и взбрыкивали.

Эл-Ит и Джарнти шли к лагерю, спиной ощущая тепло утреннего солнца.

Они были еще далеко от лагеря, но до них уже донесся запах жарящегося мяса.

Эл-Ит молчала, но выражение ее лица было достаточно красноречиво.

— Вы не убиваете животных? — неохотно спросил он, обуреваемый любопытством.

— Только в случае крайней необходимости. Нам хватает другой еды.

— Вроде этих ваших жутких ягод, — попытался иронизировать командир.

В лагере выяснилось, что солдаты убили оленя.

Джарнти не съел ни кусочка.

Сразу после трапезы все, кроме Эл-Ит, занялись оседлыванием коней. Она смотрела, как животные неловко пытались удержать в пасти зубами мундштук упряжи.

Затем прыжком взлетела на своего коня и что-то зашептала ему на ухо. Джарнти обеспокоенно следил за женщиной.

— Что вы ему сказали? — спросил он.

— Что я ему друг.

И опять Эл-Ит ехала во главе кавалькады, на восток, через степь.

Вдали, в стороне от них, на горизонте темнело какое-то пятно — это паслись те самые стада, среди которых они провели ночь.

Джарнти скакал прямо за Эл-Ит.

И всю дорогу вспоминал разговоры, которые велись у костра прошлой ночью, их тон, их непринужденность. Он томился, вспоминая этот разговор, — не мог понять, чем же он его так зацепил, потому что никогда до сих пор не видел, чтобы люди непринужденно общались. Так бывало только иногда, вспоминал он, с какой-нибудь девушкой, после душевно проведенной ночи.

Джарнти спросил Эл-Ит, не скрывая легкой зависти:

— Вы чувствуете, какие грустные вон те животные, которые там пасутся? — Он обратил внимание, что она постоянно озабоченно смотрела в сторону стад.

— Неужели вы и впрямь ничего не ощущаете? — удивилась она.

Он заметил, что у нее беспрерывно текут слезы, прямо на ходу.

И пришел в бешенство. Джарнти казалось, будто перед ним захлопнули какую-то дверь, словно бы его куда-то не пускают, лишают чего-то, на что он имеет законное право.

За спиной у них раздавался цокот копыт остальных солдат.

Впереди лежал долгий путь к границе. Вдруг Эл-Ит наклонилась к уху коня, шепнула что-то, и конь рванулся вперед. Джарнти и его подчиненные набрали скорость, полетели вслед, крича, желая остановить ее. Они-то знали, что у Эл-Ит нет щита, а атмосфера Зоны Четыре для нее может быть смертельна. Она мчалась, как буйный ветер, гуляющий по степи всю ночь до утренней зари, длинные волосы развевались за спиной, и слезы непрерывно текли по ее лицу.

Через много миль командир догнал женщину: один из солдат бросил ему щит, Джарнти его

поймал на лету, и теперь их кони скакали рядом, голова в голову.

— Эл-Ит! — кричал он. — Постойте, вам нельзя без этого! — И протягивал ей щит.

Женщина долго не слышала его криков. Наконец обернулась лицом к Джарнти, совсем не сдерживая своей сумасшедшей скачки, и он упал духом при виде ее побелевшего, измученного лица. Он протянул ей щит. Она подняла руку, намереваясь перехватить его, и Джарнти поначалу заколебался — щит не такой уж легкий. Но тут же вспомнил, как намедни Эл-Ит с легкостью отбросила тяжелое седло, и швырнул щит в ее сторону. Она поймала его одной рукой, ничуть не замедлив хода.

Они приближались к границе. Солдаты наблюдали с любопытством, желая увидеть, как на Эл-Ит подействует неожиданная смена плотности воздуха, потому что всем им накануне немного нездоровилось. Но женщина без колебаний пересекла невидимый барьер, правда, чуть побледнела: казалось, ей стало нехорошо. Там, на их стороне, за пограничной линией возвышались сторожевые башни, воздвигнутые в полумиле друг от друга, ощетинившиеся гарнизонами и боевым оружием. Эл-Ит не останавливалась.

Джарнти и отряд неслись за ней, крича солдатам, высунувшимся из башен, чтобы те не стреляли. Она пролетела между башнями, не удостаивая их взглядом.

Впереди был крутой спуск между холмами и скалами, он вел вниз, на широкую равнину. Возле спуска Эл-Ит наконец остановилась.

И солдаты как вкопанные встали за ее спиной. Она смотрела вниз, разглядывая территорию, застроенную фортами и военными лагерями.

Потом соскочила с коня. К ним от фортов бежали солдаты, ведя под уздцы свежих коней, а измученных путешествием увели в табун, на отдых. Но конь Эл-Ит не хотел уходить от нее. Дрожал, скулил, ходил кругами, а когда солдаты подошли, отказался идти с ними.

— Хотите получить его в подарок, Эл-Ит? — спросил Джарнти, и женщина с благодарностью скупо улыбнулась, на большее была не способна.

Она и со свежего коня сняла седло, уздечку, бросила все это изумленным солдатам. И стала спускаться в Зону Четыре, а Йори галопом скакал рядом. Он то и дело поднимал морду и тыкался в хозяйку носом.

Вот так Эл-Ит въехала в зону, о которой мы много слышали, которую столько обсуждали и в

которой ни разу не были.

Даже щит не помог ей чувствовать себя свободно, непринужденно. Воздух тут был застоявшийся, наводящий меланхолию. Безрадостный пейзаж был как будто стиснут рамками. У нас, куда ни взглянешь, сплошь живописные холмы и горы, — сам ландшафт выражает буйную энергию.

Центральное плато, на котором находится большинство наших городов, вовсе не отличается правильной формой, оно стоит в кольце гор и прорезано глубокими руслами рек и оврагами. У нас взглядом постоянно натыкаешься на движение, и всегда, как поднимешь глаза, — видишь большие заснеженные горные пики, расцвеченные льющимся с неба светом. Да и сам воздух, холодный и резкий, бурлит у нас в крови. А здесь перед Эл-Ит лежал скучный однообразный плоский ландшафт, прорезанный каналами, где вода бежит в искусственных руслах, обсаженных рядами прямых подстриженных деревьев. И, словно пунктир, через определенные интервалы были разбросаны регулярные лагеря, живущие по режиму военного времени. Города и деревни в Зоне Четыре размерами были не больше этих лагерей. Небо тут оказалось серовато-голубого цвета,

тускло светились водные потоки. Единственное, на чем мог отдохнуть глаз, насколько заметила Эл-Ит, был широкий низкий холм почти в самом центре территории; там, как ей показалось, было разбито что-то вроде парка или сада.

Все это время они спускались по крутому откосу.

Дорога сделала поворот, и перед ними выросло огромное круглое здание из серого камня, всей своей тяжестью осевшее в землю между каналами. По всему видно — новостройка, потому что поблизости Эл-Ит заметила свежеразрытую землю, обломки камней. Она испугалась — не для нее ли оно выстроено, и конь, почувствовав испуг наездницы, начал спотыкаться и остановился. Отряд за ее спиной тоже притормозил, она оглянулась: лицо каждого солдата осветилось затаенным торжеством. Джарнти пытался скрыть улыбку, как и положено командиру, хотя явно был готов разделить с подчиненными их радость. Постояли в молчании, под перестук копыт на каменистой дороге: это кони переминались с ноги на ногу, воспользовавшись минуткой отдыха. И тут Эл-Ит поняла, что ошиблась: если бы здание предназначалось для нее, на физиономиях ее захватчиков не было бы столь гордого и торже-

ственного выражения.

— Когда мы должны прибыть к королю? — спросила она, и для Джарнти ее вопрос послужил напоминанием, что над ним есть высшая власть. Строгим взглядом он упрекнул отряд за задержку и придал своему лицу послушное выражение.

Все это она заметила, поняла, — и тут до нее дошло, до чего же это варварская страна.

Они вообразили, что Эл-Ит стало страшно от одного вида известной по слухам «круглой крепости смертоносных лучей», как ее именуют в одной из наших песен.

Эл-Ит, уже не в первый и даже не в десятый раз, напомнила себе, что не так-то просто ей будет приспособиться к этому народу с их рабской психологией, и, чтобы испытать солдат, тронула коня и двинулась по дороге ко входу в здание. Джарнти мигом оказался рядом, потянулся рукой к коню, как бы желая его остановить. Она остановилась и объяснила:

— Захотелось заглянуть в эту вашу знаменитую круглую крепость.

— Что вы, нет! Нет, вам нельзя! Это запрещается! — Он все еще был преисполнен важности.

— Но почему? Ведь ваше оружие направлено не против нас, конечно?

— Ну… в крепости опасно… — И как раз в этот момент из-за стены здания выскочили играющие ребятишки и разбежались во все стороны. Двое проскользили через открытый вход в здание.

— Ладно, мне все ясно. — И Эл-Ит поехала дальше, не удостоив взглядом ни Джарнти, ни его солдат.

Когда они практически уже спустились на равнину, то увидели пасущееся прямо у дороги стадо, за которым присматривал подпасок.

Джарнти жестом подозвал парнишку, и тот помчался к ним со всех ног. Пока парнишка бежал, Джарнти успел сказать:

— Вы должны научить его обращаться с животными по-вашему.

А когда пастушок уже оказался на обочине дороги, бледный и испуганный, Джарнти заорал:

— А ну немедленно падай ниц! Не видишь, что ли, кого мы везем к королю?

Мальчишка мгновенно упал лицом в землю, растянувшись на траве во весь рост.

Взгляд Джарнти не то умолял, не то приказывал, и конь под ним нетерпеливо ходил кругами: ему передалось рвение хозяина, желавшего быстренько освоить познания Эл-Ит.

— Видите ли, — объяснила она, — вряд ли мы

сможем кого-то чему-то обучить столь быстро. Подобные вещи так не делаются.

Но Джарнти и сам уже понял, что свалял дурака, покраснел и разозлился. И все же заорал на парнишку:

— Эта дама желает знать, здоровы ли твои животные!

Ответ прозвучал не сразу. Подпасок помолчал, потом сквозь хныканье послышалось что-то вроде:

— Да, здоровы, вполне здоровы, господин.

Эл-Ит соскользнула с коня на землю, подошла к парнишке и приказала ему:

— Встать!

Она заставила себя скомандовать, потому что, судя по всему, тут понимали только командный тон. Подпасок медленно поднялся и едва держался на дрожащих ногах, бросая взгляды исподлобья. Эл-Ит выждала минутку, пока не убедилась, что он понял — она не страшная, и только тогда заговорила:

— Я из Зоны Три. Нашим животным нездоровится в последнее время. Скажи, ты не заметил у своих животных что-нибудь необычное?

Прижав к груди сжатые кулаки, парнишка тяжело дышал, будто пробежал несколько миль.

Наконец у него вырвалось:

— Да, да, мне кажется, я тоже это замечал.

Из-за ее спины Джарнти вмешался в разговор громко и игриво:

— Что, затосковали они у тебя, что ли? — И весь отряд заржал.

Эл-Ит поняла, что при солдатах все равно ничего не добьешься, и сказала мальчику:

— Не бойся. Возвращайся к своим животным. — Подождала, пока он поспешно скрылся, и вернулась к своему коню.

И Джарнти снова стало неловко за очередную глупость, но как тут было удержаться, когда она, маленькая, безоружная, ростом намного ниже их, стояла на земле рядом с беззащитным и испуганным мальчишкой. У Джарнти невольно возникла потребность продемонстрировать свою силу, свое превосходство.

Она вспрыгнула на коня и сразу пустила его в галоп, не глядя на свой эскорт. Она, наша бедная Эл-Ит, чувствовала себя очень подавленной. Этот период жизни был для нее самым тяжелым. Все в ее душе кипело от возмущения — от того, как обращались с бедным парнем; ну что же, таковы порядки в этой стране. Тогда, в тот тяжелый для нее период жизни, Эл-Ит и представить себе не

могла, что с этими хамами возможно хоть какое-то общение. И, конечно, с ужасом воображала, что ее ждет у Бен Ата.

Они весь день скакали и скакали через равнину, она — во главе кавалькады. И на всем пути встречали только канавы и ряды кустарника. За ней следовал Йори, конь без всадника, рядом держался Джарнти, за ними — отряд. Все молчали. Эл-Ит ни слова не сказала об инциденте с подпаском, они же, зная, что скоро она встретится с королем, не могли рассчитывать на хороший отзыв о себе. Так что все были мрачные, хмурые. Иногда им встречались в пути жители страны — то на обочине дороги, то в плоскодонках в каналах, но те, кому повезло увидеть этот небольшой отряд, рассказывали, что ни на одном лице не заметили и следа улыбки; будто это была не свадебная, а похоронная процессия. Конь без всадника вызвал быстро разошедшиеся слухи, что Эл-Ит упала и разбилась насмерть, потому что никто и внимания не обратил на тоненькую фигурку всадницы во главе кавалькады. Эл-Ит, в ее простом темно-синем одеянии, в черной вуали на голове принимали за кого-то из обслуги.

Возникла даже такая легенда, якобы конь убитой Эл-Ит прискакал вместе с отрядом к королю,

чтобы рассказать ему, что свадьба не состоится. В легенде говорилось, будто конь встал у порога брачных чертогов и трижды проржал: Бен Ата, Бен Ата, Бен Ата, — а когда тот вышел, конь сказал ему:

Свадебный пир, о король, отменить нам придется,

Ибо невеста твоя обручилась со смертью,

Холод и тьма воцарились в ее королевстве.

Эта баллада обрела популярность, и ее пели все, несмотря на то, что прекрасно знали: Эл-Ит жива-здорова, да и свадьба состоялась. О том, что этот брак был не из самых благополучных, конечно, тоже было известно с самого начала. Откуда? А откуда все всегда все знают? К балладе дополняли все новые и новые куплеты. Вот что, например, придумали в армейском лагере Зоны Четыре — в бараках семейных солдат:

Прекрасно и сильно твое королевство, король всемогущий,

Я, слабая женщина, буду твоею рабыней,

И стану безропотно мужа я ждать из походов.

Уж у нас бы точно никогда не сложили такие стихи, хотя об Эл-Ит было создано много жалостливых и чувствительных баллад. Кое-кто скажет, что где есть деспотичное государство, там обязательно возникает критика этого короля-хама. И даже не важно, каков сам по себе этот деспот, просто угнетаемые по своей природе всегда страстно желают заклеймить его. Мы подобное утверждение опровергаем, и пример нашей страны — Зоны Три — доказывает, что мы правы. Чтобы признать и воспеть обыденного, ничем не выделяющегося правителя, достаточно его просто не порочить.

Когда подобные баллады из Зоны Четыре дошли до нас, в верхнюю страну, их переделали, уже на нашей территории. И тут у нас имелось несомненное преимущество: мы не боялись своих, местных властей.

Хочу сразу объяснить, какого типа баллады у нас не имеют хождения: такие, которые основаны на сетованиях или оплакивании утрат.

И вот пример: зрелище коня без всадника в их зоне породило песни о смерти и печали; в нашей же — песни о нежной дружбе. Но вернемся к

Эл-Ит.

Ровная, словно бы проложенная по линейке дорога, по которой скакали путники, шла все время по равнине. Почти в самой середине ее под прямым углом пересекала другая, такая же идеально ровная. Понемногу их дорога пошла вверх, стала подниматься на небольшой холм, хоть как-то разнообразивший унылый ландшафт. Каналы, полные стоячей воды, остались позади, в окружении обрезанных деревьев, напоминавших сплошные глыбы или тонкие прутики. Здесь же, на вершине холма, был разбит парк, а в каналах, вдоль которых они ехали, вода бежала быстро, падая с уступа на уступ, и вливалась в чаши фонтанов. Здесь воздух был свежим и прохладным, и вдруг впереди, к своей радости, Эл-Ит увидела летний павильон с раскрашенными стройными колоннами и арками. Но людей тут не было видно. По контрасту с безлюдным садом и явно необитаемым павильоном ей вспомнился свой дворец и двор, где всегда толпились дружески настроенные посетители, и тут, по приказу Джарнти, отряд остановился. Солдаты соскочили с коней и окружили Эл-Ит, которая, спешившись, оказалась в самой гуще солдат и почувствовала, что ее волокут вперед, как будто она военноплен-

ная, — и сообразила, что у них уже есть опыт такого обращения с пленниками: ибо все было хорошо организовано и проделано оперативно.

Но, стоя среди толпы солдат с Джарнти во главе, Эл-Ит протянула руку и ухватила за шею коня Йори, полученного в подарок.

Такой ее и увидел со ступеней павильона Бен Ата, когда вышел из двери и встал в привычной позе: сложив руки на груди, широко расставив ноги; со стороны посмотреть — простой бородатый солдат, ничем, даже одеждой не отличающийся от Джарнти или любого другого. Бен Ата был крупным блондином, с могучими мускулами от постоянных воинских занятий, с загорелыми докрасна лицом и руками. Своими серыми глазами он смотрел не на Эл-Ит, а на коня, потому что поначалу и у него возникла такая же мысль — что его невеста мертва.

Эл-Ит быстро прошла сквозь строй солдат, подозревая, что здесь уже бывали прецеденты, повторять которые она бы не хотела, и предстала перед королем Зоны Четыре, все еще удерживая коня за гриву.

Теперь он перевел взгляд на женщину и удивленно нахмурился.

— Я — Эл-Ит, — представилась она, — а этого

коня мне от доброго сердца подарил Джарнти. Прошу вас, отдайте приказ, чтобы с ним хорошо обращались.

Бен Ата просто потерял дар речи. Потом кивнул. Тогда Джарнти ухватил коня за шею и попытался увести. Но Йори попятился и постарался освободиться. Для того, чтобы конь позволил себя увести, Эл-Ит должна была успокоить его и пообещать, что вскоре навестит своего друга.

— Обещаю, я приду к тебе сегодня же. — И обернулась к Джарнти: — Вы не уводите его очень далеко. И, пожалуйста, прикажите, чтобы Йори покормили и хорошенько о нем позаботились.

Джарнти чувствовал себя полным идиотом, солдаты ухмылялись, правда, украдкой, потому что выражение лица Джарнти было довольно красноречивым. Как правило, в подобных случаях девушку, словно узел, бросали через порог или грубо подталкивали вперед, смотря по обстановке, а сейчас никто не знал, как следует поступить.

— Бен Ата, — заговорила Эл-Ит, — наверное, тут есть какое-нибудь помещение, где я могу уединиться, чтобы привести себя в порядок? Я целый день провела в дороге.

Бен Ата понемногу приходил в себя. Выраже-

ние его лица было жестким, даже озлобленным. Он не знал, чего ждать, был готов делать уступки, но эта женщина в траурных одеждах вызывала неприязнь. Она не сняла вуали, и ему было не разобрать, какие у нее черты лица, видел только ее темные волосы. Вообще-то правитель Зоны Четыре предпочитал блондинок.

Он пожал плечами, метнул взгляд на Джарнти, развернулся и ушел в дверь за своей спиной. А Джарнти повел Эл-Ит в другую дверь: там находилось несколько комнат, которые предназначались для нее, и позаботился обеспечить гостью всем необходимым. Она отказалась есть и пить, заявив, что через несколько минут будет готова встретиться с королем.

И действительно встретилась с ним: вышла из своей туалетной попросту, в том же темном платье, в каком приехала. Только сняла вуаль, и теперь ее заплетенные в косы волосы висели вдоль спины.

Бен Ата развалился на низкой тахте, в светлой просторной комнате, полной воздуха, не загроможденной мебелью. Эл-Ит поняла, что это была спальня новобрачных, специально приготовленная к торжественному событию. Однако жених, растянувшийся в одном конце тахты, опершись

подбородком о ладонь, а локтем о колено, при ее появлении даже не шелохнулся. А сесть больше было не на что, так что Эл-Ит пришлось устроиться на краешке тахты, подальше от него, приняв позу человека, присевшего лишь на минутку и готового снова вскочить при первой возможности. Она серьезно смотрела на своего жениха. И в его взгляде тоже не было готовности улыбнуться.

— Ну, как тебе тут нравится? — небрежно спросил Бен Ата. Было ясно, что он не имеет представления, о чем говорить или что делать.

— Значит, вот это здание выстроили специально?

— Ну да. По Приказу Надзирающих строили точно по инструкции. Закончили только сегодня утром.

— Ничего не скажешь, элегантное сооружение, и приятное, — отметила она. — Никакого сравнения с теми, которые я видела по дороге сюда.

— Вообще-то оно совершенно не в моем вкусе, — признался он. — Но если тебе приглянулось, значит, получилось то, что надо.

Это, видимо, была попытка сказать любезность, хоть и весьма неуклюжая. Жениху явно было не по себе: он все время вздыхал, не скрывая, что сейчас ему больше всего хочется сбежать.

— Видимо, задумывалось так, чтобы здание пришлось по вкусу нам обоим? — заметила Эл-Ит.

— Наплевать мне на него, — грубо и резко заявил Бен Ата, дав наконец волю накопившемуся раздражению. — Да и тебе наверняка наплевать.

— Постараемся оптимально воспользоваться его достоинствами. — Эл-Ит хотелось как-то его успокоить, но ее слова прозвучали раздраженно и с горечью.

И оба пленника, абсолютно чужие друг другу, объединенные только местом заключения, обменялись откровенными взглядами.

Это был первый, хотя совсем еще маленький и робкий шаг к взаимопониманию.

Он откинулся на спинку их общего брачного ложа, заложив руки за голову, ноги в пыльных сандалиях забросил на покрывало, изготовленное из тонкой шерсти, расшитое узорами в пастельных тонах. Нигде он не смотрелся бы более неуместно. Бен Ата настолько неловко чувствовал себя в этой обстановке, так демонстративно возводил глаза к потолку, делая вид, что гостьи тут не существует, что ей сразу стало ясно, каковы привычные для него образ жизни и условия обитания.

Невеста стала осматривать комнату, которая оказалась очень большой, стрельчатые окна в двух противоположных стенах выходили в парк. Незаметные двери в двух других стенах вели — одна в жилые комнаты Эл-Ит, где она уже побывала, другая — видимо, в покои ее жениха. Потолок был сводчатый, высокий, с рифленым бордюром. Стены комнаты были выкрашены краской цвета слоновой кости, с блестками и узорами в золотых, бледно-красных и синих тонах; вышитые портьеры на стрельчатых окнах скреплялись зажимами, усеянными бриллиантами. Из парка доносились плеск фонтанов и шум струящейся воды. Эл-Ит вспомнила нарядные свежепокрашенные здания Андаруна, нашей столицы, правда, личные покои у нее дома были более скромными.

Мебели было немного, но комната не выглядела пустой. В центре ее поднималась к потолку колонна, которая разветвлялась на несколько более тонких колонн; все они были рифленые и выкрашенные в те же цвета — золотой, небесно-голубой и красный. Пол в комнате был деревянный, сделанный из приятно пахнущей древесины. Кроме большого низкого ложа-тахты, возле одной арки стоял небольшой столик. Два изящных кресла

возвышались друг напротив друга.

Внезапно послышалось конское ржание. И тут же за одной из арок появился Йори, он собрался было войти в помещение, но Эл-Ит успела подбежать к нему и удержать. Нетрудно было догадаться, что произошло. Коня, конечно, заперли, но он вырвался на свободу, и солдаты, получившие приказ сторожить Йори, не осмелились последовать за ним в это частное владение — парк с павильоном, о котором только и говорила вся страна в последние недели. Эл-Ит погладила коня по морде, потянула его голову вниз и прошептала что-то сначала в одно ухо, потом в другое, после чего конь развернулся и ускакал обратно к своим стражникам.

Когда она обернулась, за ее спиной стоял пылающий гневом Бен Ата.

— Теперь понятно, что нам не врали, рассказывая про вашу страну. Вы там все колдуны и ведьмы.

— Этому колдовству легко научиться, — попыталась отшутиться Эл-Ит, но, видя, что жених по-прежнему пылает гневом, мигом утратила веселое расположение духа и быстро прошла через всю комнату к постели, сбросила на пол одну большую подушку и уселась на нее, скрестив

ноги. Она не задавалась мыслью, каковы должны быть действия Бен Ата, — должен ли ее жених поступать, как она, или же остаться на кровати. Но он, не будучи уверенным ни в чем, расценил поступок невесты как вызов и сам, в свою очередь, стащил подушку с кровати, толкнул ее к стенке и уселся.

Так они и сидели, на двух подушках друг напротив друга.

Эл-Ит чувствовала себя свободно, как дома, потому что привыкла так сидеть всегда, но для Бен Ата эта поза была неудобна, он боялся пошевелиться, из опасения, что подушка выскользнет из-под него на полированном полу.

— Ты всегда так одеваешься?

— Оделась так специально ради тебя, — парировала Эл-Ит, и Бен Ата снова покраснел: с тех пор как она приехала сюда, она видела столько сердитых, смущенных мужчин, сколько в жизни своей не встречала. И она даже призадумалась: может, у них тут у всех какое-то заболевание крови или кожи?

— Знал бы, что приедешь в таком виде, заказал бы для тебя наряды. Кто же мог предположить, что ты оденешься как служанка?

— Бен Ата, я всегда одеваюсь просто.

Ее широкое платье простого покроя вызывало в нем раздражение и злобу.

— А мне говорили, что ты вроде бы королева.

— Да и тебя не отличить от твоих собственных солдат.

И тут он ухмыльнулся, оскалив зубы, и пробормотал что-то, насколько она поняла, означавшее:

— Сними-ка эту штуку, и я тебе покажу.

Она понимала, что он сердит, но не представляла, что до такой степени. Когда его страна вела очередную войну, при первом же вступлении армии на чужую территорию какую-нибудь девицу тут же вталкивали к королю в палатку или просто бросали к его ногам. Почти все пленницы обычно плакали. Некоторые шипели и плевались. Некоторые кусались и царапались, когда он входил в них. Кое-кто плакал не переставая в течение всего процесса совокупления. А некоторые скрипели зубами, демонстрируя свое отвращение к нему. Бен Ата был не из тех, кто получает удовольствие, причиняя другим страдания, так что этих он приказывал вернуть по домам. Но вот что касается тех, кто плакал, или тех, кто как-нибудь сопротивлялся, — от них, как подсказывал личный опыт, можно было получить большое на-

слаждение, и этих он постепенно приручал. Таков был обычай, и он его соблюдал. Бен Ата совокуплялся с женщинами на всей территории своей страны и часто их оплодотворял. Но не женился, да и не собирался жениться; между прочим, его представления о браке были сентиментальными и возвышенными, как у всякого, не знающего женщин по-настоящему. А эта женщина, которая заставит его страдать почти бесконечно, хоть и с перерывами, являла собой нечто незнакомое, лежавшее за пределами его жизненного опыта.

Все в ней возмущало Бен Ата. В красоте Эл-Ит не откажешь: темные блестящие волосы, большие карие глаза и все прочие достоинства, но физически невеста его совершенно не возбуждала, и он оставался к ней холоден.

— Долго мне еще торчать тут, при тебе? — Она задала именно тот вопрос, который он с тоской предвидел, и именно таким нудным тоном, как он и ожидал.

— Сказали, несколько дней.

Наступило долгое молчание. В эту большую уютную комнату доносился только плеск струй воды в фонтанах, да мелькали на стенах отблески света, отражаемого водной гладью прудов и фонтанных чаш.

— Как у вас это делается, в вашей стране? — поинтересовался Бен Ата, догадываясь, что вопрос сформулирован довольно неуклюже, но не умея придумать ничего другого.

— *Что* как делается?

— Ну, начнем с того, что у тебя много детей, насколько мы знаем.

— Родила я пятерых. Но я мать для многих. Всего их больше пятидесяти.

Эл-Ит видела, что с каждым сказанным ею словом расстояние между ними становится все больше.

— У нас так заведено: если ребенок осиротел, я становлюсь его матерью.

— Приемной.

— Нет, у нас нет такого слова. Просто становлюсь ему матерью.

— Понятно, ну, и, само собой, ты относишься к этим детям точно так же, как и к своим собственным, — сказал он, заранее передразнивая ее предполагаемую шаблонную фразу, которую произносят в таких случаях.

— Нет, я этого не говорила. И потом, пятьдесят детей — слишком много, не получится создать с ними очень близкие отношения.

— Ну, и тогда какие же они тебе дети?

— У них у всех равные права. И каждому я уделяю одинаковое время, насколько могу.

— Я не так представляю себе мать *своих* детей.

— Как ты думаешь, от нас ждут именно этого?

Ее слова привели его в ярость! Бен Ата вообще-то не особенно *задумывался* об этом унизительном, отвратительном, навязанном ему союзе; он скорее жил чувствами. Но предполагал, что обязательно должны быть дети «для скрепления альянса», — или для чего-то в этом роде.

— Ну, а ты сама как считаешь? Ты-то о чем думаешь? О любовной интрижке раз в несколько недель? — И он фыркнул, выражая этим свое отвращение к невесте. *Тоже мне!*

Эл-Ит старалась не смотреть на него слишком пристально. Она заметила, что от ее пристального взгляда — каким она вообще привыкла смотреть на людей — Бен Ата приходил в замешательство. И, кроме того, жених понравился ей еще меньше, чем она ему. Ей казался вульгарным этот солдат, с тяжелым горячим телом, с горящими, возмущенными глазами, с грубыми, выгоревшими на солнце волосами, — они напоминали ей шерсть овец элитной породы, которых в ее стране выращивали на специально отведенной для них горе.

— Брак нужен не только для деторождения, —

заметила она.

Смутно ощутив здравый смысл в ее замечании, Бен Ата громко зарычал и сильно стукнул кулаками по полу рядом с собой.

— Ну, если ты так считаешь, то вряд ли что-то понимаешь в *этом.*

— Куда уж мне, — огрызнулась она, — только ведь в нашей зоне это, как и многое другое, является предметом искусства.

— Еще чего не хватало, — сказал он. — Ну уж нет, нет, нет и нет! — Он вскочил и забегал по комнате, стуча кулаками по хрупким стенам.

Эл-Ит, по-прежнему сидя на своей подушке, следила за ним с таким интересом, как будто наблюдала за каким-то новым биологическим видом.

Бен Ата остановился. Он как будто внутренне готовился к чему-то. Потом обернулся, стиснул зубы, крупными шагами подошел к Эл-Ит, поднял ее с полу и бросил на постель, привычным жестом зажал женщине рот ладонью, задрал на ней платье, пощупал себя — убедиться, готов ли, грубо вошел в нее и завершил свое дело, для чего ему хватило полдесятка быстрых движений. И все это — не отрывая ног от пола.

Потом выпрямился и тут же смутился, поняв,

что все было сделано как-то неправильно, и, как бы извиняясь, совершил в высшей степени непривычный для себя жест: заботливо одернул на партнерше платье и очень осторожно отнял руку от ее рта.

Эл-Ит смотрела на него снизу вверх отсутствующим взглядом. Бен Ата поразился. Она не плакала. Не царапалась. Не обзывала его по-всякому. Не проявила холодного беспощадного отвращения, которое он с ужасом замечал в некоторых своих жертвах. Вообще ничего. Ему пришло в голову, что женщину *заинтересовало* это совершенно неожиданное для нее происшествие.

— Ну, *ты,* — прорычал он сквозь зубы, — надо же, как мне тебя навязали!

И тут Бен Ата услышал неожиданный, но безошибочно узнаваемый звук — она смеялась. Эл-Ит села, свесив ноги через край тахты, потом вдруг маленько всплакнула, отчего ее плечи бесшумно затряслись, затем, так же внезапно, прекратила рыдать, пробралась к своей подушке и уселась на нее спиной к стене, уставясь на жениха.

Он отметил, что она его боится, но не так, как ему бы хотелось.

— Ну, — сказал Бен Ата, — вот так-то. — И

неловко искоса взглянул на нее, как бы ожидая реакции.

— Ты всегда ведешь себя с женщинами именно так? — спросила Эл-Ит. — Или просто я тебе не понравилась?

Услышав эти слова, он взглянул на нее с мольбой, присел на пол возле кровати и начал молотить кулаками по постели.

И тут до нее дошло, что он просто мальчишка, не более того. Эл-Ит посмотрела на него материнским взглядом, у нее самой были сыновья-подростки, и в первый раз ее сердце смягчилось.

Глядя на него своими большими глазами, еще полными слез, она сказала:

— Знаешь, мне кажется, ты кое-чему мог бы поучиться у нас.

Бен Ата неопределенно покачал своей большой лохматой головой, как будто на сегодня уже услышал достаточно много нового для себя. Так он и сидел, в той же позе, наклонившись вперед, не глядя на нее, но ловил каждое ее слово.

— Во-первых, ты слышал когда-нибудь, что для зачатия можно заранее выбрать подходящий момент?

Бен Ата вздрогнул. Потому что Эл-Ит снова заговорила о детях. Он снова стукнул кулаком

по постели.

— Ты разве не знаешь, что на характер ребенка может повлиять момент его зачатия?

Он отрицательно покачал головой и вздохнул.

— Если я забеременею сейчас, что вполне возможно, тогда этому ребенку впоследствии не за что будет нас поблагодарить.

Бен Ата внезапно бросился на постель и лежал ничком, раскинув руки.

И снова наступило долгое молчание. Только витавший вокруг слабый запах напоминал о происшедшем соитии, и Бен Ата позволил себе поднять глаза на женщину. Она сидела, прислонившись к стене, очень бледная, усталая, на лице возле губы темнел синяк, в том месте, которое он прижал большим пальцем.

Он тяжело вздохнул.

— Видимо, я и впрямь кое-чему мог бы научиться от тебя. — На этот раз его голос звучал отнюдь не инфантильно.

Она кивнула. Они смотрели друг на друга и видели, что каждый несчастен по-своему, но ни один не знал, чего следует ждать от партнера.

Эл-Ит первой поднялась, села возле Бен Ата на тахте и с двух сторон обхватила его толстую шею своими маленькими ручками, а он все так же

лежал ничком, подложив кулак под подбородок.

Потом перевернулся на спину. Заставил себя взглянуть ей в лицо.

Все еще лежа на спине, взял ее за руки, она все так же спокойно сидела рядом. Попыталась улыбнуться, но губы ее дрожали, слезы градом катились по лицу. Протестуя, Бен Ата притянул ее к себе. И сам удивился, почувствовав, что его глаза тоже увлажнились.

Он пытался успокоить эту странную женщину. Он чувствовал, как она своими маленькими ручками гладит его плечи, желая утешить и посочувствовать ему.

Так они и заснули вместе, утомленные этой первой встречей.

Таким было первое любовное соитие этой пары, которое дало толчок воображению жителей обоих государств.

***

Бен Ата проснулся, как всегда, в настороженном состоянии. Приведя все свои чувства в боевую готовность, попытался сориентироваться в окружающем пространстве, прикинуть, нет ли потенциальной опасности, прислушиваясь, не слышно ли каких-то подозрительных звуков вроде шепота. Клапан палатки почему-то оказался распахнут… но отверстие было почему-то выше, чем положено: уж не разорвал ли ветер его палатку, или, может, это сделали враги? Шумит бегущая вода… наверняка каналы переполнены, не зальет ли его? Уже готовый оказаться по щиколотку в плескающейся холодной воде — результат пагубного наводнения, он спустил ноги с постели — и оказался на сухом полу, сделал несколько шагов вперед, подзывая дневального хриплым напряженным голосом, какой бывает в страшных снах, и вдруг понял свою ошибку: то, что он принял за входное отверстие палатки, оказалось высоким сводом, где центральная колонна смыкалась с потолком. И тут же вспомнил все, что было вчера. Обернулся в темноте, пред-

полагая, что эта женщина, Эл-Ит, смеется над ним. Но было очень темно, даже тахту не видно. Больше всего ему хотелось в этот миг просто уйти отсюда — шевелить ногами, двигаться как можно быстрее и больше не возвращаться. Когда Бен Ата понял, что принял за наводнение шум водяных струй в фонтанах, его охватила паника: а вдруг он лишился разума? Его тайком сглазили, у него отняли мужество и выставили трусом. Его охватила обида, даже во рту пересохло. Он был просто в смятении — *из-за нее*, из-за нелепости ситуации, из-за своего собственного поведения. Ну, хорошо, пусть он ничего не понимает, но законопослушность-то ему свойственна. В этом роскошном, предназначенном для изнеженных людей павильоне он оказался согласно полученному им приказу, и долг призывает его опять возлечь на эту тахту. Не сомневаясь, что *она* не спит и наблюдает за ним, Бен Ата осторожно, стараясь не шуметь, пробрался во тьме к тахте, бедрами ощутив мягкость постели. Осторожно присел с краю и начал водить руками по тахте — искал, где там ее руки-ноги. Потом ощупал уже всю тахту — но женщины там не оказалось. Сбежала! Вот радость-то! Это не он виноват, это все она! Ему самому и делать не надо ничего! Но

сразу же эти мысли сменились негодованием и приступом похоти. Как это сбежала? Надо найти! Недавние смущение и нерешительность сменил прилив энергии. Бен Ата настолько оживился, что начал насвистывать — но вдруг подумал: а что, если она где-то тут, в комнате? Исподтишка следит за ним, ну, допустим, из-за колонны. И смеется над ним. Бен Ата мигом обернулся и побежал за колонну, пощупал ее руками — никого. Он снова был готов возвысить голос и позвать дневального, но вспомнил, что сегодня тут нет даже слуг. Вообще-то слуг этот странный король не любил: для него лучшим временем были военные походы, когда он мог ощущать себя солдатом среди таких же солдат, ничем от них не отличающимся, разве что обязанностью принимать решения. Но сейчас Бен Ата не хотелось оставаться наедине с ней, так что сгодились бы и слуги. Надо же, он заперт с женщиной. С этой женщиной. С ведьмой, которая может запросто торчать где-то тут в комнате, причем видит то, чего не видит он. От гнева Бен Ата проявил решительность. Завернулся в свой армейский плащ и зашагал к двери, выходящей к фонтанам.

Он не мог определить, который теперь час, потому что проснулся в темноте. В лагерях охране

был дан приказ — каждые полчаса останавливаться возле его палатки и объявлять время — не орать, а просто сообщать. Когда Бен Ата бодрствовал в чужих странах, ему надо было знать, где он находится. Конечно, это не доставляло ему удовольствия: он, по сути дела, никому не доверял. Он любил приклонить голову сразу после вечернего приема пищи и спать до первого света и не знать ничего, что там происходит в этом промежутке времени, — но уж если почему-либо просыпался, то так и лежал без сна в ожидании низкого успокаивающего голоса стражника.

А теперь Бен Ата стоял, выпрямившись, под аркой, позади него — темная комната, и, выглядывая за арки портиков, он сразу понял, что до зари осталось около часа, хотя на небе не было ни луны, ни звезд и мимо стремительно летели низкие облака. Видневшаяся вдали полоска обозначала длинный прямоугольный пруд, на котором играли струи воды. Его раздражение не прошло, периодически Бен Ата ощущал его приступы. Этот павильон, эти анфилады комнат в нем, подходы к нему, галереи, парк, обилие прудов и фонтанов, прогулочные дорожки со ступеньками на разных уровнях — и все чертовски точно вымерено, описано, измерено, и не просто

так, — а половинами и четвертями и долями, с неожиданными нарушениями стандарта. Их архитекторы, которые все как один до сих пор годами строили исключительно форты, башни и бараки, могли бы взбунтоваться. Вот, например, в этом очень длинном и узком пруду, — какая-то канава, как проворчал он, увидев план-чертеж, — было запроектировано возвести семь струй. Не пять, не десять, не двадцать, — именно семь. А в длинном, находящемся сразу за ним овальном пруду, — три, и все разной высоты…

По одну сторону прудов росла рощица из девяти лавров, и под ними Бен Ата с тревогой увидел какой-то призрак. Это не может быть женщина — слишком уж велика фигура. Тем не менее до него донеслись какие-то звуки. И он тут же понял, что это конь — ее чертов конь! Затем Бен Ата увидел и Эл-Ит — в конце длинного пруда, между ним и овальным прудом: она неподвижно сидела на высокой каменной террасе, имеющей форму круга, радиусом точно в семь с половиной футов. Каменщики, строившие эту террасу, еще шутили, что из нее может выйти неплохая лежанка. Ох уж эти шуточки, его уже тошнило от них, до смерти тошнило от всей этой истории… Интересно, видит ли она его? Но почему бы и нет? Ведь он-то ее

видит, почему бы ей не видеть его.

И что тут смешного? Бен Ата принял вполне нормальную позу: ноги расставлены, руки скрещены на груди, все точно так, как принято у солдат.

Он почувствовал, что в нем еще не улеглись эта настороженность и хладнокровие, готовность броситься в погоню: но вот Эл-Ит сидит там, и нечего преследовать ее, бедняжку, неопрятную беженку, отправлять за ней по болотам и лужам пол-армии, которой ему же и придется командовать… пора бы ему и расслабиться.

Бен Ата не собирался делать первое движение или приветствовать Эл-Ит. Он совсем не хотел ее приветствовать. Он вовсе не чувствовал к этой женщине дружеского расположения. Он уже забыл их краткий миг взаимной нежности и в своем сиюминутном настроении готов был отречься от него… но он все стоял и стоял, не двигаясь. Минуты текли. Эл-Ит не шевелилась. Он видел, что там, вдали, смутно белеет ее лицо, а ее жуткое темное платье, конечно, сливалось с ночным мраком. Он допускал, что женщина от души его ненавидит. В воздухе повеяло влажным бризом, который всегда поднимался перед рассветом. Бен Ата любил, когда его будил этот

слабый ветерок, который мягко веял над землей, ворошил кусты, нес с собой аромат трав и воды. Когда ему выпадала ночевка на болотах, его всегда будил этот бриз, приятный по контрасту с ветрами, безостановочно дувшими над его равнинной страной, ветрами, несущими дожди, которые могли зарядить на недели… Безотчетно он сделал несколько шагов к краю пруда. Сандалии он сегодня вообще не снимал и теперь не смог подойти незаметно и тихо, неожиданно для нее. Но Эл-Ит по-прежнему молчала. Он, мимо семи дурацких водяных струй, подошел вплотную прямо к краю небольшой террасы, и только тогда она повернула голову и молвила:

— Знаешь, Бен Ата, а тут приятно сидеть.

— Я вижу, ты плохо спала!

— Я вообще сплю не больше двух, от силы трех часов.

Эти слова вызвали у него раздражение — конечно, была бы дома ночью — другое дело!

Не придумав ничего лучше, он уселся на помост, нос краю, подальше от Эл-Ит.

Теперь ему было видно, что под лавром стояли две лошади — ее конь, вороной, и другой, снежно-белый: причем первого можно было различить только потому, что он стоял очень близко ко вто-

рому и бросал на него четко очерченную тень.

— У вас в стране, я так понимаю, лошади — совсем как для нас собаки!

— Ошибаешься, Бен Ата. — Лицо Эл-Ит было едва различимо, но по голосу он понял, что она умиротворена — или просто испугана?

Его сердце бешено забилось на какой-то миг при мысли, что она испугалась, но пульс тут же снова стал спокойным. Он словно бы со стороны услышал собственный вздох. Ему казалось, что груз уныния пригибает его к земле. Вся его экзальтация куда-то делась. Всем своим существом, всем своим жизненным опытом он ощущал чужеродность для него этой женщины, и это его угнетало, его подавляла сама ее личность.

Бен Ата лихорадочно рылся в памяти, отыскивая какую-нибудь аналогию, какую-то девушку, хоть немного похожую на Эл-Ит, чтобы было от чего оттолкнуться, потому что искренне хотел попробовать ее понять. Но никого даже отдаленно похожего не вспоминалось. Может, его мать? Конечно, нет! Мать была глуповата — как он понимал теперь. Но, честно говоря, Бен Ата свою мать не видел с семи лет, когда его отдали на выучку к солдатам. Сестры? И их он не видел с тех же пор, разве что во время кратких поездок

домой; они давно замужем и живут за границами Зоны Четыре. Жены его офицеров? Смешно сказать, но он не мог вспомнить ни одной женщины, которая бы его встревожила. А эта именно *встревожила.* Все, что она делала, противоречило его ожиданиям. Бен Ата издергался и нервничал, как плохо взнузданная лошадь… Да что это всё лошади в голову лезут? Он вообще лошадей не любил. Он не мог припомнить, задумывался ли вообще когда-нибудь о них — просто лошади всегда были под рукой.

— Представь себе, Бен Ата, когда я проснулась и вышла в парк, я увидела своего коня — тут, у фонтана. Я подумала, что за ним недосмотрели, но это не так. Он не голоден и пить тоже не хочет… — Эл-Ит услышала, как Бен Ата медленно выпускает воздух из легких — не потому, что пытается сдержать гнев, а просто его искренне изумила создавшаяся ситуация и необходимость держать себя в руках.

— …Однако Йори волновался, выбрался из своего загона и пошел искать меня. Видимо, поэтому я и проснулась. Но мне не удалось понять точно, в чем беда, это не так просто. Я предложила ему привести кого-нибудь из друзей по загону…

Бен Ата снова медленно и осторожно выдох-

нул.

— Удивляюсь, — он, словно пробуя по-новому выразить свой сарказм, говорил ласково и раздумчиво, — что ты не отправилась в конюшню и сама не поговорила с кем-то из коней.

— Но, Бен Ата, ты же знаешь, я не могу выйти отсюда без щита. Я обречена оставаться в павильоне и парке. Иначе в атмосфере твоей зоны я серьезно заболею.

— Ладно, ладно, совсем забыл. Нет, не то чтобы забыл… но… ладно, *ради*… Бога, давай рассказывай дальше…

На языке у него замерли ругательства и всевозможные слова-паразиты. Бен Ата словно бы услышал себя со стороны — было похоже, будто говорит иностранец.

— И вот через какое-то время Йори вернулся и привел с собой этого белого коня. Знаешь его?

— Нет.

— Они поднялись по холму как раз перед тем, как ты вышел из дверей. Теперь смотри, Бен Ата, как им плохо.

Он на самом деле видел, что обе лошади тихонько стояли бок о бок, повесив головы — живое воплощение подавленности.

— Пойду к ним.

Эл-Ит соскочила с помоста и босиком прошла через фонтаны. Теперь Бен Ата ясно видел ее на фоне утреннего неба. Землю окутывала серая пелена. Рваные облака неслись совсем низко. Он пошел за ней неохотно, а обе лошади, увидев, что она тут, вышли вместе из-под деревьев и встали перед женщиной, понурив головы.

Бен Ата смотрел, как Эл-Ит гладит черного коня, потом белого; вот она наклонилась поговорить с одним, затем с другим. Он видел, как Эл-Ит, встав между ними, положила ладони на их влажные шкуры и обхватила обеих за шеи. Потом отошла, один раз хлопнула в ладоши, после чего лошади повернулись и легким галопом поскакали вниз с холма, причем обе одновременно большим прыжком перескочили через каменные стены загона.

Теперь Эл-Ит повернулась лицом к нему, и Бен Ата видел ее отчетливо. Ее личико было очень бледным и взволнованным. Распущенные волосы струились вдоль спины, влажные от мелкого тумана. Синяк возле губ никуда не делся. При виде этого синяка Бен Ата охватило дикое желание смять ее, прижав к себе — но не от любви или похоти, он был далек от этого. Это был всепоглощающий приступ жестокости. Но в

своей ладони он ощущал ее изящную ладошку и от этого чувствовал себя полным дураком. Может быть, когда-то в раннем детстве он уже испытал это ощущение — кто-нибудь по-дружески вложил в его руку свою доверчивую ладошку, и с тех пор такого в его жизни не повторилось ни разу.

Бен Ата просто не мог себе поверить! Он с таким трудом удерживался от проявления не просто нерасположения, а открытой враждебности, и тут она вдруг вкладывает свою руку в его, как будто ничего не может быть естественнее. Его же рука будто окостенела и ни на что не реагировала.

Потом Эл-Ит поспешно, впереди него, пошла мимо цветов, мимо бьющих в небо струй фонтанов, к круглой платформе и там уселась, подобрав голые ноги под юбку.

В голове у Бен Ата все смешалось — удивление и протест. Эта великая королева, эта завоевательница — потому что он не мог воспринимать ее пребывание тут иначе, чем завоевание — была одета беднее и держалась проще, чем местные девчонки, пасшие оленей.

Эл-Ит смотрела прямо на него, настойчиво, обеспокоенно:

— Бен Ата, происходит что-то очень неблагополучное. С животными.

Он снова тяжело вздохнул:

— Ну, тебе, конечно, виднее.

— Да, да, это так. Скажи мне, твои пастухи или фермеры не докладывали тебе о том, что среди животных участились заболевания?

Теперь он смотрел прямо на нее, серьезно, в раздумье.

— Да, мне докладывали. Но постой-ка — никто не мог сказать точно, в чем дело.

— А как у них с рождаемостью?

— Рождаемость резко снизилась. Да, об этом мне говорили. — Даже подтвердив ее слова, Бен Ата не мог удержаться и не съязвить: — И что же рассказали тебе эти две клячи?

— Они не знают, в чем дело. Но все лошади чем-то сильно огорчены, все поголовно. Они потеряли желание спариваться… — Тут неизбежна была бы банальная шутка, и Эл-Ит поспешила сказать, как бы предупреждая эту шутку — и, как он почувствовал, *его* бурные возражения: — Нет, Бен Ата, ты послушай, в опасности все животные. И все птицы. И, насколько нам известно, такая же картина наблюдается и в растительном мире тоже.

— Вы что, и с растениями общаетесь?

— Конечно.

Несмотря на слабую попытку пошутить, он ловил взгляд Эл-Ит, глядя на нее серьезно и озабоченно. Он ей поверил. Бен Ата был встревожен и готов делать все, что сможет. Такой серьезный подход сблизил их, он уселся на платформу, ближе к Эл-Ит, чем раньше, но сделал это вовсе не потому, что ему требовалось прикоснуться к ней для утешения или ободрения.

— А что люди? Много ли детей у вас сейчас рожают?

— Нет, очень мало. И чем дальше, тем меньше.

— Да, у нас тоже.

— Пограничные районы нашей зоны совсем опустели.

— И у нас дела обстоят точно так же.

Какое-то время они помолчали. С восточного края неба сквозь влажный воздух пробивались лучи восходящего солнца. Облака стали бледно-золотыми, влажными, и все вокруг окутала желтоватая дымка. В ветвях лавров сверкали радуги, и потоки опалового света пронизывали слоистый туман, поднимавшийся с болот. Фонтаны по-прежнему выбрасывали струи воды, и во влажном воздухе их шум казался приглушенным.

— По-моему, тут довольно красиво, — сказала

Эл-Ит негромко и довольно уныло.

И тут он от души расхохотался, уже без тени враждебности.

— О, да брось ты, не все так плохо! Увидишь сама, когда солнце взойдет и все вокруг высохнет. Знаешь, у нас тут бывают очень хорошие дни.

— Надеюсь! Пощупай мое платье, Бен Ата!

И при этих словах исчезла появившаяся было хрупкая близость. Разумеется, Эл-Ит предложила пощупать ее платье не из кокетства, а по другой причине, и как раз это его и оскорбило. Бен Ата потрогал складку темно-синей ткани большим и указательным пальцами и признал, что платье влажное.

— Бен Ата, мы в чем-то оказались неправы, обе наши зоны. Это очень плохо. Что теперь будем делать?

Он выпустил из пальцев ее платье и нахмурился:

— Почему бы Надзирающим просто не объяснить нам, в чем дело, объяснили бы — и точка. И тогда мы бы все исправили. — Он заметил, что Эл-Ит криво усмехнулась. — Ну, и что я сказал не так?

— Видно, предполагается, что мы сами найдем объяснение.

— Но почему? Чего ради? В чем смысл? Время только зря терять!

— В жизни не бывает так просто — наверное, я правильно догадалась, — сказала она почти шепотом.

— Ты откуда знаешь? — Но, задавая следующий вопрос, он сам понял, что ответ уже дан. — Как давно у вас установили теперешний строй?

— Никто и не припомнит, когда. Но сохранились предания. И песни.

— Уж я-то точно ничего не вспомню. Когда я стал королем, мне ничего подобного не рассказывали. Я только одно знаю: когда присылают предписания, полагается повиноваться. Вот и все.

— На моей памяти ничего такого не было. И при жизни моей мамы тоже.

— А при жизни ее мамы?

— Вообще за все время царствования всех поколений Матерей.

— Ясно, — сказал он отрывисто, как бы закончив разговор.

— Ты знаешь, я думаю, что дело обстоит очень серьезно. Все очень плохо. Мы в опасности. Именно так!

— Думаешь, все настолько плохо?

— Ну, нам же приказано быть вместе, согласно Приказу Надзирающих. Ты разве не понял почему?

Теперь Бен Ата снова умолк и нахмурился. Вздохнул, не отдавая себе в этом отчета, — от непривычных усилий напрячь мозг — он сроду не размышлял в этом ключе. А Эл-Ит наблюдала за ним: вот перед ней Бен Ата, мужчина, сидит тихо, думает, пытается разгадать смысл их дилеммы, — она почувствовала, что этот человек может ей понравиться. По крайней мере, его есть за что уважать. И снова она взяла его за руку, очень дружелюбно, и его большая ладонь накрыла ее маленькую, словно ловушка птицу. На миг Бен Ата поднял свою ладонь и с недоумением посмотрел на их руки. Потом на Эл-Ит — каким-то беспомощным, несчастным взглядом.

Теперь вздохнула она, быстро выдернула руку и встала. Отвернулась от желто-золотого утреннего неба и устремила взгляд вверх, на пики и холмы своей страны.

— Ого! Ты только погляди, какая красота… Я и представления не имела… У меня и мысли не было…

Горы Зоны Три закрывали более трети неба. Эл-Ит стояла, запрокинув голову назад, глядя

вверх на высокие освещенные солнцем вершины. В лучах восходящего солнца они сверкали и горели огнем, и острые пики самых высоких гор были словно унизаны облаками, отливавшими розовым, красным, золотым, — но это были не облака, это был снег, скопившийся там за тысячи лет. А внизу, на фоне этой массы снега, виднелась темная полоса, окаймленная скалами и крепостью, стоявшей на краю того самого крутого откоса, с которого Эл-Ит спустилась всего днем раньше. А та обширная равнина, что лежала между откосом и подножием плато, сама по себе являлась основанием бесчисленных горных массивов Зоны Три, — их оттуда не видно. Можно и не знать, что они существуют. Обитатели низменной заболоченной Зоны Четыре не могли бы даже представить себе, как бы пристально ни вглядывались вверх в эти сотни горных цепей, те бесконечно разнообразные ландшафты и страну, которые им не суждено увидеть. Эл-Ит запрокинула голову, обхватив ее руками, и все смотрела, смотрела вверх, и улыбалась с восторгом и тоской, и плакала от счастья, не отрывая глаз от пейзажа.

Бен Ата уставился на нее. Ему почему-то было неловко.

— Брось ты это, — грубовато сказал он. — Не надо туда смотреть.

Эл-Ит неохотно опустила глаза и увидела, что он недоволен.

— Интересно, почему?

— Неправильно это.

— Что неправильно?

— Мы этого не поощряем.

— *Чего?*

— Собирать облака — у нас это так называется.

— Ты хочешь сказать, что у вас вообще никогда не смотрят вверх… на все это… *великолепие!*

— Это людей расслабляет.

— Глупости какие, Бен Ата!

— Ничего не глупости. У нас есть специальный закон.

— Если бы мне пришлось вечно жить тут, внизу, я бы, наверное, постоянно на это смотрела — оторваться не могла. Да ты только сам взгляни… — И Эл-Ит широко раскинула руки, бурно восхищаясь широкой панорамой света, красок, занявшей весь западный край неба. — Облака! — пропела она. — Это не облака, это наша страна, все это и есть мы.

— У нас установлено специально отведенное время, когда положено смотреть на небеса. Это во

время праздников. Один раз в десять лет. А тех, кого застанут за глядением наверх, особенно не в первый раз, примерно наказывают.

— Как же у вас их наказывают?

— Мы вешаем нарушителям на шею тяжелый груз, чтобы они не могли поднимать головы к небу.

— Бен Ата, да это просто ужас какой-то!

— Не я придумал закон. Так у нас всегда было.

— Всегда, всегда, всегда… откуда ты знаешь?

— У нас никто никогда не оспаривал этот закон. Ты первая.

Эл-Ит опустилась рядом с ним. Села совсем рядом. И снова Бен Ата, совершенно непроизвольно, чуточку отпрянул. Это ее ликование, этот восторг претили ему. Он с трудом переносил ее широкую улыбку. Хотя, с другой стороны, внутренне он даже облегченно вздохнул — значит, не всегда Эл-Ит бывает такой бледной и серьезной. Ее лицо, в розовом свете тех дальних пиков, стало таким же розово-прелестным, как у любой девушки из его прошлого, а пряди ее тяжелых волос, все еще усеянные капельками влаги после тумана, красиво обрамляли лицо. Тем не менее он заявил:

— Ты не должна так пялиться. Это нарушение наших законов. Пока ты тут, ты должна подчи-

няться нашим законам.

— Да. Ты прав, — прошептала она, отводя глаза.

— Вот вернешься в свою страну — пожалуйста, поступай как хочешь. — Его интонации напомнили ей старшего брата, который много лет вел хозяйство в ее доме, пока его не пригласили занять должность хранителя архивов.

— Но в нашей стране мы *такие*, Бен Ата.

И вдруг как будто молния вспыхнула в мозгу Эл-Ит, и ее ослепило.

— Бен Ата, у меня только что было… — Но ощущение уже ушло. Она закрыла лицо руками и раскачивалась взад-вперед, пытаясь вспомнить, что же такое только что пролетело мимо.

— Заболела?

— Нет, но почти поняла что-то.

— Ну, дашь мне знать, когда поймешь.

Сказав это, солдат поднялся на ноги и — всего на миг — поднял глаза к небесному великолепию горного рая. Бормоча про себя: «И правильно, нечего людям тратить время на *ерунду…*», он решительно отвернулся и затопал к павильону. Эл-Ит, медленно идя за ним вдоль узкого пруда, мимо струй — первой, второй, третьей, — тоже бросила последний взгляд на свою страну и так

же решительно перевела глаза на мерцающую поверхность пруда, на которой семь бьющих вверх струй разбивали отражение тяжелого серого неба.

В павильоне все ждало их. Большая комната, полная воздуха, светлая, украшенная изящными вышивками, со звуконепроницаемыми стенами, разрисованными яркими узорами. Низкая тахта, с сильно измятой ими постелью. За стрельчатыми окнами противоположной стены все было серым. Шел дождь, и не было видно заросшего парком холма, который спускался к палаточному лагерю.

Бен Ата стоял в центре комнаты у колонны и смотрел на нее в замешательстве. Со стороны он выглядел весьма забавно, но Эл-Ит смотрела на него смущенно.

В этот миг они вдруг почувствовали взаимное дружеское расположение. Это было чувство Дружбы с большой буквы. Они оба, при всех своих достоинствах и недостатках, воплощали и представляли каждый свою страну. На их плечах лежал груз забот о своих государствах. Бен Ата понимал эту заботу о своей стране как повиновение Надзирающим. Им руководило чувство долга. Эл-Ит легче несла бремя этих обязанностей, ибо

отличалась восприимчивостью к событиям и ситуациям, но тем не менее забот у нее было не меньше, чем у него. Они мысленно всегда были *плоть от плоти* своих народов. Такова была жизнь каждого правителя… а теперь оба вдруг ясно поняли, — и это каждого из них до глубины души возмутило, взволновало, — что все эти вечные заботы и чувство долга не помешали им совершать ошибки… Не отводя глаз, они пристально смотрели один на другого, стараясь прочесть что-то в душе партнера — за спокойной задумчивостью его серых глаз, за мягким светом ее черных глаз — суметь проникнуть глубже в мысли друг друга.

— Что будем делать, Бен Ата? — шепотом спросила она.

На этот раз он слегка вытянул вперед руку, и она сразу подошла к нему, взяла обеими руками его ладонь.

— Думать надо, — решила Эл-Ит. — Надо постараться сообразить…

Теперь он осторожно приобнял ее своими огромными лапами, как будто боясь ненароком раздавить и как бы примеривая к себе совершенно новые, совершенно нежеланные для него чувства, стараясь не замечать синяка у губы. Бен

Ата вглядывался в это ее лицо, которое казалось ему сделанным непонятно из чего — может, из света? — в общем, из того, чего понять или освоить он даже не надеялся, да и не хотел, пожалуй. Его поцелуй был неловок, как поцелуй подростка. И вдруг он почувствовал, что губы Эл-Ит ожили, что она отвечает на его поцелуй, да так, что у него дух захватило. Быстрые легкие поцелуи, нежные едва ощутимые прикосновения — легкая дружеская улыбка, беззлобные насмешки, — для Бен Ата всего этого оказалось слишком много, и через минуту он снова понес ее на тахту. От него не ускользнуло, что, когда он собрался войти в Эл-Ит, она отпрянула и сжалась, как будто всем своим существом его отвергала. Он это почувствовал и, из чувства противоречия, вступил в плотский контакт, который сразу же резко оборвал. Ее интимные привычки ему было слишком трудно понять. В то время все в Эл-Ит было ему незнакомым или недоступным. А свое поведение Бен Ата счел грубым… на одно только он оказался способным — войти в женщину и овладеть ею, при этом бросив вороватый взгляд на синяк, который сам же вчера и поставил; и теперь все это заставило его устыдиться, так что, извергнув струю, он застонал и замер. И сам был поражен

тем, что ощутил в душе какую-то скорбь.

Эл-Ит лежала совершенно неподвижно, и, взглянув ей в лицо, он увидел, что глаза у нее открыты и взгляд несчастный.

— Ладно, — сказал Бен Ата, — знаю, знаю, ты считаешь меня хамом.

— У вас в стране очень дурные привычки, — наконец отозвалась она, и тон ее был холодным. Но он все-таки надеялся, что еще осталась хотя бы возможность возрождения дружеских отношений.

Бен Ата вскочил, завернулся в плащ и прикрыл ей ноги синим платьем.

— Знаешь, что я сейчас сделаю, — он буквально шипел, — я намерен заказать для тебя в городе парочку платьев.

И тут Эл-Ит начала смеяться. Смех был слабый, она повернула голову в сторону, прикрыла рот рукой, но все-таки это был смех. Бен Ата облегченно улыбнулся, хотя знал, что этот ее смех запросто может перейти в рыдания.

— Что ни говори, а нам пора поесть. — Тон его еще больше напомнил ей хозяйственного братца, так что она засмеялась громче, потом перевернулась на живот, закрыла голову руками и попросила его: — Уйди, уйди отсюда, оставь

меня одну.

И Бен Ата энергичным шагом удалился в предназначенные для него комнаты, расположенные справа.

У себя он принял ванну, переоделся. Надел тунику, специально предназначенную для церемоний и особых случаев, потому что в шкафу не оказалось ничего подходящего для этой встречи или свадебного завтрака.

Потом вернулся в центральное помещение. Эл-Ит уже ушла в свои комнаты. Бен Ата сел за маленький столик у стрельчатого окна, за которым накрапывал серый дождь, принесенный ветром, и сразу же оперся подбородком о руку и погрузился в размышления об их общих проблемах правителей. Здесь Эл-Ит и обнаружила его позже, но он так погрузился в свои мысли, что не услышал ее шагов.

Эл-Ит нашла у себя в шкафу легкий белый льняной халат, оставленный одной из девушек, убиравшей павильон. Сняв свое темно-синее платье, она вышла к Бен Ата в этом одеянии, в котором он сразу признал халат уборщицы.

Но не сказал ни слова. Даже подумал, что белый цвет ей идет — освежает. И даже решил, что она, пожалуй, хорошенькая, если бы только сумела

подобрать другое выражение лица, более подходящее для общения с ним. Но Эл-Ит опять стала серьезной, и в тот момент это как раз соответствовало его умонастроению.

Между креслами у окна стоял небольшой квадратный столик, резной, инкрустированный цветными породами дерева. Столик этот тоже появился тут в точном соответствии с Приказом Надзирающих.

— Что будешь есть? — спросил Бен Ата.

Не успела Эл-Ит ответить, как он хлопнул в ладоши, и перед ней возникли фрукты, хлеб, горячий ароматный напиток.

— Слишком скромно. — И он снова хлопнул в ладоши. Перед ним появились холодное мясо и галеты, которыми кормили солдат в полевых условиях.

— Слишком скромно, — теперь это сказала она.

— На тебя, я смотрю, не произвел впечатления мой небольшой трюк? — с сарказмом, но довольно беззлобно поинтересовался Бен Ата.

— Еще как произвел, но, наверное, это тоже составная часть Приказа.

— Вообще-то да. У вас есть что-нибудь подобное?

— Нет.

— Представляешь, стоит только мысленно заказать, и заказ тут как тут. — Бен Ата радовался, совсем как мальчишка, и Эл-Ит догадалась, что он задумал материализовать что-то еще.

— Ой, не надо, — попросила она. — Не будем злоупотреблять.

— Ты права. *Как всегда.* — И начал расторопно есть, набивая полный рот.

Они не спешили закончить завтрак, специально тянули время. Больше всего оба нравились друг другу в роли монархов, несущих тяжкий груз ответственности, — мыслящих, серьезных. «Жаль, — говорил он себе, — что она ведет себя не так, как другие девушки, к которым я привык». Но на самом деле он уже привык к ней и начинал ей доверять. Она же забывала свою врожденную антипатию к мужчинам такого генотипа, видя, что он старается мыслить и ищет точки сближения с ней, готовый попытаться разрешить проблему, столь важную для обоих.

Они не столько ели, сколько разговаривали, глядя сквозь стрельчатое окно, за которым с монотонным журчанием моросил бесконечный дождик.

К полудню дождь перестал, и они пошли побро-

дить босиком между фонтанами, добросовестно плещущими в уже переполненных прудах, так что ходить пришлось по мелким теплым лужам. Бен Ата, как ребенок, радостно топал по воде и поднимал брызги в лужах, и Эл-Ит было неприятно на него смотреть: это выглядело довольно глупо — король словно с цепи сорвался. Он и сам все время чувствовал какую-то неловкость, неправильность своего поведения, даже как будто ожидал наказания за то, что разыгрался. И когда Эл-Ит предложила вернуться в помещение, Бен Ата тут же обрел привычную жесткость и корректность манер, как ребенок, которого слишком резко одернули. Она бросила быстрый взгляд на горные пики своей страны, уже слегка расцвеченные солнцем, опускающимся позади них в прозрачную синеву, и заметила, что он поджал губы и покачал головой. Этот человек не признавал полумер: либо разрешено, либо запрещено — третьего не дано! Но, оказавшись в помещении, они сумели восстановить прежние дружеские отношения и возобновить разговор.

Им так и не удалось установить, что же такое происходит в их государствах и какие неправильные решения принимали тот и другой, — но обоим было понятно, что дело обстоит именно

так. И обоим казалось, что решение где-то рядом, но оно, тем не менее, постоянно от них ускользало.

В павильонах сгустились вечерние тени, на потолке зажглись светильники. Оба расхаживали туда-сюда по комнатам своей — в общем-то, тюрьмы, как ее ни называй. И каждый знал, что партнер тоже думает именно так. Но ни один не умел поставить себя на место другого и постараться понять причину этого. Бен Ата всеми фибрами души чувствовал, что ему необходимо вырваться из этой обстановки, отмежеваться от Эл-Ит, ему казалось, что само ее присутствие его раздражает и отталкивает, а она все маячила тут, ходила взад-вперед, и когда оказывалась рядом, его буквально передергивало. Бен Ата в жизни не испытывал ничего подобного. Но ведь он никогда в жизни не проводил так много времени наедине ни с одной женщиной, а Эл-Ит еще при этом с ним постоянно разговаривала и вообще вела себя «как мужчина», о чем он все время напоминал себе. Эти взрывы чувств были такими сильными, что в промежутках Бен Ата сам себе удивлялся и озабоченно думал, уж не заболел ли он. Снова всплыла мысль — может, эта женщина все-таки колдунья? А Эл-Ит была грустной, печальной,

убитой горем, ей хотелось плакать — все это были новые для нее ощущения, она не припоминала, чтобы испытывала когда-либо желание потихоньку от души выплакаться, опустив голову на чье-нибудь плечо — хотя плечо Бен Ата подходило в данном случае меньше всего. И все же ей хотелось, чтобы он опять отнес ее на эту тахту, — нет, не для «соития», — конечно, нет, нужен ей этот варвар, — но пусть бы заключил ее в свои объятия. И такое подспудное желание ее изумило и насторожило. Эл-Ит решила, что это на нее так повлиял воздух Зоны Четыре, такой расслабляющий и гнетущий. Ведь у нее был щит, для нее специально построили жилище, но, видимо, тут ее каким-то образом развратили. Всей душой она рвалась освободиться и оказаться снова в своем государстве, где нормальным состоянием для каждого было ощущение беззаботности и ненавязчивой дружбы, а слезы свидетельствовали лишь о физическом недомогании.

Наконец от хождения взад-вперед и туда-сюда по павильону им обоим стало настолько невмоготу, что они, переглянувшись, рассмеялись и попытались пошутить на эту тему, — но вдруг Бен Ата приглушенно вскрикнул (Эл-Ит сразу поняла, что наступил предел его физической

выносливости) и проговорил:

— Надо пойти, кое-что там… — И с этими словами исчез в темноте, побежал вниз по холму.

Эл-Ит догадалась, что он отправился в лагерь — где чувствовал себя как дома.

Ей же с его уходом стало легче дышать. Но, пока она все еще расхаживала туда и сюда, у нее в голове отчетливо прозвучали слова, как будто кто-то сказал на ухо: «Пора уезжать домой, Эл-Ит. Позже снова вернешься, а сейчас уходи».

У нее не было сомнений, что это Приказ Надзирающих. У нее тут же резко поднялось настроение. Эл-Ит даже не стала задерживаться, чтобы переодеться, осталась в чем была, в белом халате уборщицы, и выбежала из павильона, направившись в сторону, противоположную той, куда удалился ее муж, Бен Ата. Она остановилась среди фонтанов, призывая своего коня — воззвав к нему мысленно. И вскоре услышала его легкий галоп — Йори поднимался на холм, выбирая путь между цветочными клумбами и лужами. Бен Ата еще только спустился с холма и встретился со своими солдатами, а Эл-Ит уже скакала вниз с холма в западном направлении.

Она не боялась, что ее задержат, в этой-то тьме. Надо было только придерживаться прямой доро-

ги, которая без поворотов и ответвлений вела все вперед и вперед; по одну ее сторону возвышалась ровная линия деревьев, в темноте похожих на пучки обросших листьями прутьев, по другую — протекал канал. Здесь ночью пешеходов практически не было. Эл-Ит вспомнила, как потрясен был Бен Ата, услышав, что в ее стране ночь предназначается для нанесения визитов, устройства пиров и разного рода развлечений. Очевидно, решил он, у них там воздух менее вреден, не как тут у них. Но самой Эл-Ит воздух Зоны Четыре не показался таким уж вредным, правда, он тут какой-то неприятно застойный и влажный.

Задолго до восхода солнца дорога, по которой она ехала, стала неуклонно подниматься, а дальше начинался подъем на крутой откос. Главное, чтобы ее не остановили солдаты, причем по эту сторону границы. Она оторвала рукава от халата, каждый разорвала пополам и обернула этими лоскутами копыта своего верного коня. И бесшумно поскакала дальше.

Эл-Ит проезжала мимо невидимых в темноте отар и стад, слышала производимый ими шум. Она вспомнила о бедняге подпаске, которого на ее глазах заставили упасть лицом в грязь. Она не рассмотрела в потемках знаменитого огромного

здания — «опасного места» и решила, что в следующий заезд, — увы, неизбежный, — обязательно спросит про него у Бен Ата. По дороге ей никто не попался. Подъезжая к границе, она слышала пение бражничавших солдат, но миновала границу беспрепятственно.

Когда утреннее небо где-то там, вдали, осветилось зарей, Эл-Ит подняла глаза, любуясь заснеженными вершинами гор, и услышала конский топот за спиной, — должно быть, Бен Ата. Она осадила коня и терпеливо ждала мужа. Но вместо него появился Джарнти. На нем не было доспехов, он нес щит и одет был в форменный плащ с капюшоном.

— Куда направляетесь, мадам?

— Домой. Согласно Приказу Надзирающих.

— Бен Ата не в курсе. Он с офицерами в походной столовой.

— Вот уж где ему самое место, — ответила она, но солдат не понял ее юмора. Джарнти смотрел мимо нее, своим характерным взглядом, который Эл-Ит хорошо запомнила, — пристыженным и вороватым. Казалось, он прилагает усилия, чтобы отвести глаза дальше в сторону… потом, с таким же трудом, Джарнти начал поворачивать голову в другую сторону. А затем как будто попытался

поднять голову, но не смог.

И вдруг ее осенило.

— Джарнти, ты когда-нибудь смотрел на горы?

— Еще чего! — Его так возмутил вопрос, что он даже развернул своего вороного коня в другую сторону.

— А почему?

— Нам нельзя.

— Я вижу, вам тут много чего нельзя. Но отсюда кто тебе запретит, ты только посмотри, какая красота.

И снова конь под ним заходил кругами, то в ту, то в другую сторону, и Эл-Ит видела, как Джарнти старается заставить себя посмотреть вверх. Глаза его шныряли из стороны в сторону, но головы он не поднимал. Просто физически *не мог.*

— Ты в детстве «собирал облака»?

— Да.

— И тебя наказали? Заставили носить на шее тяжелый груз? Долго его носил?

— Очень долго, — выпалил он и неожиданно разозлился от этого воспоминания. Но послушание — превыше всего.

— И много у вас детей, которые нарушают запрет и смотрят на горы?

— Да, очень много. А иногда и молодежь это

делает.

— И всех их наказывают и после этого они становятся послушными?

— Да, именно так.

— Откуда ты узнал, что я уехала?

— Этот конь остался один в загоне, вот он и перепрыгнул стену и поскакал за тобой. Догадавшись, что вы уехали, я поймал его и поехал следом.

— Ладно, Джарнти, мне пора, наверное, еще увидимся. Передай Бен Ата, что если Приказ Надзирающих вновь встретиться в вашей зоне придет к нему, не надо посылать за мной отряд.

— Мы делаем то, что считаем нужным.

— Разве в Приказе говорилось, что за мной надо посылать солдат? Лично я сомневаюсь.

— Но вам небезопасно ездить одной.

— Сам видишь, я доехала до границы одна в полной безопасности, а уж по ту сторону границы, в своей стране, можешь быть уверен, мне нечего бояться.

— Это-то мне понятно, — тихо проговорил Джарнти с тоской и восторгом в голосе, и Эл-Ит стало ясно, что он теперь всю свою жизнь будет мечтать о поездке в Зону Три. Сам не догадываясь о причинах.

Он стоял, отведя глаза, а Эл-Ит рассматривала его.

Фигурой он походил на Бен Ата, — такой же сильный, загорелый, только глаза и волосы черные. Зная Бен Ата, Эл-Ит догадывалась, что в постели и этот ведет себя так же — хоть со своей супругой, хоть с другими женщинами, — хвастливо и грубо. И все же на миг ее охватило сильное желание, чтобы ее обняли эти руки, смахивающие на колонны: ей так захотелось оказаться «в безопасности», «под защитой». Эл-Ит и сама удивилась, осознав это.

— Джарнти! Прощай, передай Бен Ата, что я встречусь с ним, когда придет время.

Лицо Джарнти исказила гримаса — уж очень ехидным тоном она это сказала. Эл-Ит тут же устыдилась, ей захотелось хоть как-то сгладить свой выпад.

— Скажи ему… скажи ему… — Но в голову не шли никакие ласковые слова. — Передай, что я уехала, потому что таков был Приказ Надзирающих, — бросила она напоследок и поспешила вверх по дороге, ведущей в утесы.

Обернувшись, Эл-Ит увидела, как Джарнти старается поднять голову, тянет негнущуюся шею, пытается взглянуть вверх, на запретные для

них вершины гор. Но не получалось: голова его с трудом поднялась, но тут же поникла.

Эл-Ит переехала границу, держа перед собой щит, а как только почувствовала свежий звенящий воздух своей страны, отбросила его, соскочила с коня и затанцевала вокруг него, уже без щита, без умолку смеясь. Горные пики, теперь закрывавшие полнеба, в солнечном свете окрасились алым и пурпурным цветом.

Теперь Эл-Ит хотелось поскорее оказаться в степи, у подножия гор, но вначале надо было кое в чем убедиться. Так что, потанцевав и попев, она опомнилась, вновь забралась на спину коня и свернула с дороги, ведущей вниз в степь, собираясь объехать плато справа налево, по всему периметру, посетив окружающие его регионы Зоны Три. В основном там были пастбища и фермерские хозяйства, и Эл-Ит всегда с удовольствием ездила сюда… но такой поездки она не совершала уже давненько… когда же в последний раз? Где-то на задворках памяти мелькала мысль, что очень давно. Почему же? Как она могла допустить такую оплошность? Да, прошляпила. По собственной *безответственности.* А что может быть хуже. Она себя ругала за это вовсю.

Обычно Эл-Ит самозабвенно отдавалась танцу,

от него приходила в состояние восторга, обретала себя, когда каждая частичка души и тела пела и радовалась. Поэтому она порой бездумно скакала верхом или гуляла и бегала среди высоких душистых степных трав, а душу охватывала радость от созерцания ясного дня, солнечного света, ощущения свежего несущего аромат ветра, созерцания вечной игры красок на заснеженных вершинах гор… но где все это сейчас? Она в чем-то совершенно неправа. В чем же? Эл-Ит даже соскочила с коня и, обхватив руками его шею, прижалась лицом к скользкой от пота, пышущей жаром шкуре, и застыла неподвижно, как будто от прикосновения к мощному конскому крупу к ней придет понимание. Может, она была тогда особенно занята? Да нет, как будто нет. Жизнь протекала, как всегда, — потоком радости, среди детей, друзей, любовников, в благожелательной атмосфере общения. В ее стране тело и ум находились в гармонии, повсюду царили благожелательный юмор, доброта… при воспоминании об улыбчивых довольных лицах, окружавших ее всю жизнь, Эл-Ит не могла допустить даже мысли о том, что что-то могло быть не в порядке, — да такого просто *не могло* быть! За спиной послышался мужской голос:

— Вам помочь?

Обернувшись, Эл-Ит увидела фермера с одной из общинных ферм: молодого, здорового парня. От него исходило особое тепло, свойственное благополучным людям, лицо лучилось добрым юмором, — именно этого ей недоставало в стране Бен Ата.

— Да нет, все в порядке. — Но незнакомец рассматривал ее с сомнением.

Эл-Ит вспомнила, что на ней по-прежнему надет короткий белый халатик, теперь с оторванными рукавами и потрепанный, и что копыта коня все еще обернуты тряпками.

Пока она стаскивала тряпки с копыт, крестьянин сказал:

— А-а, догадываюсь, кто вы. — И поинтересовался: — Ну, каково это — побывать замужем в Зоне Четыре?

Этот вопрос, совершенно естественный, звучал вполне по-дружески, но Эл-Ит бросила на фермера быстрый подозрительный взгляд, который определила для себя как «взгляд Зоны Четыре». Нет, конечно, он вовсе не хотел «нахамить» своей королеве — вот еще одно словечко из лексикона Зоны Четыре! Да уж, сильно она успела измениться за полтора дня, проведенных в том

вульгарном месте.

— Ты прав, я — Эл-Ит, просто забыла, что на мне надето. Будь добр, спроси, не одолжит ли мне платье какая-нибудь местная женщина?

— Конечно, одолжит. Сейчас принесу.

И убежал к видневшимся неподалеку усадьбам, вокруг которых паслись отары и стада.

Эл-Ит отпустила коня попастись, а сама присела под небольшое деревце.

Там он ее и нашел, вернувшись бегом с платьем в руках. Конь же пасся поблизости, время от времени подходил и, подняв голову, ласково прижимался к хозяйке мордой.

— Эл-Ит, как зовут вашего коня?

— Еще не придумала для него достойного имени. Он вообще-то из Зоны Четыре, там его называли Йори.

— Я смотрю, вы прекрасно ладите.

— Да, он выбрал меня в друзья буквально с первой минуты знакомства.

— Значит, Йори, — сказал парень. — Твой спутник и друг.

Эл-Ит похлопала коня по морде и прошептала ему на ухо имя:

— Йори.

— Я тоже Йори, — добавил крестьянин. — Ко-

нечно, я и раньше вас знал, но когда сейчас увидел, то сразу понял: вот она, женщина моей мечты. Надо же, меня тоже зовут Йори. — Он опустился на траву напротив Эл-Ит, опершись руками о колени, с улыбкой наклонился вперед.

И тут Эл-Ит всерьез усомнилась в себе. Она улыбалась, кивала, но не говорила ни слова. В прежней жизни она тут же отреагировала бы на подобные речи. Это был человек ее породы, с такими она с первого взгляда находила общий язык и легко вступала в физический контакт. Здесь, среди пахнущих сухим теплом трав, в легкой зыбкой тени деревца, что могло быть проще — протянуть руку, прикоснуться к его руке и начать восхитительную игру на час-два. Но внутренний голос говорил ей: «Нет! Нельзя!» Да почему же нельзя? Неужели она уже забеременела? О, можно только надеяться, что нет, потому что до сих пор не таким путем она решала, нужно ли ей рожать ребенка. А если оказывалась беременной, ну что ж, таков порядок вещей, и тогда конкретный мужчина получал право ее купать и содержать: потому что ребенок должен ознакомиться с конкретными особенностями своего отца, чтобы нести в себе его часть, и нужно, чтобы отец его растил и содержал. Раньше, как

только Эл-Ит убеждалась, что беременна, она, хорошенько подумав, долго и тщательно выбирала нескольких человек, заботясь о благоприятном влиянии на ребенка, и они, зная, почему их выбрали и для какой цели, всегда были рядом с ней, благословляя плод в утробе и даря ему свою благосклонность. Эти люди занимали особое место в ее сердце и в анналах ее зоны. Они были такими же отцами детей, как и биологические отцы. У каждого ребенка в Зоне Три обязательно имелись точно такие же продуманно выбранные отцы-воспитатели, и они несли за него такую же ответственность, как и биологические отцы. Эти люди, вместе с биологической матерью и женщинами, которые ухаживали за ребенком, считали себя коллективными родителями, и ребенок в любой момент, когда ему требовалось, всегда мог к ним обратиться — как ко всем вместе, так и по отдельности. Если она уже на самом деле забеременела, нечего терять время, надо подбирать группу тех, кто окажет благотворное влияние на ее младенца.

— Йори. — Конь, услышав свое имя, навострил уши, сделал шаг вперед, и Эл-Ит с фермером одновременно заулыбались и ласково погладили его, успокаивая. — Как, по-твоему, я беременна?

— Не знаю, — пожал плечами фермер. — Тут разве разберешь.

— А при нормальном положении дел ты бы знал?

— Да, до сих пор всегда получалось.

— Ты много раз бывал отцом?

— Биологическим — дважды, и еще буду, надеюсь, через пять лет, когда подойдет моя очередь. И семь раз был отцом-воспитателем.

— И всегда угадывал беременность?

— Да, с самого начала.

Они оценивающе рассматривали друг друга, как обычно бывает перед началом любовной интрижки, но теперь между ними стояла преграда.

— В прежней жизни я, если бы мне понадобилось родить, с удовольствием выбрала тебя в биологические отцы, но сейчас…

Над огромной степью пронеслись тени, травы заколыхались и зашуршали, наверху зашелестела листва дерева, и конь Йори поднял голову и жалобно заржал, как бы давая выход тягостным мыслям, не желая держать их в голове. По лицу женщины заструились слезы.

— Эл-Ит! Вы плачете! — в смятении тихо спросил крестьянин.

— Да, я в последние дни только это и делаю!

А почему? Сама себя не понимаю! Ничего я не понимаю! — Она закрыла лицо руками и зарыдала, а Йори-человек гладил ее руки, а Йори-конь тыкался мордой в ее плечо.

Взаимопонимание окатило волной при соприкосновении рук, плоть каждого осознавала, что они должны быть вместе, и она сказала:

— Я побывала в ужасной стране. Уж не отравила ли она меня?

— Чем она так страшна? Что в ней такого?

— Откуда мне знать! — Эл-Ит саму поразило, как сварливо прозвучали ее слова. Она вскочила на ноги. — Я стала раздражительной! Стала сердитой! Знаешь, хочется броситься в чьи-то сильные руки и поплакать… в твои… ох, да не бойся ты, не возмущайся. Не сделаю я ничего такого, конечно. Я теперь с подозрением отношусь ко всему — к словам, к взглядам, вот и пойми за меня, в чем суть Зоны Четыре!

— Ну-ка, сядь, Эл-Ит. — Эти слова прозвучали как приказ, и она тут же опустилась на землю и подумала, что Йори вовсе не хотел ей приказывать, командовать. Скорее он по-дружески предложил ей сесть, но характерно другое — *что она-то восприняла его слова как приказ.*

— Понимаешь, у них там главное — насилие,

принуждение, — стала объяснять Эл-Ит. — Там на людей давят, как никогда не бывало у нас, мы о таком и не слышали. И их люди реагируют только на приказ, на принуждение.

— *Приказ!*

— Не в смысле того *Приказа,* какой получила я. Но приказ *делать* что-то. Делай то, делай другое. Они не умеют внутренне прислушиваться к Закону.

— Они что, всегда были такими? — Из вопроса Йори Эл-Ит стало понятно, что он начал вникать, и она это почувствовала сразу и наклонилась вперед, всматриваясь в его лицо.

— Да, видимо, так у них было всегда, — объяснила она. — Ты, похоже, правильно догадался.

— Эл-Ит, у нас тут дела обстоят очень плохо.

— Да знаю я. *Теперь* знаю. А должна была понять раньше. Будь я внимательнее…

— Ну да, теперь у нас говорят, что ты, наверное, была невнимательна. Но только сейчас об этом заговорили. Потому что только сейчас совпали все эти разные события и стала понятна общая картина.

— Почему же никто не сказал мне… — И тут же вспомнила, что ей говорили, да она не слушала. — Да, правильно я наказана… — воскликнула

Эл-Ит и, удивившись собственным неожиданным словам, сказала тихо, с горечью: — Слышал меня? Вот что я имею в виду.

— Слышал.

И опять они притихли, сидя рядом, объединенные взаимопониманием.

— Может быть, у тебя это пройдет, если мы будем вместе? — предположил он.

И она ответила:

— Вот я тебя слушаю, и первым делом у меня возникает подозрение, — нет, постой, послушай: возникает мысль «Он в этом лично заинтересован». Не обижайся. Я стараюсь объяснить… именно так работает мысль у них там, внизу, и я, как видишь, заразилась… Я согласна с тобой — возможно, если бы мы с тобой стали совершенно близки, может, мое состояние не изменилось бы кардинально и мне стало бы лучше. Но ведь у меня есть обязательства: на меня возложена миссия, и я должна повиноваться… Чувствую, что никаких почестей мне за это не окажут.

— *Почестей!* — лукаво улыбнулся Йори.

— Ну да, почестей.

— Ты не собственность Бен Ата и его страны.

— Кто знает!

И Эл-Ит снова поднялась на ноги. Под тонким

белым халатом на ней практически ничего не было надето. Она и выглядела совсем обнаженной. Йори был в удобных просторных одеждах, какие носят фермеры: свободные брюки и фуфайка. Они стояли плечом к плечу, соединив руки. В нескольких шагах вороной конь по имени Йори тянул к ним морду. Это один из любимых сюжетов летописцев и художников нашей страны. Он называется «Расставание». Или, для более утонченных умов, «Эл-Ит спускается во тьму».

— Я бы попросила тебя поехать со мной, — но не буду. Сама себя не понимаю. Себе не доверяю. Мне надо ехать одной. А пока расскажи мне, как у вас тут обстоят дела, в вашем степном краю.

Не выпуская ее рук из своих, Йори некоторое время рассказывал, как печальны в последнее время животные, какими скудными стали урожаи зерновых, насколько ухудшилась погода, как редко происходят зачатия у людей и животных.

— Спасибо. А теперь я надену это платье. Кому его потом вернуть?

— Оно принадлежит моей сестре. Она дарит его тебе в знак дружбы.

— Я тоже пришлю ей платье в благодарность, когда вернусь к себе домой.

На прощание Йори улыбнулся, легонько при-

коснулся губами к ее щеке, и вот его уже нет. Эл-Ит сняла белый халат, недолго постояла обнаженной, отдыхая всем телом на солнышке среди зелени, а потом надела платье его сестры, темно-красное, ее любимого фасона: с облегающими лифом и рукавами, с широкой юбкой.

Она снова вскочила верхом на Йори и поскакала на север своего королевства.

Повсюду, где Эл-Ит останавливала коня и заходила в жилища, на фермы или в шалаши пастухов, везде, где она слушала крестьян и задавала вопросы, повсюду слышала одно и то же. Неужели по всей стране то же самое? Или здесь, на севере, и раньше дела обстояли хуже: ведь здесь уже наступила ранняя осень и в воздухе ощущались заморозки.

Повсюду Эл-Ит задерживалась ровно на столько, сколько было необходимо. Ее приветствовали по-доброму, как и всегда раньше, но никто — ни мужчины, ни женщины, ни даже дети — не скрывали своего убеждения, что виновата во всем она, что корень зла в этом ее новом браке, в связи с Зоной Четыре.

И когда Эл-Ит ехала по малонаселенным северным районам королевства, холмистым, усеянным обрывистыми скалами, легкая, неспешно те-

кущая прошлая жизнь уже осталась только в воспоминаниях, потому что теперь в ее крови звенело: «Бен Ата, Бен Ата, Бен Ата». Эл-Ит не могла забыть этого человека, хотя каждое воспоминание о нем несло с собой боль и груз горечи: она знала, все глубже осознавала с каждым днем и каждым часом, что ей предстоит реализовать такие глубины своей личности, о существовании которых она прежде и не подозревала. Но это было неизбежно.

Объехав север, она свернула на запад, оставляя все время справа центральный горный массив. На западе еще стояло позднее лето, солнце грело, но не палило. Повсюду вокруг она наблюдала изобилие и довольство, но рассказывали люди все то же. И женщины, и мужчины, и дети встречали ее вопросом: «Эл-Ит, Эл-Ит, что произошло? Что мы сделали не так, что ты сделала не так?»

Ощущение вины сильно давило на нее. Хотя Эл-Ит этого и не осознавала, потому что ей были неведомы подобные ощущения. В ней бродило много сильных и невеселых чувств, тяжелых и не очень, имевших разные оттенки, окраски, но одно чувство неизменно возвращалось, и она наконец сообразила, что именно оно главное, ибо определяет состояние ее души. Чувство вины

— так она его сформулировала: «Я, Эл-Ит, винова-та». Но всякий раз, когда эта мысль возникала в голове, она тут же старалась от нее избавиться с отвращением и недоверием. Как это вышло, что *она,* Эл-Ит, виновна? Разве может быть виновата она, и только она? Неужели в чем-то неправа?.. Пусть она оказалась связанной с Зоной Четыре, но ведь это еще не значит, что от нее ушло фун-даментальное знание, основа всех знаний. Она уверена, что все в жизни переплетено и перемешано, все существует в неразрывном единстве, не бывает такого, чтобы в чем-то был виноват кто-то один, не может такого быть. Если есть зло, тогда оно должно быть присуще всем и каждому в любой зоне — и, несомненно, также и за их пределами. Эта мысль сильно поразила Эл-Ит и напомнила ей… Она практически не думала, а если и думала, то мало — о том, что происходит за пределами зон… в частности, она очень мало размышляла сейчас о Зонах Один и Два, — а ведь последняя находилась как раз рядом, на северо-за-паде, за горизонтом, который бывал то голубым, то пурпурным… Эл-Ит не смотрела туда с тех пор, как… с тех пор, как… даже не вспомнить, с каких пор. Сейчас она оказалась на небольшом холме, в центре западных регионов. Она слезла со спины

благородного Йори и, придерживая рукой за его холку, обратила взор на северо-запад — туда, где находилась Зона Два. Что же там? Она представления не имела! Никогда не задумывалась! А почему? Было неинтересно? Или интересовалась когда-то, но очень давно? Эл-Ит даже не могла вспомнить, стояла ли она когда-нибудь вот так, как сейчас, устремив глаза в ту сторону с любопытством, пытаясь проникнуть взглядом в те синие обманные дали… но что-то ее туда тянуло, притягивало взгляд… нечто терялось, растворялось в синеве… колеблющейся неустойчивой синеве… Эл-Ит опомнилась, вынырнула из глубин размышлений, прихватив с собой какое-то врожденное знание, которое, она не сомневалась, в нужный момент непременно проявится. Не сразу, но вскоре… «Вот оно, — шепнула она себе. — Вот оно… если бы только поймать мысль…»

Эл-Ит снова уселась верхом и продолжала путь все по той же широкой дуге, загибая влево, и из западных регионов перебралась в южные. Эти края всегда были ее любимыми, ну да, она находила оправдания, чтобы ездить сюда чаще, чем в другие… как раз недавно была тут, в сопровождении всех своих детей и своего двора, с чуть ли не половиной жителей плато. Какое было

время!.. Празднества, пение, теперь ей казалось, что они тогда протанцевали и пропировали все летние месяцы. И она ни разу не остановилась, не сделала паузу в своей насыщенной жизни, чтобы поднять глаза и взглянуть — а должна была — в те голубые дали зоны, расположенной гораздо выше ее собственного королевства, примерно настолько же, насколько Зона Три располагалась выше Зоны Четыре…

Хотя жители юга по-прежнему приветствовали Эл-Ит с искренней радостью и глубокой признательностью за все хорошее, что было у них в старые добрые времена, снова и снова, сильнее, чем прежде, терзала ее неотступная мысль: «Ты виновата, Эл-Ит, виновата…»

И она скакала дальше, уговаривая себя: «Нет, нет, я не виновата! Как я могу быть виноватой? Ведь я королева, вами избранная, потому что я — это вы, и вы меня признали лучшей представительницей своего народа, и вы для меня *свои.* Вы же считаете меня *вашей* королевой, вашей Эл-Ит, и, значит, я не могу быть одна во всем виновата. Ошибка допущена где-то там, где-то *глубже,* где-то выше?»

И она скакала дальше, среди холмов, густо поросших южными виноградниками, где всегда

могла остановиться и посмотреть на северо-запад, на лазоревый край той, другой страны, — и у нее была эта возможность, пока она не объехала по кругу весь центральный массив и не оказалась там, откуда больше не была видна та сторона, а также и граница, пока она взбиралась на плато. Эл-Ит намеревалась быстро пересечь плато по прямой, ненадолго остановившись в столице, чтобы повидаться с детьми и со своими подданными, а потом встать там на самом краешке, посмотреть сверху на запад и северо-запад, и оттуда вглядеться в голубую дымку, пока не вспомнит то, что ей следует вспомнить, — и она знала, что именно это ей и следует сделать.

Эл-Ит объехала все южные регионы. Несколько раз ей попадались мужчины, которых, при прежнем порядке жизни, она бы приблизила к себе и непременно обольстила бы, пустив в ход свои разнообразные достоинства, ради того, чтобы зачать от них ребенка, — но стоило ли? В этом был источник ее самобичевания и угрызений совести, — ведь уже прошел почти месяц с той ночи, проведенной с Бен Ата, а она все еще не представляла себе, забеременела или нет. А ведь раньше она это всегда определяла сама, по реакциям всего организма и прибегая к интуиции, а вовсе

не по признакам физиологическим. «Виновна, ох, виновна… и все же *не виновна,* даже думать так грешно, — глупо и самоуверенно и ограниченно». И так ехала Эл-Ит, охваченная смятением и раздираемая противоречивыми чувствами. Ум ее был спокоен, ясен и уравновешен, а в душе вовсю кипели и боролись страсти, абсурдные с ее точки зрения.

А как же главное ее достоинство, высший разум, который она считала своей сильной стороной и на который всегда полагалась, — то, что составляло самую ее сущность? Ну, от этого она была в те дни далека. Она стала падшим существом, бедняга Эл-Ит, и сама это сознавала.

А тем временем она непрестанно слышала в душе: «Бен Ата, Бен Ата», и это же звучало в цокоте копыт ее коня.

Когда Эл-Ит снова оказалась на дороге, идущей от границ Зоны Четыре прямиком через степи вверх на окруженное горами центральное плато, она повернула коня налево, с намерением скакать наверх, к своему дому. Но голос свыше вдруг заговорил, и ясно прозвучало у нее в голове: «Развернись и возвращайся к Бен Ата…», а когда она заколебалась, голос повторил: «Не медли, Эл-Ит».

И она повернула коня на восток. Когда она въез-

жала сюда из Зоны Четыре, торжествуя и танцуя с облегчением, она первым делом радостно отшвырнула свой щит и тут же забыла о нем. И как же теперь вернуться обратно в Зону Четыре без какого-нибудь защитного приспособления? Эл-Ит не представляла, что же теперь делать, и решила не делать вообще ничего: *они* должны знать о ее затруднениях и снабдить ее чем-нибудь.

По дороге к границе Эл-Ит то и дело оборачивалась и смотрела на центральный район своей страны, на его блеск, свет и тени… но теперь к этим впечатлениям добавилось еще одно: она не могла выбросить из головы те голубые пространства, сверкание которых видела за северной границей своего королевства. И свою прекрасную страну она представляла во всех подробностях, до мельчайших деталей, и вдаль, и вширь, и все ее границы, — эту самодостаточную страну… Но теперь Эл-Ит как бы включалась в ее пределы и те области за границей, которые лично для нее представляли неизведанные возможности.

Каждый раз, когда Эл-Ит тянуло обернуться и взглянуть назад, она решительно заставляла себя повернуть голову и смотреть вперед, морально готовиться к тому, что ее ждет. Позади — сплошные вершины, дали, панорамы, впереди

же — Зона Четыре.

И еще Бен Ата. Эл-Ит поймала себя на мысли, что этот огромный неуклюжий человек, так неожиданно вошедший в ее жизнь, должен компенсировать в каком-то смысле те дальние голубые выси Зоны Два, — но не улыбнулась. По ее виду теперь трудно было сказать, что эта женщина способна смеяться. Зато она заметила в себе что-то новенькое — ее потянуло на глупости. До сих пор всю свою жизнь с первого момента знакомства с любым человеком — мужчиной, женщиной, ребенком — она была готова к откровенному общению; теперь же в душе помимо ее воли всплывали какие-то женские хитрости и приемы, о которых она до сих пор и не подозревала, по крайней мере, ей так казалось. Она ловила себя на мысли: вот она встретит Бен Ата, и скажет ему то и это, и поступит так и эдак — и представляла обмен взглядами, улыбками, свои тонкие маневры и намеки. И эти мысли вызывали в Эл-Ит отвращение к самой себе.

На границе, как она и предполагала, ее ждали, но не Бен Ата, и даже не Джарнти. На прекрасном гнедом скакуне восседала крепкая темноволосая могучая дама; волосы ее, заплетенные косами, венком охватывали голову. Смотрела она прямо,

правда, слегка настороженным взглядом. Всем своим существом незнакомка ждала одобрения, благожелательного отношения, но умело держала себя в руках. Перед ней на тяжелом седле — обязательном атрибуте снаряжения коня в Зоне Четыре — лежали два продолговатых блестящих металлических предмета: она привезла щит для Эл-Ит.

— Меня зовут Дабиб, я жена Джарнти, — представилась она, — меня прислал Бен Ата.

Обе всадницы разглядывали друг друга откровенно и доброжелательно.

Дабиб увидела перед собой красивую женщину изящного сложения, волосы ее были распущены по спине, а взгляд был таким теплым и добрым, что хотелось заплакать.

Перед Эл-Ит была статная женщина, по первому впечатлению из таких, которые могли бы занимать в своей зоне посты самые ответственные и значительные, но с замашками прислуги.

Она не сводила глаз с лица Эл-Ит: ждала выговора, упреков или отказа от ее услуг. Даже наказания… но все же она, как говорится, из кожи вон лезла, желая и стараясь понравиться.

— Вы удивились, что вас встречаю я, да, госпожа?

— *Вовсе нет…* Только, прошу вас, не надо церемоний! Меня зовут Эл-Ит… — Королеву огорчило и даже покоробило напоминание о существующем в этой зоне этикете.

— У нас так не принято, — покачала головой Дабиб. Но Эл-Ит отметила, что говорит она решительно, с чувством собственного достоинства.

— Никогда не слышала такого имени — Дабиб.

— Оно означает: нечто, ставшее мягким после побоев.

Эл-Ит засмеялась:

— Вы это серьезно?

— Представьте себе, смысл именно такой.

— Кто же вам дал такое имя?

— Мама.

— Ах, вот как, понятно.

— Да, мама любила пошутить, такая уж она была.

— Вы по ней тоскуете! — воскликнула Эл-Ит, увидев слезы в глазах Дабиб.

— Тоскую, да. Моя мама была необыкновенная: понимала суть вещей.

— И она сделала вас очень сильной — ту-которая-стала-мягкой-после-побоев?

— Да. Такой же была она сама. «Всегда отступай и никогда не уступай», — вот как она говорила.

— Как же вышло, что вы тут одна? Разве у вас разрешают женщине путешествовать в одиночестве?

— Нет, конечно, — сказала Дабиб. — Это у нас невозможно. Но мне кажется, что Бен Ата хотел доставить вам удовольствие и… есть еще одна причина. Джарнти уже был готов поехать за вами…

— Очень любезно с его стороны.

На миг на ее губах вспыхнула тонкая улыбка.

— Но Бен Ата очень ревнивый… — эти слова сопровождал молниеносный взгляд исподтишка — желание увидеть, какая будет реакция. Дабиб слегка склонила голову покусывая губу.

— Ревнивый? — повторила Эл-Ит.

Это слово было для нее пустым звуком, но потом она вспомнила, что в древних хрониках ей встречалось такое понятие. Соображая, как же его следует понимать в данной ситуации, Эл-Ит заметила, что Дабиб покраснела и как будто обиделась: небось решила, что, по мнению королевы Зоны Три, Джарнти — человек не ее уровня.

— Сомневаюсь, чтобы я сама когда-нибудь ревновала. Мы не испытывали подобных чувств.

— Значит, вы очень отличаетесь от нас, госпожа.

Обе женщины поехали рядышком вниз по дороге, и каждая старалась оценить все качества спутницы, внешние и внутренние, насколько это было возможно в данных условиях. Впечатления Дабиб через некоторое время вылились в восклицание:

— О-о, как бы я хотела быть такой, как вы! Если бы я только могла стать такой! Ведь вы свободны! Вы возьмете меня с собой, когда поедете домой снова?

— Если разрешат. — И обе вздохнули, ощущая тяжесть существующего Порядка.

А Эл-Ит думала, что в этой женщине есть внутренняя сила, что-то надежное, устойчивое: ее сделали такой страдания и боль, каких она, Эл-Ит, даже представить себе не может. И в ней вспыхнуло любопытство и желание узнать побольше. Но она не знала, как лучше формулировать вопросы и вообще о чем спрашивать.

— Вот вам, женщине, позволили одной прискакать сюда, чтобы встретить меня, с разрешения Бен Ата, следует ли это понимать так, что теперь и другие женщины будут более свободны?

— Бен Ата разрешил лично мне. Муж не разрешал. — И Дабиб слегка улыбнулась своей мимолетной, уже знакомой Эл-Ит улыбкой.

— И как муж отреагирует на то, что вы поехали?

— Да уж найдет способ дать *почувствовать* свое отношение. — И подождала, не присоединится ли Эл-Ит к ее многозначительному смеху.

— Я, наверное, не совсем поняла вас… — начала было та, но тут же все поняла, увидев насмешливо-выжидательное выражение лица Дабиб.

— Никогда не думали взбунтоваться?

Понизив голос, Дабиб проговорила:

— Но ведь существует Порядок… разве нет?

— Не знаю.

— Не знаете? Вы?

— Я заметила, что не знаю очень многого, что раньше считала для себя известным. Например, способны вы определить, когда женщина беременна?

— Да, конечно, а вы что, не можете?

— Раньше всегда могла. А сейчас — нет. Здесь не могу.

Дабиб поняла ее сразу же, потому что кивнула в ответ:

— Понятно. Но вы-то не беременны, можете мне поверить.

— Ну, и за это спасибо.

— Ты, как видно, не собиралась забеременеть?

Да? — Дабиб доверительно перешла на «ты» и снова понизила голос, постоянно украдкой оглядываясь, хотя теперь они уже спустились с крутого откоса и им предстояла скачка через болотистые поля, а вокруг не было ни души.

— По-моему, мы по-разному понимаем слово *«собираться».*

— Объяснишь мне? — шепот Дабиб был едва слышен из-за топота копыт по грязной дороге. — Научишь тому, что знаете вы?

— Научу, чему смогу. Тому что тут дозволено.

— Ах, да… Поняла. — Тяжелый вздох красноречивее слов рассказал Эл-Ит все, что ей было нужно знать о женщинах этой зоны.

Покорность. Соглашательство. *Юмор.* И постоянное напряжение и издерганность, которые удается скрывать благодаря бдительности, терпению и опять же юмору.

Эл-Ит вдруг остановила свою лошадь. Дабиб сделала то же самое. Эл-Ит протянула руку к спутнице. Немного поколебавшись, осторожная Дабиб последовала ее примеру Эл-Ит прошептала через разделяющее их пространство:

— Я расскажу тебе все, что смогу. Помогу всем, чем смогу. Я буду твоим другом. Насколько смогу. Обещаю.

Она поняла, что Дабиб сейчас необходимы именно такие слова. В своей стране ей никогда не приходилось их произносить, Эл-Ит даже не представляла себе, что может возникнуть необходимость сказать подобное вслух. Но теперь она увидела слезы в красивых черных глазах Дабиб, они текли по ее румяным щекам. Видно, слова были выбраны правильные и произнесены в нужный момент.

— Спасибо тебе, Эл-Ит, — раздался прерывистый шепот.

Когда вдали уже показались павильоны на холме, Эл-Ит спросила:

— Не одолжишь мне хоть одно платье? Бен Ата считает, что я одета неподобающим образом.

Дабиб с тоской посмотрела на ее темно-красное расшитое платье.

— Такого красивого у нас я никогда не видела. Но им этого не понять и через тысячу лет! — Она говорила с той ласковой снисходительностью, с какой, по мнению Эл-Ит, обычно говорят только о маленьких детях. Но за этой снисходительностью слышалось страшное презрение.

— Как ты элегантна, Эл-Ит, хотела бы я научиться быть такой…

И Дабиб с неудовольствием посмотрела на свое

одеяние — платье из набивной ткани, довольно симпатичное, но лишенное тех элегантности и «изюминки», которыми были отмечены все одежды Зоны Три.

— Можешь не беспокоиться о нарядах. У нас только и разговоров, какие одежды Бен Ата заказал для тебя в городе. Шкафы от них ломятся… хотя, честное слово, не представляю, что ты с ними будешь делать.

Они вместе поднялись по холму, и у входа в парк с фонтанами Дабиб наклонилась вперед и вдруг с чувством обняла Эл-Ит.

— Я буду думать о тебе, госпожа. Мы все будем думать, все женщины, мы с тобой, не забывай этого! — И поскакала вниз с холма, и ее слезы, падающие градом, развеивал ветер.

Эл-Ит неторопливо доехала до конца парка, слезла с Йори, велев ему отыскать дорогу в свою конюшню, и пешком вернулась через парк, пристально глядя на павильон и поджидая той минуты, когда из него выйдет Бен Ата. Эл-Ит обнаружила в душе невероятное смешение доселе незнакомых ей чувств, которые в целом сводились к непривычному для нее антагонизму. Тут было и насмешливое: «Ужо покажу тебе!», и презрительное: «Думаешь, небось, что возьмешь

верх надо мной! Как бы не так!»

В этих мыслях не было неприязни к Бен Ата, наоборот — она с удовольствием предвкушала схватку.

Эл-Ит даже ждала встречи с ним, чтобы начать взаимоотношения в этом новом ключе. И слезы в эти планы уж точно не входили!

Она была совершенно уверена в себе и спокойна, хорошо владела своими чувствами.

А еще Эл-Ит ощутила внутреннюю неуязвимость. Кстати, об этом она догадалась, пока они с Дабиб пересекали равнину, почувствовав нечто подобное в этой женщине.

В таком вот состоянии она ждала встречи с Бен Ата.

Он же в эту минуту в своей обычной позе — скрестив руки на груди, — отражая этим умонастроение Эл-Ит, прислонился к колонне в центре комнаты. На губах его играла жесткая и насмешливая улыбка.

— Как тебе понравился эскорт? — вопросил он, и при этом вопросе она вспомнила, что ее муж вроде бы ревнив.

— Дабиб мне очень понравилась. Конечно, красавцу Джарнти я обрадовалась бы больше!

Услышав эти слова, Бен Ата сделал быстрый

шаг вперед, глаза его мгновенно вспыхнули, и Эл-Ит поняла, что он запросто может ее ударить. Но он воздержался от этого, зато улыбнулся так, что она поняла — ей эти слова дорого обойдутся, и протянул к жене обе руки. Она взяла его за руки и легонько покачала их из стороны в сторону с дразнящей улыбкой.

— Красивое на тебе платье. — Бен Ата решил сделать ей комплимент.

— Стало быть, тебе нравится красный цвет?

— Стало быть, мне нравишься *ты!* — И, помимо своей воли, схватил ее в объятия. Бен Ата сказал неправду: сегодня она понравилась ему еще меньше, чем в прошлый приезд. Конечно, здравый смысл подсказывал, что эта молодая девушка в красном, соблазнительно облегающем платье вполне может оказаться в его вкусе, но он мигом вспомнил, насколько она независима, сейчас об этом свидетельствовал каждый ее взгляд, улыбка, жест.

Эл-Ит выскользнула из его объятий и ушла из комнаты, бросив на него насмешливый взгляд через плечо, сама себе удивившись — она и не знала, что на такое способна! И Бен Ата, чтобы поддразнить, не поспешил за ней — остался на своем месте, как будто он колонна, а не чело-

век в короткой зеленой подпоясанной тунике, с обнаженной головой и скрещенными на груди руками. Потом Эл-Ит, «загадочно» улыбаясь — и с изумлением ощущая эту улыбку на своих губах, — ухватилась двумя руками за тонкую колонну в центре комнаты и легонько покачала бедрами, желая таким движением воспламенить его. Цели своей она достигла, но он, похоже, не собирался сдвинуться с места.

Бен Ата стоял, ухмыляясь, а она все покачивала бедрами и улыбалась…

Когда в прошлый раз, вечером, несколько недель назад, Эл-Ит уехала от него, он в полночь неохотно вернулся в павильон, после необходимого для него отдыха — перемены обстановки, пребывания среди солдат, и оказалось, что она ушла. Бен Ата был взбешен, но понял, что Эл-Ит, вероятно, повиновалась Приказу, и вдруг почувствовал всем своим существом, что ему ее не хватает, что она ему нужна, ощутил бессилие, которое никоим образом не умел себе объяснить или преодолеть. Причем ни секунды не сомневался, что ему недостает вовсе не Эл-Ит.

Дотошности у этого человека было не отнять.

Он понял, что кое-чего в жизни не понимает, а кое с чем даже просто не знаком.

До сих пор Бен Ата презирал мужчин, которые ходили в публичные дома, потворствуя своим прихотям. Но сейчас он отправился именно туда. Методично опросив Джарнти и других своих офицеров, он направился в определенное заведение и потребовал беседы с его хозяйкой. Мадам давно была в курсе, что ему понадобилось, с того момента, как до ее заведения дошли слухи, что их намерен посетить сам король. Однако терпеливо с улыбкой выслушала его довольно неуклюжие, но решительные объяснения.

Она послала его в комнату, где уже ждала девушка, снабженная всевозможными подробными инструкциями. Потому что сексуальные достоинства и недостатки Бен Ата, конечно, обсуждало женское население всей страны. А как же иначе: при таком обилии военных кампаний, учений, грабежей, насилий и мародерств восхищенные или разочарованные девицы просто не могли молчать.

Бен Ата оказался в постели с опытной молодой женщиной, которая его просто поразила. Правда, такое длительное служение телесным удовольствиям было не совсем в его вкусе, он всегда настаивал, что вряд ли это можно считать занятием для настоящего мужчины.

Но нельзя отрицать, что за тот месяц, пока Эл-Ит скакала верхом по своей стране, пытаясь выяснить, что происходит, Бен Ата получал чувственное удовлетворение, только таким словом это и можно назвать. Ему, как в школе, дали много разнообразных уроков, его научили основам анатомии, ему растолковали возможности и пределы возможностей человеческого тела, мужского и женского. Король Зоны Четыре не был особо понятливым учеником. Но, с другой стороны, его, конечно, нельзя было назвать лентяем: если уж он из чувства долга решился пройти определенный курс, ничто не могло его отвлечь.

Эта куртизанка, Элис, была не рядовой проституткой, раз уж ее выбрала для короля из очень многих самая опытная хозяйка публичного дома, между прочим, вызвав красотку сюда из другого города, и она честно научила Бен Ата всему, что умела сама.

За месяц довольно тяжелой работы Элис достигла главного: она сумела внушить Бен Ата, что удовольствие может быть универсальным. По крайней мере, она считала это основой основ.

И он поверил, что теперь знает все, что можно знать об этой сфере отношений.

Но в тот миг, когда Эл-Ит с такой очарова-

тельной насмешливостью расхаживала по павильону, Бен Ата вспомнил нечто, совершенно вылетевшее у него из головы за прошлый месяц морального разложения. Он позабыл о легких, скользящих, воспламеняющих поцелуях, на которые сам не умел ответить. Заигрывание, отклик и ускользание от партнера, ответное чувство, контрчувство — ничего этого не было в арсенале куртизанки Элис, потому что она никогда в жизни не испытала радости равенства в отношениях с кем-то другим, будь то мужчина или женщина.

Глядя на Эл-Ит, восхитительно непринужденно качающую бедрами около своей колонны и улыбающуюся в ожидании, Бен Ата понял, что теперь придется все начать сначала. Тут ему никто не сможет помочь. И никуда не денешься, потому за тот месяц своего ученичества, когда он проявлял такое рвение, он уже мысленно примирился с тем, что грядет.

Пока Бен Ата колебался и сопротивлялся своим желаниям, по взгляду, каким он смотрел на нее, Эл-Ит поняла про него все. И вот она оставила свою колонну, приблизилась к мужу и начала учить его, как в любви надо быть равным и готовым.

Бен Ата был просто потрясен, ему открылись

такие удовольствия, каких из опыта общения с Элис он и представить себе не мог. Никакого сравнения с той тяжеловесной чувственностью, тут был контакт совсем иного плана. Ему открылось не только умение удивительное физически реагировать, но и более того — возникли ощущения, каких он даже пожелать не мог. Бен Ата тонул в нежности, страсти, самых безумных неистовствах, которые он даже не знал, как воспринимать — как боль или как восторг… и конца этому не было. Она же держалась совершенно свободно и раскованно, чувствуя себя как дома, в своей стране, с каждой минутой заводила его все дальше и дальше, была партнершей решительной и энергичной.

Конечно, его не могло хватить надолго. Равенству не обучишься за один урок, даже за два. Бен Ата по природе был тяжел и медлителен в реакциях, он никогда не умел иначе. Для него всегда были недоступны удовольствия, требовавшие подвижности ртути. Но даже в доступных ему пределах оказалось, что у него такие потенциальные возможности выносливости, каких он сам от себя не ждал. И даже когда все прекратилось и Бен Ата, чувствуя некоторое облегчение, в то же время жалел, что закончилось это на-

пряжение, Эл-Ит и тут не дала ему спуститься с того уровня чувственности, которого они оба достигли. Они всю ночь занимались любовью, и весь следующий день, не делая перерывов на еду, хотя все же попросили подать им немного вина, и лишь когда их уже прочно и навечно неразрывно связали брачные узы, так что больше нельзя было определить наощупь, где граница между их телами, и приходилось взглянуть, чтобы это увидеть, только тогда их охватил глубокий сон, в котором они умиротворенно пребывали следующие двадцать четыре часа. Проснулись они оба одновременно. Был ранний вечер, и до них с другого конца парка донесся барабанный бой. Оба сразу поняли: таким образом оповещают всю Зону Четыре, а также и Зону Три, что их брак осуществился должным образом. И этот барабан должен был бить впредь, с момента каждой их встречи до момента расставания, чтобы весь народ знал, что они вместе, и чтобы все помнили об этом браке, благожелательно его воспринимали — и, конечно, подражали их примеру.

Они лежали в объятиях друг друга, как будто в теплом море на мелководье. Но теперь они начали медленно и осторожно отделять свои тела друг от друга, — бедро от бедра, колено от колена… в

полумраке каждый чувствовал, что наступившая обыденность противоречит чудесам только что закончившихся дней и ночей, но, к счастью, никакого диссонанса не было. Но уже трудно понять: неужели было то, что было? Бен Ата, как бы извиняясь, почти ласковым движением вытащил свою теплую руку из-под ее шеи, уселся, потом встал и потянулся. С наслаждением расправил каждую свою дюжую затекшую мышцу, и, заметив его удовольствие, Эл-Ит улыбнулась в темноте. Она, как всегда быстро, вновь стала сама собой. Но ему явно казалось неприличным сразу оставлять ее одну, и он, завернувшись в свой солдатский плащ, уселся на тахте у ее ног.

— Давай немного приведем себя в порядок, — предположил он, — а потом встретимся и поужинаем.

— Прекрасная мысль! — Голос Эл-Ит доносился уже от двери в ее апартаменты: она выскользнула незаметно. И исчезла.

Здесь ничего не изменилось за время ее отсутствия, только вдоль всей стены теперь рядами висели разные платья, наряды для выхода в свет, меха, плащи. Эл-Ит никогда не видела ничего подобного и, бормоча, что все это смахивает на склад тряпья для целой партии шлюх, — это

слово она только что услышала от мужа, — решительно снимала их одно за другим. Ткани были весьма хороши, и она профессиональным взглядом оценила качество шелка, атласа, шерсти, — ясно, в этой стране производство тканей на высоте. Но покрой! — просто кошмар. Эл-Ит не удалось отыскать ни одного наряда, сшитого со вкусом: то слишком подчеркнута грудь, то ягодицы обнажены до предела, то сделана неловкая попытка их скрыть, а если покрой приемлем, то подобрана ткань совершенно неподходящей к фасону фактуры или цвета. Чувствовалось полное отсутствие вкуса, ни в одном изделии не было «изюминки». Решив особо не расстраиваться, Эл-Ит, руководствуясь здравым смыслом, раскопала зеленое облегающее платье, поражавшее полным набором промахов со стороны портного, но все же получше многих других. Она приняла ванну, уложила волосы примерно так, как видела у Дабиб, — вероятно, сюда подошло бы слово «женственно», — и облачилась в наряд. Потом вернулась в центральную комнату, где задумчивый Бен Ата ждал жену за столиком у окна. Сначала он просиял при виде ее платья, потом огорчился.

— Это что, из наших? — с сомнением спросил

он.

Она ответила:

— Да, великий король. — И они обменялись понимающими дружескими улыбками, как супруги, прожившие вместе много лет.

Теперь, когда они, выходцы из разных стран, были разобщены, когда каждый почувствовал чужеродность партнера, уже нельзя было доверять тому, что они обрели за часы погружения друг в друга. Эл-Ит снова стала для Бен Ата чужестранкой и все в ней было для него чуждым, а то, что теперь было в ней ему дорого, о, это в каком-то смысле не столько привязывало его к ней, сколько отчуждало, — он в глубине души боялся, до чего жена может его довести. Она же, глядя на этого здоровенного, как бык, солдафона, с прилипшими ко лбу после ванны волосами, мысленно поздравляла себя — надо же, сумела довести его, до чего хотела.

Они задумали для себя обильный ужин, такой им и подали, и некоторое время оба с жадностью поглощали еду.

И все это — под неумолчный барабанный бой, доносившийся из парка.

Сразу после ужина оба вскочили и побежали в парк, обыскали его вдоль и поперек, но не на-

шли ни барабанщика, ни барабана. Но ведь они ясно слышали звук барабанного боя — откуда же он доносился? Отсюда? Нет, оттуда! Все время источник звука был где-то рядом, но его так и не удалось обнаружить.

Наконец они поняли, что никогда не смогут понять, откуда идет звук, и вернулись в павильон. Но не рука об руку. Даже не бок о бок. Каждый чувствовал себя вещью в себе, замкнутым на себя, абсолютно недоступным для понимания другого, этого чужака.

— Тем не менее, — заговорила Эл-Ит, будто продолжая их незаконченный разговор, — я теперь наверняка беременна.

— Да? Отлично! Ты уверена? — Подозревая, что в такой момент было бы уместным хотя бы обнять жену, он сделал движение в ее сторону, но она явно не была расположена к такого рода жестам, и он с благодарностью отказался от своего намерения.

— Разумеется, уверена.

— Но почему? Откуда ты знаешь?

— У вас в стране каждая женщина может определить, но у нас, конечно, это немного по-другому. — Сказав это, Эл-Ит засмеялась, он же вежливо помолчал — ждал, не объяснит ли она

свои слова.

— Ну и хорошо. Я в восторге.

— И я тоже. Видимо, этого от нас ждут.

— Ты уверена?

— Нет, конечно. В чем тут можно быть уверенной.

— А что нам делать дальше?

— Откуда мне знать? Скорее всего, мне прикажут возвращаться домой.

Увидев, какое облегчение моментально отразилось на лице мужа, Эл-Ит расхохоталась, жестом указывая на него, и он, поняв, что жена угадала его чувства и не скрывает своих таких же, присоединился к ней. Когда окончился их праздник смеха, оба сообразили, что до полуночи еще далеко и им, предоставленным на произвол судьбы, можно побыть порознь.

— Сыграем в шахматы? — предложил Бен Ата.

— Почему бы и нет?

Сначала выиграл он, потом она. В своем государстве каждый из них был очень хорошим игроком, настоящим мастером. Естественно, игра затянулась до утренней зари.

Обоих посетила мысль (каждый надеялся, что другой не заметил), не пора ли заняться любовной игрой, но оба ее отвергли.

Утром снова вышли на прогулку в мокрый туман парка, и барабанный бой опять сопровождал их повсюду — он звучал в голове, пульсировал в крови каждого. Там Эл-Ит обратила внимание мужа на шеренги солдат, выстроившиеся у подножия холма, во влажной дымке лугов. С уважением она наблюдала за выражением его лица: Бен Ата понимал все, что видел там внизу, мысленно кого-то хвалил, кого-то критиковал, отдавал приказы, желая добиться совершенства в этом своем деле, военном искусстве.

— Кто же ваши враги? — По ее тону он догадался — вопрос задан всерьез. — Они у вас есть?

Бен Ата заметно напрягся, и она поняла, что он всерьез обдумывает ее вопрос — с тех пор, как она сначала задала его Джарнти, а тот, язвительно посмеиваясь, хоть в душе и встревожился, несомненно передал ее слова своему королю.

— Не будь у нас врагов, зачем бы нам тогда держать армию? — ответил Бен Ата вопросом на вопрос, как бы в шутку, на самом же деле ее интерес вызвал у него уважение.

— С кем же вы воюете?

Бен Ата напряженно молчал. Эл-Ит знала, что у мужа в голове мелькают воспоминания о грабежах и насилиях бесчисленных прошлых

компаний, и он раздумывает, не велись ли они тогда, по сути дела, ради какой-то ложной идеи…

— Вот мы, например, для вас не враги, — смешно даже представить, чтобы кто-то с нашей стороны пересек границу и при этом не почувствовал вредного воздействия, — но тем не менее вы понастроили фортов вдоль всей нашей границы, причем подошли как можно ближе, только чтобы солдатам не грозила опасность заболеть. Зачем это нужно?

Бен Ата в ответ неопределенно пожал плечами.

— Слышали ли вы хотя бы один предупредительный выстрел?

Он усмехнулся, признавая ее правоту.

— На моей памяти ничего такого не было. Представляешь, мы иногда арестовываем кого-нибудь как шпиона… потом отпускаем.

— Зачем это нужно? — смеясь, повторила она.

— Затем, что у нас армия — многочисленная и боеспособная.

Золотистый туман поднимался кверху, туда, где они стояли, и рассеивался, таял в воздухе, а внизу, в этом тумане, маршировали во все стороны солдаты в ярком блестящем обмундировании, и резкие лающие звуки приказов взлетали в

воздух вместе с туманом, как будто растворенные в нем.

— У вас на границе с Зоной Пять тоже есть форты?

— А как же! И перестрелки бывают, и даже сражения.

Эл-Ит это удивило: она забыла, что эта страна ведет войну.

— Ну да, конечно…

— Я сам все это знаю. — Бен Ата запинался и говорил извиняющимся тоном, как будто считал себя виноватым перед ней, а не перед Ними, — Надзирающими и Присылающими Приказы. — Ладно, раз уж речь зашла… Я все время об этом думаю… Ты права… конечно, предполагается, что мы не ведем сражений…

— Настоящих сражений?

— Да. Ну… ничего такого серьезного…

— А у вас есть раненые? Есть потери?

— Да — и раненые, и убитые.

Эл-Ит вздохнула — и вздох ее был долгим, тревожным и, пожалуй, испуганным. Бен Ата повернулся к ней. Лицо его помрачнело.

— Да, я тебя понимаю. Но клянусь — так сложилось само собой. Я никогда не думал… никто из нас не думал… такого не было, пока ты… — И он

стукнул огромным кулаком по низкому парапету, огораживающему пруд.

— Кто же начал эти сражения? Разве можно переходить из твоей зоны в ту — и назад? Для солдат это не опасно, не вредно?

— Я знаю, что когда-то из одной зоны было невозможно переходить в другую, ведь и сейчас мы не способны без щитов попадать к вам и обратно. Но, видно, что-то изменилось. Я не хочу сказать, что переходить границу стало легче. В массовом порядке этого не происходит. Но мы ведем сражения вдоль границы, бывает, на нашей стороне, иногда на той, — только никогда не заходим в их зону далеко.

— Ты сам там бывал?

— Да, не раз.

— Ну и как там, в Зоне Пять?

Бен Ата передернуло, и, чтобы согреться, он стал растирать предплечья, водя ладонями вверх-вниз. Он даже побледнел от отвращения — хватило одних воспоминаний о Зоне Пять.

— Вот, значит, до чего плохо, — не без юмора, подвела итог Эл-Ит. Она поняла, что для него та зона была тем же, чем для всех нас, обитателей Зоны Три, были его собственные владения. Бен Ата уловил иронию, кивнул, соглашаясь, и ласко-

во обхватил рукой ее плечи:

— Да, ты все правильно поняла.

Он притянул жену поближе, зарылся лицом в завитки ее волос, и она услышала его бормотание:

— Но что же нам делать, Эл-Ит? Что? Плохо уже то, что я раньше никогда не задумывался над этим.

— Я тоже только сейчас задумалась об изъянах нашей зоны. Знаешь, Бен Ата, некогда было тебе рассказать, но, вернувшись от вас домой, я объехала верхом все пограничные регионы нашей зоны…

— Одна? — спросил он недоверчиво и, помимо своей воли, резко.

Однако она сказала снисходительно:

— Конечно, одна, ведь у меня была цель… но я не об этом хочу сказать, Бен Ата. В какой-то момент я оказалась на горе, которая ниже центрального массива, но с нее можно смотреть по прямой на северо-запад, и оттуда я увидела… Понимаешь, у нас никто давно уже не смотрел на ту границу, даже не помню, когда это было в последний раз. Вам тут нужны специальные законы и наказания, чтобы помешать людям смотреть *туда.* — Она развернула Бен Ата в другую сто-

рону, и его ослепленный взгляд устремился на высокие горные вершины Зоны Три, которые сейчас переливались всеми оттенками огненного опала. — Твои подданные не будут смотреть туда, им запрещено, Бен Ата, а вот наши люди *никогда* не посмотрят за пределы своей страны, тут даже не надо никаких наказаний или запретов. Им это просто в голову не приходит. Мы слишком благополучны, слишком счастливы, у нас все так приятно и комфортно, Бен Ата… Не знаю, что и думать… — И Эл-Ит с удивлением, в полном смятении обнаружила, что по ее щекам снова бегут слезы, а муж наклонился над ней, оторвавшись от чарующей игры света на гигантских горных пиках, осторожно стараясь успокоить ее, озабоченный этими непонятными ему слезами. Даже смахнул слезинку с глаза Эл-Ит большим пальцем и внимательно ее рассмотрел, как будто эта слезинка могла быть какой-нибудь особенной.

Этот сюжет вошел в наши песни, картины и предания под названием «Слеза Эл-Ит». В народе считают, что здесь отражены нежные чувства супружеской пары, ведь муж как раз перед этим узнал, что жена беременна, но сейчас я вам объясню, в чем тут дело.

Вот мы видим Эл-Ит, она прислонилась к широ-

кой мужской груди, Бен Ата ее нежно укачивает, ей удобно, она под защитой, о такой позе она совсем недавно не раз мечтала. Допустим, Эл-Ит сама не верит в силу воздействия этого приема, но это ей совсем не мешает наслаждаться моментом.

Бен Ата же, со своей стороны, обрадовался, что эта невероятно независимая дамочка способна от души выплакаться, как любая другая, и в то же время не верил в ее слезы. Потому что плакать было вовсе не в ее характере, и он вздохнул с облегчением, когда жена встала, шмыгая носом, отерла слезы со щек своими маленькими ручками и опять, гордо выпрямившись, встала рядом с ним у парапета.

— И как же выглядит эта Зона Два? — спросил он.

— Наверное, ты больше можешь рассказать про нашу зону, чем я о *них*. Могу сказать только одно: стоишь, смотришь, всматриваешься, и никак не насмотреться. Как будто погружаешься в синий туман — или под воду, — там сплошная синева, ты никогда не видел такой…

— Это все очень интересно, — оборвал ее он, — но, по-моему, глазеть туда — только время зря терять.

Именно эти слова Эл-Ит ожидала услышать от мужа. Поэтому она тут же залилась смехом, к которому присоединился и Бен Ата: в результате беседа вновь закончилась на тахте. На этот раз их соитие ничуть не походило на опыт последних дней, зато подтверждало, что все еще между ними возможно, — хотя они и были людьми настолько разными, что оба то и дело удивлялись в душе, как это они вообще оказались вместе. И это удивление им было суждено испытывать до самого конца.

И опять наступил полдень: весь день парило, и Бен Ата возмутился, когда Эл-Ит залезла обнаженной в чашу фонтана. Он не предполагал, что фонтаном можно воспользоваться для такой цели, но, хоть и с оглядкой, все же присоединился к ней. При этом постоянно ныл: мол, золотые рыбки его щекочут, и сами они мешают рыбкам, и вообще, а вдруг их кто-то увидит…

— Кто же, интересно? Тут никого нет, — успокаивала мужа Эл-Ит.

— А барабанщик? — возражал он. — Кто-то же здесь должен быть, ну подумай сама: ведь барабан не умолкал, все время бил, что бы мы ни делали.

— Вот что я думаю, — заявила Эл-Ит, когда они,

уже одетые, уселись по обе стороны столика. — Ты знаешь, когда-то Зона Четыре и Зона Пять не могли общаться. Теперь могут — вон, вы даже воюете. Значит, что-то произошло? Надо выяснить, что именно. А когда выясним, тогда и будем соображать, зачем вообще, с самого начала, было так заведено, что у тебя должна быть армия. Зачем вам армия? Все богатство твоей страны уходит на ее содержание. Ничего удивительного, что вы так бедны.

— Это мы-то бедны? Да что ты мелешь!

— Бен Ата, вы бедны, не спорь! Ты сам не понимаешь, насколько жалок! У нас самый бедный пастух живет лучше, чем ты, король. А уж одежонки в этих шкафах! Нет, я ничего не говорю, они солидны и крепко сшиты, и ткани хорошие. Но если *ты* считаешь, что эти наряды пригодны для королевы, которая роскошной одеждой должна отличаться от жены солдата…

— А ты как думаешь. Надо соответствовать статусу.

— Конечно, согласно твоим взглядам. Но послушай меня, это совсем не обязательно. Зачем тебе чины и иерархия? Они привлекают тебя только потому, что ты беден. Зачем ты нацепил эту огромную брошь? А зачем на застежке для

плаща написано, что ты Бен Ата? У нас все знают, что я Эл-Ит. Меня узнают, хоть я мешок надень. Не понял? Вы бедный народ, Бен Ата. Все, что я видела по пути сюда, — нет, я не об этом павильоне, его ведь выстроили только для нашей случки на строго определенном месте и, вероятно, снесут, когда мы расстанемся…

— Мы что, снова расстанемся?

— А как же иначе! А ты себе как представлял? Что мы вместе теперь навечно, Бен Ата? Мы оказались тут для определенной цели — умиротворить обе наши страны и выяснить, в чем мы поступили неправильно и что такое нам надо сделать, дабы исправить ошибки…

Эл-Ит наклонилась вперед, глаза ее горели убежденностью и страстью.

Бен Ата откинулся назад, саркастически наблюдая за ней. Он чувствовал себя оскорбленным. У бедняги просто в голове не укладывалось, что его страну кто-то может назвать бедной и что она выглядит в глазах иностранцев отсталой и нуждающейся. Хорошо, пусть эта женщина думает — а она именно так и думает, что он грубый и неутонченный. Он солдат! А солдат всегда солдат! Но страну свою Бен Ата всегда считал эталоном. Идеалом того, каким должно быть

государство. Он почувствовал, что Эл-Ит разонравилась ему как женщина. Равнодушие сменила ярость. Между ним и ею, ее сияющими глазами и оживленным лицом, пролегла пропасть — какие уж после этого могут быть близкие отношения.

Вдруг он встал и в ярости заходил по комнате.

— Ты же сам говорил, что роскошь много значит, ты сам сказал: и комфорт, и свобода. Все это твои слова, твои…

— Ну, говорил, ну и что. — И тут же вслух укорил себя за то, что допустил слабость: стоял, раскачивался с ироническим смехом, тыча в нее пальцем.

— Не будь инфантильным, Бен Ата. — Эл-Ит поднялась на ноги. — Да, мы богаты, у нас есть все, но это плохо, ибо мы позволили себе забыть наши истинные цели. Но зато вы бедны и неотесанны, и это оттого, что все ваши богатства уходят на войну — на ненужную, глупую, бессмысленную войну… — Она так и не села, стоя опровергала его доводы.

Отвращение Бен Ата к ней дошло до предела, — он даже поднял руку, чтобы нанести удар. Огромный кулак, размером с ее изящную головку, уже прицелился для удара, — но Эл-Ит стояла неподвижно и спокойно смотрела на него.

— Бен Ата, я намного слабее тебя, ты можешь как угодно проявлять свою злость. Мне тебя не остановить. Причем в твоей ужасной стране я абсолютно лишена всякой защиты…

Ну и что ему оставалось делать? Только отнести Эл-Ит в постель и разобраться с ней так, как он привык разбираться с большинством слабых девушек в свои мародерские ночи.

Эл-Ит не сопротивлялась — у нее не было на это сил, она только отвернула голову в сторону и закрыла глаза, она просто отсутствовала в этом процессе, была как мертвая.

Именно это Бен Ата и чувствовал — будто насилует труп. Его тошнило от самого себя. И от нее — ведь это она вынудила его на такой поступок. Вдруг Бен Ата вспомнил — Эл-Ит же беременна, не повредить бы ребенку. И из этих соображений он воздержался от повторного акта насилия, хотя ему и очень хотелось. Он скатился с нее и, трясясь от неприязни, сказал:

— Вот тебе. Будешь знать.

Внезапно наступила тишина: оба поняли, что барабан больше не бьет.

Эл-Ит с трудом поднялась, ушла в свои комнаты и почти сразу вернулась, уже в своем темно-красном платье. На мужа она не смотрела.

— Ты не можешь уехать, пока тебе не приказали, — тупо и угрожающе сказал он.

— Ты разве не слышишь? Барабан умолк. — Она говорила совершенно безжизненным голосом.

Эл-Ит вышла на крыльцо и остановилась, подзывая коня. И тут же среди фонтанов раздался цокот копыт.

— Можешь больше не приезжать. — Бен Ата был расстроен. Не мог поверить тому, что происходит. У него не укладывалось в голове — как он мог, после их прежнего полного взаимопонимания, оказаться способным на то, что только что сделал.

Как будто оказался на краю какого-то невообразимо прекрасного ландшафта, а тот исчез на его глазах.

— Можешь вернуться к своим чертовым шлюхам, — сказала Эл-Ит, уже вскакивая на Йори. Но почувствовала, что говорит вовсе не свои слова, что это виновата Зона Четыре, и тут же добавила: — Ох, пора выбираться из этого ужасного места. — И от несомненной искренности, с которой это было сказано, у него сжалось сердце.

Легким галопом она удалялась от него. Бен Ата побежал за конем, ринулся за ней, как фурия, но догнал, только когда она уже проскакала большое

расстояние по западной дороге. Оба коня, белый и черный, летели бок о бок. Был еще ранний вечер, совсем светло, всюду им попадались люди — на дорогах, на лодках в каналах. Все видели, как королева Зоны Три скачет, «словно дьяволица», прочь из их страны, а их король ее преследует, «бледный, как смерть, бедняжка».

Так было только на первом участке пути, потому что Эл-Ит забыла взять щит и, оказавшись у границы, автоматически наклонилась вперед, вцепившись в гриву Йори, сознавая, что если не удержится на его спине, то потеряет сознание, упадет и может погибнуть. Йори, почуяв спиной, что всадница слабеет, замедлил ход и перешел на шаг, а Бен Ата, увидев, как его жена бесчувственно шатается, снял ее со спины Йори и повез дальше, держа на руках. Те, кто видел их на втором участке пути, потом рассказывали, что королева заболела от горя, не желая покидать их зону, а король держал ее на руках, «как ребенка», и плакал, сидя в своем седле.

Йори не отставал от короля. У границы Бен Ата опустил жену на землю, поставив прямо по ту сторону, — но не очень далеко, ведь он сам не мог входить в Зону Три без защитного устройства, так же как она — в его страну. Едва заметив, что

Эл-Ит вот-вот очнется, Бен Ата отступил назад, но одной рукой все же поддерживал ее за плечо. Когда она открыла глаза, оказалось, что стоит глухая темная ночь, и резкий ветер, всегда дующий с востока в ее страну, уже достаточно силен и может подтолкнуть ее. Перед собой Эл-Ит увидела Бен Ата, бледного и угрюмого, но решила, что он сердит, не поняла, как он беспокоится о ней.

Конь был рядом, женщина вскарабкалась на него и полетела во тьму, и они оба — она и Йори — исчезли, как пушинка, унесенная бурей. А Бен Ата поскакал назад, в лагеря, размышляя, когда же ей придет приказ вновь вернуться к мужу.

Проскакав совсем немного, Эл-Ит, усердно размышляя, все же догадалась, что произошло. Теперь, полная сочувствия, она опечалилась, понимая, что Бен Ата тоже огорчен, и ей захотелось хотя бы словом утешить его, сказать: она знает, что муж донес ее до границы и перенес на эту сторону и что не надо ему больше себя корить за свой грубый поступок, она и сама не понимает, как могла так опрометчиво обвинять его и критиковать его страну.

Как она могла! Она, Эл-Ит, которая в своем собственном королевстве никогда не была способна произнести жестокое или даже просто бестакт-

ное слово в чей-либо адрес, а тут позволила себе такие ядовитые выражения в разговоре с этим человеком, который вовсе не по своей вине оказался королем этой несчастной, отупевшей и погрязшей в нищете страны.

И теперь оба — он, вернувшись к своим солдатам, она, направляясь верхом в свою столицу, — думали друг о друге с сочувствием.

Когда Эл-Ит оказалась возле ущелья, по которому можно было из степи подняться на плато, она осадила Йори и поглядела на громоздящиеся вокруг горы. Вся ее жизнь прошла среди этих гор; и для нее было отдыхом и пищей для ума наблюдать, как они меняют свою форму и облик в доступных им пределах. Теперь, осторожно поворачивая коня в одну и другую сторону, Эл-Ит видела их такими, какими они всегда были, — но одновременно и такими, какими казались издали, когда вместе с Бен Ата смотрела на них снизу. У нее было такое ощущение, что и он в эту минуту уставился на эти горные пики, наплевав на существующий у них запрет. И мысленно видела, как он стоит там, на мгновение забыв о своих офицерах, среди палаток и пикетов лагеря, а они вначале изумленно переглядываются, а потом один за другим тоже поднимают взгляд кверху

— а затем их примеру следуют и солдаты. Эл-Ит думала о женщинах Зоны Четыре, которые, как она подозревала, хранят в душе самые разные личные убеждения. И наверняка они, если не все, то многие, частенько, когда их никто не видит, поглядывают на западный небосклон, где снег покрывает горы на такой высоте, что его трудно отличить от облаков.

Теперь она вспомнила песню — услышанную, когда она лежала в объятиях Бен Ата. Тогда она просто бездумно ее запомнила, а сейчас ее слова всплыли в памяти. Эта песня теперь была навечно связана с тем восторгом, с которым их тела познавали друг друга. Оба тогда не могли скрыть взаимного удивления.

Как нам оказаться в том месте,
Где всё горним пропитано светом?
О, как ощутить нам блаженство?
Высоко-высоко на вершинах
Отблески солнца играют.
Там среди гор обитает надежда
И нету дождей унылых,
Лишь огромные снежные шапки…
Белизна обжигает морозом,

И радугой хлопья искрятся!
О как же туда нам добраться,
Там наверху оказаться?
Прочь скорее с равнины постылой,
Все выше к заветным отрогам,
В этом наше предназначенье,
Это наша с тобою дорога…

Высокий мелодичный голос женщины парил над их брачным ложем, и эти слова теперь всегда будут напоминать им друг о друге.

Конечно, Эл-Ит знала, что если эту песню услышит *случайный* слушатель, солдат или его непосвященная жена, они эти слова поймут по-другому, — их истинный смысл угадают только посвященные женщины, она же слушала их вместе с Бен Ата, — но понял ли он? Надо не забыть спросить его при следующей встрече!

Эл-Ит снова пустилась в путь, и теперь на всех дорогах ее окликали группы людей, приветствовавших свою королеву. И она останавливалась поговорить, выслушать их новости, рассказать, что она беременна от Бен Ата. Новость летела по всей степи, дошла до плато, ее передавали друг другу, так что когда Эл-Ит въехала в свою столицу, повсюду на тротуарах толпились люди, они

пели и радостно приветствовали ожидавшую наследника королеву, так что к тому времени, когда она добралась до дома, она снова ощутила привычную для Зоны Три атмосферу необременительной дружественности.

На широких ступенях Эл-Ит поджидали сестра по имени Мурти и все дети, которые звали ее мамой. Они окружили Эл-Ит, источая любовь и приветствия, она провела с ними весь день и ночь, выслушала их рассказы о том, что случилось за время ее отсутствия. И все это время звонил колокол на нашей Башне, дабы оповестить всех жителей Зоны Три: Эл-Ит благополучно вернулась и у нее скоро будет очередной ребенок.

Потом они с сестрой удалились, предоставив детей их отцам-воспитателям. Начались занятия — уроки и игры, а обе женщины направились на самый верхний этаж дворца, там крыши простирались во все стороны на разных уровнях, оттуда можно было взобраться еще выше, на шпиль, и оказаться выше всех в столице. Оказавшись на самом верху этой башни, Эл-Ит сказала удивленной Мурти (что это королеве взбрело в голову забираться на такую высоту): «Посмотри-ка вон туда…» — и указала на глубокую расселину в горах, высящихся на северо-западе. Там сверкала

сапфировая синева Зоны Два. Вначале Мурти видела только расселину между гор и в ней дымку.

А Эл-Ит все всматривалась, глаза ее тонули в синеве, она с любовью вспомнила Бен Ата и его слова: «Глазеть туда — только время терять», и улыбнулась. Мурти же, глядя на нее, догадалась, что сестра вспомнила о муже, эта улыбка не могла означать ничего другого. Она засмеялась, полуобернулась к сестре, собираясь подразнить ее и расспросить об этом знаменитом Бен Ата, великом солдате, но Эл-Ит попросила:

— Нет, не отворачивайся, просто постой и посмотри…

Ведь всю жизнь у нее, Эл-Ит, была возможность забраться на эту высоту и отыскать взглядом Зону Два. Никто ей не запрещал! Просто они никогда не вспоминали о Зоне Два! И теперь Эл-Ит вдруг вспомнила — да, давным-давно она сюда забиралась, когда была совсем юной девушкой, почти подростком. Тогда, много лет назад, что-то подстегнуло ее — и захотелось взбираться все выше и выше, вначале на беспредельную высоту крыши королевского дворца, который возвышался над всеми дворцами города, оттуда при желании она могла бы, перепрыгивая с одной крыши на другую, неделями бегать над городом. Но тут Эл-Ит

увидела высокий шпиль и ведущую в него дверцу, подкралась и полезла вверх по невозможно крутой винтовой лестнице. Все выше и выше. И, наконец, оказалась на самом верху и встала, затаив дыхание, испытывая головокружение, на небольшой платформе, на которой они с сестрой и стояли сейчас в лучах заходящего солнца. Их окликали мелькавшие мимо птицы. Высоко над горами парили орлы. В тот далекий день Эл-Ит, вцепившись в ограждение, смотрела вверх и в сторону северо-западной границы и чувствовала в душе одно, всепоглощающее желание — улететь отсюда, утонуть в этой бесконечной синеве — оказаться там, где одна бесконечная синева! И только спустя много часов она прокралась назад вниз, душа ее была полна ощущением синего воздуха… — а что было потом? Она не помнила! Может, рассказала кому-нибудь и ей запретили туда лазать? Или никому не говорила, просто позабыла?

Какое это теперь имеет значение? Главное — у нее всю жизнь была эта возможность, стоило лишь вскарабкаться по пролетам довольно крутой лестницы. Но ей все-таки казалось, что она сама, сознательно устранила эту возможность. А не должна бы… Давно следовало бы это сделать…

Сестра обеими руками ухватилась за ограждение, с сияющими глазами подняла кверху свой тонкий чистый профиль. Казалось, Мурти вся сияет: в ярком свете вечернего солнца блестели мягкие золотистые волосы, сверкала вышивка желтого платья. Наконец-то увидела!

Обернувшись к Эл-Ит, она спросила:

— Почему мы про это забыли?

И Эл-Ит не нашлась, что ответить.

Потом королева приказала звонить в колокола — велев всем регионам прислать к ней своих представителей как можно быстрее. Ну а затем они с сестрой ужинали. Мурти хотела подробно узнать о новом муже сестры, и обычно Эл-Ит все рассказывала Мурти, не считая это нескромностью или предательством, но на этот раз она будто язык проглотила. Почему? Конечно, что ни расскажи о Зоне Четыре, все будет настолько чуждо Мурти, придется ей не раз объяснять с самых разных точек зрения, чтобы сестра хоть немногое поняла, но Эл-Ит не хотелось говорить еще и потому, что она интуитивно чувствовала: Бен Ата сейчас думает о ней. Ей не нравилось это ощущение внутренней связи с ним. Насколько Эл-Ит помнила, до сих пор никогда она не чувствовала такого томления, тягостного, тре-

вожного, когда расставалась с кем-то из своих мужчин, хоть с родителем своего ребенка, хоть с любовником. «Наверное, я заболела, — решила она. — Вот они, последствия пребывания в Зоне Четыре, там любое чувство переживаешь сильнее, или оно угнетает». Но все же это томление ощущалось, нечего притворяться, будто его нет. Мурти почувствовала нежелание Эл-Ит рассказывать, но не стала упрекать, поняла, что ей нет доступа в душу сестры, и рано ушла в свои комнаты, к своим детям.

Наверное, неправильно, когда из-за отношений с одним человеком ограничиваешь отношения с другими? Разве не так?

Но Эл-Ит понимала, что ей теперь предстоит решить настоящие проблемы, более неотложные, чем волнения относительно ее мужа, к нему-то она неизбежно вернется в должный момент, согласно Приказу Надзирающих, — но она еще не знала, ненавистна ли ей эта мысль или же она тоскует по нему.

И Эл-Ит заставила себя заснуть, чтобы быть свежей наутро, надеясь, что завтрашний день принесет внезапные озарения, которые были ей сейчас так нужны.

Главный Зал Заседаний Совета нашей зоны не

очень велик, да и зачем нам большой — за один раз собирается человек двадцать-тридцать представителей разных регионов; конечно, вызывают не всех сразу, а в зависимости от повестки дня. Зал представляет собой квадратную комнату, с не очень высоким потолком, в трех стенах окна, а из них видны небо, облака, горы. По полу разбросаны очень большие плоские подушки, на которых мы рассаживаемся, кто где захочет; Эл-Ит тоже занимает любое место: когда народу так мало, зачем ей садиться выше других.

В тот день она пришла в Зал Заседаний раньше всех и ходила от окна к окну, смотрела вниз, на улицы города, вверх, на горы, а потом надолго устремила взгляд куда-то на северо-запад. Меня тоже вызвали в тот день, я пришел вторым — после королевы. Меня сразу поразило ее возбужденное состояние, взволнованность. Это была не та сдержанная женщина, какую я знал с самого младенчества: ведь я один из отцов-воспитателей Эл-Ит.

Я встал рядом с королевой у окна, она смотрела на меня печально и даже отрешенно, потом положила голову мне на плечо и прижалась, как ребенок. Вспомнив, что Эл-Ит с самого раннего детства была девочкой очень независимой и

рвалась к самостоятельности, я забеспокоился.

Оторвавшись от меня, она сказала:

— Лусик, я сама себя не узнаю.

— Это я уже понял.

Внизу, на главной площади, собралась толпа, и мы оба подались вперед и наблюдали, обрадовавшись поводу отвлечься от наших забот.

Это прибыли делегаты из регионов, все верхом: кто на коне, кто на ослике, даже дети верхом на козах. Всех животных поручили заботам нескольких молодых людей, те отвели их в тень деревьев, на южную сторону площади. Сам я прибыл на верблюде, — ведь я живу на крайнем юге нашего прекрасного королевства. Моему транспортному средству не часто выпадает шанс пообщаться с животными другой породы, у нас процветают только его сородичи, служащие средством перевозок, и тут я увидел своего верблюда — нос к носу с прекрасной вороной кобылой из стад восточного региона.

Зрелище было замечательно приятным и знакомым нам, мы оба развеселились, но Эл-Ит тут же посерьезнела.

— Лусик, у нас возникла непростая проблема, и что самое ужасное — я толком не представляю, в чем именно она заключается.

Комната понемногу заполнялась делегатами: мужчинами, женщинами, пришли даже две маленькие девочки, сестренки, уже проявившие организаторские способности и получившие возможность их развивать.

В тот день нас собралось двадцать пять человек. Эл-Ит сразу же уселась под западным окном, расправила свою широкую желтую юбку, — знала, как мы любим видеть ее во всей красе, и заговорила:

— Вы все в курсе ситуации, которая сложилась в стране. Я беру на себя полную ответственность. — И помолчала, обводя глазами собравшихся. Все кивали, не проявляя враждебности, только соглашаясь с услышанным. Она чуть улыбнулась бледной улыбкой.

— Нам надо выяснить, не было ли изменений в последние тридцать девять дней?

И снова замолчала, внимательно вглядываясь в лица окружающих, мимоходом улыбнувшись двум маленьким девочкам, которые, конечно, ответили своей королеве обожающими взглядами: у мальчишек на лбу было написано, что они хотят стать такими, как она, и даже лучше.

— В каждом регионе мы видим одно и то же: животные болеют, теряют свою способность к

воспроизводству. Да и мы стали не те, что раньше. Это знаю я, это знают все. И я узнала бы об этом раньше, если бы внимательнее отнеслась к вашим докладам.

Мы все снова покивали: Эл-Ит говорила сущую правду

— Ясно, что все считают, будто этот упадок каким-то образом связан с моим браком с Бен Ата. Нам неизвестно, почему это произойдет и каким образом, но теперь есть шанс, что наступит улучшение. Уже было объявлено всенародно, что я забеременела. Можно предположить, что это входит в программу нашего оздоровления.

После каждой фразы Эл-Ит делала паузу и оглядывалась по сторонам, чтобы заметить признаки несогласия, или на случай, вдруг кто-то захочет что-то добавить к ее словам.

— Итак, тридцать девять дней назад меня отослали к Бен Ата. — Слово *отослали* она с горечью выделила и тут же пожалела об этом, виновато улыбнувшись нам. К тому моменту не было человека в комнате, кто бы не почувствовал ее душевных мук. Такой атмосферы в Зале Заседаний я до сих пор не наблюдал ни разу. Состояние духа Эл-Ит лучше всяких слов дало нам понять, как обстоят дела в нашей стране.

Она спокойно ждала замечаний, потом перешла к вопросам:

— За этот срок вы не заметили изменений? Нет? Вообще-то я беременна всего пять дней. За эти дни были изменения?

Ответила одна из девочек:

— Вчера наша овечка родила двух ягнят.

Все засмеялись, и в обсуждении наступил перерыв, пока Эл-Ит объясняла малышке, сколько длится беременность у овец.

Тем временем мы старались вспомнить, не замечали ли каких-то перемен в эти пять дней. Началась дискуссия. Эл-Ит внимательно слушала. А потом вдруг вскочила и быстро забегала между окнами, подбежала к западному, прислонилась к нему и устремила взгляд вверх. Такого до сих пор никто за ней не замечал. Через некоторое время я, как единственный из присутствующих ее родителей, выглянул в окно и посмотрел в ту сторону, куда смотрела королева.

И увидел только отроги западных горных цепей, — ряд за рядом.

Подойдя к Эл-Ит, я напомнил ей о ее долге, и она вернулась на место.

Маленькая девочка, развеселившая всех присутствующих, теперь что-то мурлыкала.

Это была песенка из одной нашей детской игры:

Кто подумает немного,
Тот найдет свою дорогу.
Раз, два, три, четыре, пять,
Ее надо отыскать!
Мы должны подняться в горы
И собраться в синеве…

Эл-Ит наклонилась вперед и слушала. Кто из нас не слышал этой песенки бессчетное число раз! Под нее детишки выкладывают узоры из камушков и прыгают через них в определенном ритме, который постоянно меняется.

Мы знали, что Эл-Ит всегда уделяет детям особое внимание, так что ждали.

Но она так и сидела, наклонившись вперед, и все ее внимание было поглощено маленькой девочкой, а та, вовсе не замечая королеву, чуть раскачивалась и увлеченно пела, даже тихонько похлопывала в ладошки. Это было типичное дитя восточных регионов: рыжеватая, с яркими синими глазами и белесыми ресницами. Из таких чахлых цыплят, как ни странно, обычно вырастают необыкновенные красавицы, и мужчины

в тех краях тоже бывают красивыми. На праздниках сердце бьется сильнее, когда приезжают группы всадников из восточных регионов. Ах, эти улыбчивые искусительницы, сознающие свою власть над нами, всегда готовые исполнить свои песни о старых временах…

— Как тебя зовут? — спросила Эл-Ит.

— Грина.

— Ну-ка, мой зайчик, подойди ко мне.

Малышка вприпрыжку пробралась вперед и села у колен Эл-Ит. Та взяла ребенка за руку.

— Как там дальше поется в этой песенке?

— В какой песенке, Эл-Ит?

— Которую ты сейчас мурлыкала. Какие там следующие слова — после слов «И собраться в синеве»?

Девочка напряженно думала. Взглянула на сестру, прося помощи.

Теперь уже все мы поняли, что происходит что-то важное.

Лично я не раз присутствовал на весьма серьезных переговорах в этой комнате, но никогда не было ничего подобного. Воздух в комнате дрожал от напряжения, апатия Эл-Ит куда-то исчезла. Она стала такой, как всегда: бодрой, оживленной, внимательной.

— Есть там еще слова, в этой песне? — Малышка в ожидании помощи смотрела на сестру, на такое же маленькое хрупкое существо, но та отрицательно покачала головой. Потом поднялась на ноги, сказала:

— Да, да, там есть… Кажется… — И опять опустилась на пол.

— Послушайте, — заявила Эл-Ит, — вот чего я хочу от вас. Пойдите туда, на площадь, ну где животные привязаны. Забудьте о нас на время. Поиграйте в эту игру. Просто поиграйте, как у себя дома, где-нибудь в поле или на лужайке. И попробуйте вспомнить, какие там слова после «И собраться в синеве».

Обе девочки вскочили и выбежали из Зала Заседаний рука об руку. Мы все заулыбались: понятно, сейчас каждый представлял, какими станут эти дети очень скоро.

— В чем, собственно, дело, Эл-Ит? — спросил молодой человек с севера. Вообще он был ее сыном, не родным, но вырос рядом с ней и даже внешне был похож на нее — такое часто случается.

— Мне кажется, я догадываюсь. — И Эл-Ит быстро и внимательно вгляделась в наши лица. — А ты не почувствовал? Что-то в этом есть! Но что? — И в возбуждении встала и снова захо-

дила по комнате, на этот раз останавливаясь у окон, но не выглядывая наружу. — В чем дело, ты спросил? — Мы ничего не говорили, мы просто ждали. Мы привыкли, что когда кто-то вот-вот схватит мысль на лету, надо ему или ей помочь, думать вместе. И надо подождать. — Я просто не знаю, не знаю… — И вдруг королева вихрем метнулась к западному окну и наклонилась через подоконник. Присутствующие тоже столпились рядом с ней и смотрели вниз. Обе девочки выложили свой узор из камушков и прыгали через них, распевая.

Но слов не было слышно.

Почувствовав наши взгляды, малышки остановились и подняли головы. Мы тут же отпрянули от окон, чтобы их не смущать.

— Надо подождать, — решила Эл-Ит.

Мы уселись на свои места. Конечно, мы надеялись узнать больше о визитах королевы в другую зону Но боялись своими вопросами снова огорчить ее.

Эл-Ит знала, о чем мы думаем, и, вздохнув, пошла нам навстречу.

— О той зоне рассказывать очень трудно, — смело начала она, и мы увидели, что живость вновь ее покинула. — Проще описать внешние

различия. Там все нацелено на подготовку к войне, к сражениям. Эта страна очень бедна. Не стану проводить никаких аналогий, нам просто не с чем сравнить. А настроение жителей… — И дальше Эл-Ит говорила с запинками, и мы снова почувствовали, что ее что-то гложет. — Война. Сражения. Мужчины… каждый мужчина, житель этой страны, служит в армии… — Она умолкла и замерла. У нее буквально перехватило дыхание. — Каждый мужчина носит военную форму… — И снова замолчала, глаза королевы потеряли живой блеск, она ушла глубоко в себя. Мы же сидели буквально не дыша. — Вся их экономика нацелена на войну… но войн много не ведут… Так изредка… однако все мужчины служат в армии, являются солдатами с рождения до смерти…

Снова наступило напряженное молчание, и Эл-Ит сидела выпрямившись, напряженная, с пустым взглядом. Раскачивалась на своей подушке взад и вперед.

— Все в этой стране предназначено для войны… но войн не ведут… у них царит жесткий строгий Закон… все для войны. Мужчины… все мужчины готовятся к сражениям… но нет войн, в которых им пришлось бы сражаться… *Что это такое, что*

бы это значило?..

Ее напряжение было страшно видеть. Пожилая женщина, которая внимательно следила за королевой, теперь прошла вперед, села рядом и начала ее успокаивать, поглаживая по рукам и плечам.

— Хватит, Эл-Ит. Довольно. Ты меня слышишь? — Эл-Ит передернуло, и она пришла в себя.

— Что же это такое? — шепотом спросила она у нас.

Пожилая женщина ответила:

— Позже поймешь. Успокойся.

Эл-Ит улыбнулась и кивнула женщине, та вернулась на свое место и сказала:

— Лучшее, что мы можем сделать, это запомнить все, что ты нам рассказала, а впечатление от Зоны Четыре должно само улечься со временем. — Эл-Ит снова кивнула.

На этом и закончилась трудная часть заседания Совета. Вошла Мурти, внесла поднос с кувшинами фруктового сока, а потом отправилась за какой-нибудь едой, чтобы мы перекусили. После чего присела рядом с сестрой.

И тут вошли девочки, малышки явно были огорчены.

Встав перед Эл-Ит и Мурти, Грина сказала:

— Мы играли и играли. Много раз. Но так и не вспомнили. А там есть дальше слова. Мы это точно помним.

— Ну и ладно, — кивнула Эл-Ит. — Ничего страшного.

— Может, нам поиграть в эту игру, когда приедем домой? Попробуем, вдруг вспомним?

— Да уж, пожалуйста… а я вот что придумала… — Тут мы все насторожились, надеясь — а вдруг к нашей королеве наконец пришло понимание, но она только улыбнулась: — Боюсь, что загадка по-прежнему не разрешена. Но я другое придумала. Устроим-ка мы фестиваль. И поскорее. Это будет фестиваль песен, сказаний, — нет, не как всегда. В этом году мы вспомним старинные песни и сказания. Забытые или полузабытые. Пусть из всех регионов пришлют своих певцов и сказителей и свои блоки памяти…

Тут Эл-Ит улыбнулась мне, чтобы смягчить свои дальнейшие слова, и сказала:

— Лусик, мне кажется, что это твоя промашка. Как так вышло, что дети играют в свои игры и не могут вспомнить какие-то стихи?

Я принял упрек. Она права, никуда не денешься.

А потом мы все разошлись по домам.

Дальше мой рассказ будет основан не на личных воспоминаниях, как рассказ о Заседании Совета, а на тех сведениях, которые мне удалось собрать как летописцу.

Сестры ушли в комнаты Эл-Ит, и там королева призналась Мурти, что устала, что эта беременность, как ей уже понятно, протекает значительно труднее, чем предыдущие. Она отдала все нужные распоряжения, а теперь хотела бы отдохнуть несколько дней.

Мурти забеспокоилась.

Обе красавицы уселись бок о бок у окна, выходившего на западные горы. Эл-Ит сказала, что ей хотелось бы еще раз подняться на шпиль, но Мурти стала просить сестру не делать этого, и та уступила. Обычно в такие минуты отдыха обе женщины расслаблялись: гладили друг друга, расчесывали друг другу волосы, примеряли наряды, обдумывали, что новенького им хотелось бы сшить, обсуждали, какие новинки заметили в одеждах встреченных в последние дни девушек и женщин, — прикидывая, нельзя ли что-то позаимствовать при моделировании одежды. Они были настоящими сестрами, родными: у них были общими биологические мать и отец,

даже отцы-воспитатели у них были одни и те же. Между ними никогда не было секретов. Теперь Эл-Ит сказала:

— Ты правильно почувствовала себя задетой. Но, увы, я ничего не могу поделать. — В ответ Мурти поцеловала сестру и ушла.

Эл-Ит и дня не пробыла дома, ей вновь пришел сигнал, что пора возвращаться к Бен Ата. Мысленно она услышала слова: «Барабан бьет». Даже услышала бой барабана, хоть он звучал и слабо. Она приложила ладонь к низу живота, думая, что слышит биение крошечного сердца, но нет, это был именно бой барабана.

Эл-Ит порылась в своих шкафах, на этот раз стараясь выбрать такие одежды, которые ублажат и обрадуют Бен Ата. Сложила всё и бегом спустилась на первый этаж, чтобы оставить записку для Мурти.

Как раз в этот момент на встречу с ней по большой лестнице поднимались пятеро: девочка-подросток, еще почти совсем ребенок, ее биологический отец и трое отцов-воспитателей. Эл-Ит была ее биологической матерью.

Девочка была проблемным ребенком, но здесь не место говорить об этом. Мы упоминаем об их приходе лишь потому, что все произошло именно

в тот момент, когда Эл-Ит мысленно уже была на пути к Бен Ата. Однако, несмотря на то, что ее обременяли все хлопоты и заботы, связанные с возвращением к мужу, ей пришлось отвлечься и пройти в тихую комнату вместе с тем человеком, с которым она годами поддерживала близкие отношения, который был биологическим отцом ребенка, и с тремя мужчинами, тоже ей близкими, но с которыми она не виделась давно, так уж получилось, потому что они жили в отдаленной части страны.

Эта комната находилась рядом с Залом Заседаний, и там на полулежали такие же подушки, стояли низкие столики. Эл-Ит обняла девочку, прижала к себе и так и держала ее рядом, пока они усаживались. Но почти сразу сообразила, что ее беспокойство может передаться дочери, а этого Эл-Ит не могла допустить: она быстро поднялась и пересела подальше, а девочка решила, что ее не любят: у нее стало несчастное выражение лица, и она отвернулась от матери. От этого Эл-Ит заволновалась еще больше.

Все они — королева, четверо мужчин, девочка — нередко проводили время вот так вместе, вшестером. И Эл-Ит частенько встречалась с мужчинами, по отдельности или со всеми вместе.

Эти люди входили в число самых близких, не исключая даже ее сестры. Даже ради своей защиты Эл-Ит не могла сейчас вот так просто выставить их из дома. Она была всегда доступна для них, так же, как сейчас была готова спешить к Бен Ата, который этого жестко требовал. Бедняжку била дрожь.

Все мужчины поочередно обняли королеву и уселись рядышком. Они поздравили ее с очередной беременностью. Все это время Эл-Ит выглядела плохо, а чувствовала себя еще хуже.

— Ты больна, — заметил биологический отец девочки, Кунзор, и Эл-Ит согласилась с ним: что же делать, ей жаль, что так вышло. И тут же упала в обморок.

Они вызвали Мурти, и та им объяснила, что никому не дано понять состояние души Эл-Ит. Мурти решила поддержать Эл-Ит и по-доброму отнеслась к бедняжке девочке, которая, ко всеобщему удивлению, вдруг стала заламывать руки, обвиняя себя в болезни матери. Все решили, что у девочки временно помутилось сознание, ибо ничего подобного от нее никогда до сих пор не слышали.

Когда Эл-Ит пришла в себя, около нее остался только Кунзор, пытавшийся понять, что же такое

с королевой. Он видел ее в разных жизненных ситуациях, но в данном случае происходящее было выше его разумения. Кунзор просто не мог представить себе Эл-Ит плачущей и охваченной смятением.

Королева сказала, что ей надо вскочить на коня и быстро уехать, и Кунзор помог ей спуститься по ступенькам на площадь, подозвал Йори и смотрел вслед, пока она не исчезла.

К сожалению, в степи Эл-Ит оказалась ранним вечером, и всю дорогу до границы ей пришлось скакать навстречу холодному ветру, дувшему с востока.

Она надеялась, что на этот раз на границе ее встретит Бен Ата, так и вышло. Он долго поджидал жену в тишине границы и замерз, сидя верхом, завернувшись в свой черный армейский плащ. Бледный и напряженный, Бен Ата не сводил глаз с дороги.

При первом взгляде на него у Эл-Ит упало сердце. Пока она скакала через степь навстречу сильному ветру, обогреваемая только теплым крупом коня, душа ее была полна воспоминаний о долгой дружбе с Кунзором и с мужчинами, с которыми она была близка, — Эл-Ит и сама удивилась, что уже пользуется лексикой, принятой

в Зоне Четыре. В прошлом ей не приходилось прибегать к словам вообще, даже мысленно. Она *ощущала* свою близость с ними, они были как нити, вплетенные в ткань ее существования. Когда Эл-Ит снова встречалась с кем-то из них, намеренно или случайно, они сразу же становились близки, как подсказывала им интуиция. Она называла их всегда одним словом — *друзья. А* теперь, думала Эл-Ит в изумлении, может, их надо считать мужьями? Конечно, нет, ведь ее мужем был Бен Ата! Но во время этой скачки под холодным ветром она вспоминала Бен Ата, с которым так скоро будет вместе, — как *друга* — и вкладывала в это слово простой здравый смысл и ответственность.

Когда Эл-Ит увидела его тут, на границе, сразу разорвались узы, связывавшие ее до сих пор телесно и душевно с теми мужчинами, которые оказывали ей поддержку и придавали силы в Зоне Три, и она почувствовала себя беззащитной.

Бен Ата подождал, пока жена пересечет границу его зоны, и вручил ей щит — он справедливо рассудил, что она наверняка снова забудет свой. Потом протянул руку, чтобы схватить ее уздечку — но у Эл-Ит не было уздечки, и направил своего

коня вперед, чтобы оказаться бок о бок с ней: она ехала, обратившись лицом к Зоне Четыре, а он — к Зоне Три. Бен Ата внимательно рассматривал лицо жены, как бы выискивая признаки скрытого преступления.

— Да в чем дело? — раздраженно спросила Эл-Ит.

— Просто я кое-что понял.

— Что же именно? — Она поехала вперед, вздохнула, надеясь, что Бен Ата услышит этот вздох, и он поскакал за ней, и держался так близко, что ей пришлось буквально согнуть ногу на боку бедного Йори, чтобы он ее не раздавил.

— Не любишь ты меня, — заявил Бен Ата.

Эл-Ит не сочла нужным ответить.

Эти слова она пропустила мимо ушей. Эл-Ит уже поняла, что Бен Ата сильно озабочен чем-то, такое с ним уже бывало, и нет смысла ждать от него вообще ни поддержки, ни помощи. Придется рассчитывать лишь на себя.

Он скакал совсем рядом, бросая на жену мелодраматические взгляды, пытаясь наклониться вперед и заглянуть ей в глаза.

Стояло раннее утро. Они мчались вниз по склону, внизу расстилались поля, с которых, как обычно, поднимался туман, как тут считалось,

очень красивый при слабом солнечном свете.

— Не любишь ты меня! По-настоящему! — кричал Бен Ата.

На этот раз до слуха Эл-Ит донеслось слово «любишь». Она мысленно отметила, что в их зонах его понимают по-разному. Что же случилось с мужем?

А случилось с Бен Ата вот что.

Когда Эл-Ит оставила его на границе, короля Зоны Четыре вдруг потрясли такие чувства, о существовании которых он даже не подозревал. Конечно, Элис объяснила ему, что в физических контактах существуют такие нюансы, которых, он, возможно, не заметил, но теперь он вдруг осознал, что существует целый мир чувств, который до сих пор был полностью скрыт от него. Бен Ата пришел с этой проблемой к хозяйке публичного дома, которая, хорошенько расспросив короля, объявила, что ему нужна не Элис — она вообще уехала уже в свой родной город, получив много почестей и очень довольная собой, — а серьезная любовная связь.

Бен Ата, конечно, был в курсе, что любовная связь — это то, что случается иной раз у людей, но, конечно, не у солдат!

Увидев Дабиб во дворе дома за чисткой мунди-

ра своего мужа, он прикинул, нельзя ли завязать такую связь с ней. И сразу же душу короля затопили соответствующие чувства, что его немало поразило: Бен Ата не мог себе представить, откуда это в нем взялось.

Дабиб была, конечно, в замешательстве и проявила осторожность, здравый смысл, а потом потребовала строгой секретности. Само собой, женщина боялась мужа. Связи у нее бывали, но Джарнти об этом и не подозревал. Бен Ата она боялась еще больше. У Дабиб не было намерения ложиться с ним в постель, и она удерживала поклонника на расстоянии, ограничивая разнообразными поцелуями и касаниями рук, все было обставлено очень мило. Ей надо было потянуть время, обдумать, что для нее лучше.

Джарнти застал жену в компрометирующей позе со своим королем.

Последовали бурные сцены. Ревность. Упреки. Мужчины сначала подрались, потом решили, что мужская дружба важнее женской любви, обменялись рукопожатиями, пьянствовали вместе целую ночь, на заре оба свалились в канал… ну просто водевиль.

И теперь Бен Ата был безумно влюблен в Эл-Ит.

Скача бок о бок с ней сквозь золотистый туман, он скрежетал зубами от томления по ней, а она бормотала:

— В павильоне словарь найдется?

— Зачем тебе словарь?

— Хочу посмотреть значение слова «любовь». Мы его по-разному понимаем.

— Ты холодная. Холодная и бездушная.

— Еще бы не холодная. Промерзла насквозь.

Сочувствие затопило его, но в данный момент было не до сочувствия.

— Ну ладно, а вы это слово определяете как?

— Вряд ли мы его вообще как-то определяем. Оно значит — быть с кем-то вместе. Взять на себя ответственность за все, что происходит между вами. Между двумя людьми, которые любят друг друга, и, конечно, отвечать за всех, кто принимает в этом участие, или кто может быть вовлечен в ваши отношения.

Бен Ата пришло в голову, что за шесть суматошных дней ее отсутствия он забыл, какая она — Эл-Ит.

Его эйфория иссякла. Он скакал на значительном расстоянии от жены, и на таком же расстоянии их кони легким галопом взбежали вместе на холм с павильоном, где барабанный

бой зазвучал еще накануне вечером.

Отпустив коней в конюшни, они оказались в парке в царстве водной стихии, пришлось спасаться бегством в укрытие — в павильон, где Эл-Ит, оставляя за собой лужи воды, кинулась в свои покои. Шкафы снова стояли пустые, все наряды местного производства убрали, и она, вытеревшись насухо, стала рыться в привезенных с собой нарядах, выбирая подходящий к своему угнетенному настроению. Яркое золото вчерашнего наряда смахивало бы на оперение экзотической птицы. Коричневое — слишком мрачно, но Эл-Ит его немного оживила золотисто-оранжевым аксессуаром: он создаст нужный тон, если все пойдет гладко. Убрав волосы, как принято у степенных женщин Зоны Четыре, — заплетя их в косы, она заставила себя пойти в центральное помещение павильона — как раз в этот момент Бен Ата тоже вышел из своей двери. На нем не было ничего, напоминающего доспехи. Он был в легкой тунике, и казалось, что его волнует, как он ей понравится в этом облике. При всем этом Бен Ата бросал на жену взгляды жалкие и враждебные, так что она уселась как можно дальше от него, за столик. Он же, которого последние двадцать четыре часа обуревало одно

желание, прошагал вперед крупными шагами и уже собрался было вытащить Эл-Ит из-за столика и оттащить на тахту, но тут сообразил, что именно по этой причине и произошла вся суматоха последних нескольких дней, а сейчас такое обращение с королевой Зоны Три, учитывая трезвость взглядов Эл-Ит, было бы, мягко говоря, неуместным.

Отчаянно ругаясь, Бен Ата уселся напротив жены, и, как всегда, рядом с хрупким столиком производил такое впечатление, будто одним неосторожным движением может разрушить не только столик, но и весь павильон. Он со вздохом откинулся назад и как будто отчасти пришел в себя.

Оба мужественно готовились просуществовать бок о бок тот неопределенный период времени, в течение которого им придется терпеть и преодолевать взаимную несовместимость.

— Хотелось бы знать, — сказал Бен Ата, — как у вас принято решать такие проблемы?

Эл-Ит уже думала над этим вопросом, и ей стало понятно, что этот человек не воспримет ценности Зоны Три ни под каким видом. И она разрешила волнующую его непосредственную проблему, сказав:

— Нет абсолютно никакого сомнения — и быть не может, — ребенок твой, Бен Ата!

— Я об этом ни слова не говорил, — запротестовал он, но, судя по довольному выражению его лица, она нашла правильный подход.

Он выжидал.

Почувствовав голод, Эл-Ит подумала, чего бы ей хотелось, и перед ней появилось лакомство ее страны, приготовленное из меда и орехов. Она начала крошить его, отламывая кусочки. Бен Ата бесцеремонно протянул руку, отломал себе кусок, попробовал, вытаращил глаза и больше не стал рисковать.

— Очень полезно для беременных женщин, — пояснила Эл-Ит.

— Надеюсь, ты заботишься о себе как положено! В конце концов, этому ребенку предстоит управлять Зоной Четыре!

Эта мысль ей тоже приходила в голову. Она довольствовалась кратким ответом:

— Это уж как решат Надзирающие!

По его сдержанному жесту несогласия Эл-Ит поняла, о чем он думал, — и на что готов решиться.

— Я так понимаю, — Бен Ата просто исходил сарказмом, — что я всего лишь один из твоих многочисленных любовников.

При этих его словах Эл-Ит откинулась на спинку кресла, протянула вперед обе руки и начала считать на пальцах, с видом весьма самодовольным: задержалась на третьем пальце с презрительной *гримаской,* — вернулась ко второму пальцу, потом опять к третьему, кивнув, и дальше — к четвертому, пятому, — перешла на другую руку, подумав, загнула шестой, седьмой, восьмой, — немножко помедлив, с любовью и улыбкой, явно вспомнив о чем-то приятном, задержалась на девятом; услышала, как муж с негодованием втянул в себя воздух, поколебалась, решая, рискнуть ли считать дальше: одиннадцать, двенадцать, тринадцать, дальше считала не задумываясь — четырнадцать, пятнадцать — всего у нее получилось девятнадцать. Эл-Ит закончила, кивнув с видом ничего не упустившего опытного дворецкого.

Посмотрела на Бен Ата, приглашая посмеяться — над ней, над собой, но он буквально пожелтел: для него это было катастрофой.

— Видишь ли, — начала Эл-Ит, но он договорил за нее с гневом:

— Знаю-знаю, что ты сейчас скажешь: «У вас не так, как у нас!» Спасибо за информацию. Испорченные, аморальные разложенцы…

— Согласна, я так и представляла себе твою реакцию, ты же не можешь воспринять многое из нашего образа жизни.

— Отлично, так сколько же у тебя всего было любовников?

Она поморщилась от этого слова, Бен Ата отметил это с каким-то бесстрастным интересом. Вдохновившись, Эл-Ит попыталась объяснить все, откровенно — хотя сначала решила не делать больше таких попыток, — она всерьез задумала отучить мужа от варварских замашек.

— Во-первых, само это слово для меня не значит ничего. Как и для любой женщины нашей зоны. Даже худшие, — а у нас, конечно, есть всякие особы, как и у вас… — Она заметила, что муж все равно все понимает по-своему, не так, как у них, в Зоне Четыре. — Даже худшие из нас не стали бы употреблять слово, характеризующее мужчину как какую-то игрушку.

В его взгляде Эл-Ит прочла уважение, понимание. Обрадовавшись хоть доле понимания, она продолжала развивать свою мысль и объяснила ему сексуальные порядки Зоны Три. Поза Бен Ата была напряженной, кулаки сжаты, но, пока она не договорила все, что хотела сказать, он слушал внимательно, впитывая каждое слово, и, как она

заметила, не упустил ничего.

Порой Эл-Ит становилось страшно — казалось, он вот-вот вспомнит о своей гордости, и она подвергнется очередной вспышке насилия, но король Зоны Четыре сдерживался. К тому моменту, как она высказалась, он растерял всю свою агрессивность и был способен на философское осмысление.

Она мысленно попросила вина — для себя и для него тоже; он жестом уточнил — себе покрепче. Кивнув с благодарностью, взял стакан из ее рук.

— Я и притворяться не буду, что приму хотя бы частично то, о чем ты рассказываешь, — произнес наконец Бен Ата.

— А вот мне кажется, — шутливо сказала Эл-Ит, — что тебе придется. — Но, боясь даже намека на скандал, она рассказала ему, что после их первой встречи появились кое-какие новые обстоятельства (она не решилась сказать «серьезные»), и теперь для нее главное — абсолютная верность Зоне Четыре. — Такое впечатление, — продолжала Эл-Ит, — что где-то там на мое тело наложили запрет, — причем я не могу позволить дотрагиваться до себя не только другому мужчине, но вообще никому. — Бен Ата заулыбался, а она добавила: — Ничего в этом хорошего я не ви-

жу, о великий король, нет, не вижу. Я считаю, что этот запрет вреден, неблагоприятен, но оба мы подчиняемся не своей воле — и сейчас, и впредь.

У Бен Ата на кончике языка вертелось: «значит, тогда ты должна меня любить», но такой простой и, казалось бы, логический вывод был в данный момент неуместен. Ими обоими овладела меланхолия. Объяснялось это очень просто: если бы кто-то из них позволил себе проявить живость и энергичность, он бы тут же наткнулся на естественное отчуждение партнера.

В таком вот меланхолическом настроении оба залегли на тахту, чувствуя только дружеское расположение, и их соитие протекало весьма своеобразно — они взаимно сочувствовали друг другу в связи с несчастливым для них альянсом, каждый сопереживал другому, и их сексуальные игры — если это слово применимо к столь печальному моменту — настолько были не похожи на их предыдущие встречи, что они просто не узнавали друг друга, и кульминацией этих игр стали стоны и крики, в которых оба выражали свой протест против Приказа Надзирающих.

Но Эл-Ит заметила, причем с тревогой, что испытала большое удовольствие — как будто в ответ на неопределенную обиду, — когда ее бук-

вально стирали в порошок, в экстазе подчиняясь велениям судьбы. До сих пор она не испытывала подобных ощущений и не допускала, что может захотеть пережить их снова.

А дождь все лил. Лежа в объятиях друг друга, они слушали, как за окном хлюпает и булькает, и поражались, какие бесконечные возможности неожиданно открылись в них обоих.

Под шум непрекращающегося ливня они поднялись с постели. Приняли ванну, переоделись и вернулись в центральную комнату — на этот раз Эл-Ит была в ярком оранжевом платье: это была ее отчаянная попытка внести в их брачный альянс хоть немного солнечного света.

Теперь они стали так близки, как положено супругам, Надзирающим и желать больше нечего.

Но, как это неизбежно в любом супружестве, в голосах обоих звучали резкие нотки.

Эл-Ит хотела все-таки выяснить, в чем суть этой его военизированной Зоны Четыре.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — начала она свой допрос; он же, с видом человека, вынужденного выслушивать все, сидел, опершись локтем о стол, стараясь остаться внутренне независимым. — Не хочешь ли ты сказать, что эти ваши кольчуги, которые вы вечно демонстрируете,

всего лишь обман? И от них нет никакой пользы? Оружие от них не отскакивает?

— Ну как же, они годятся для защиты от дождя.

— Ты серьезно хочешь сказать, что эти уродливые серые круглые здания, которые вы понастроили по всей Зоне Четыре, не испускают смертоносных лучей? Это тоже фальсификация?

— Главное, чтобы все в это верили. Так что какая разница.

— Бен Ата, у меня это просто в голове не укладывается!

— А что ты так всполошилась? Во-первых, строительство таких крепостей со смертоносными лучами — крупный проект. У нас очень мало камня. Его иногда приходится везти телегами через всю Зону Четыре. Знаешь, сколько раз это меня выручало, — когда вояки донимают, что мол пора начать военную кампанию, — а я направляю их взамен этого на строительство одной-двух таких крепостей со смертоносным лучом. Это моя лучшая выдумка!

— Неужели сам додумался?

— Ну… слышал о чем-то похожем.

— От кого? Когда?

— Тут однажды проходил один человек… он о них рассказывал. Он о многих разных проектах

говорил.

— Откуда человек? Из Зоны Пять?

— Какая там Зона Пять! Да они даже не знали, что такое копья, пока нас не увидели. Они предпочитали катапульты. Нет, этот тип просто шел через нашу территорию. Это случилось еще в царствование моего отца, я тогда был мальчишкой. Так вот, этот тип сказал, что он из… откуда же? Но не из Зоны Пять. Может, из Зоны Шесть?

— Я немного знаю про Зону Шесть. Оттуда он не мог прийти.

— Ну да, этот человек пришел издалека, я помню. Он рассказывал, что у них там есть такое вооружение, какого мы и представить себе не можем. Они способны сделать оружием даже сам воздух.

— Но если они способны сделать оружием сам воздух, они наверняка могут воспользоваться им и для чего-то полезного?

— Про это разговора не было. В общем, это место где-то есть. Такая планета, что ли. Но ее населяет злое племя. Они убивают и мучают друг друга все время ради… Нет, Эл-Ит, не надо так на меня смотреть! Мы тут, в Зоне Четыре, — *не такие.* Нас даже рядом с ними не поставишь. Но я все это как следует обдумал, и мы стали распускать слухи о

наших непробиваемых кольчугах и наших смертоносных лучах.

— Тем не менее на Зону Пять эти слухи не произвели особого впечатления, а?

— И неважно, не в этом дело. Я же тебе сказал — зато у нас нет безработицы.

— Понятно, — подвела она итог, — значит, ситуация такая. Девять десятых богатств вашей страны уходит на подготовку к войне. Кроме тех, кто вынужден выращивать урожай, и тех, кто торгует продуктами питания и хозяйственными товарами, все остальные по найму служат в армии, в том или ином звании. И все же на твоей памяти серьезных войн вы не вели. А если и начинаете какую-то кампанию, давай я перечислю тебе возможные ее причины, и ты сам увидишь, что все они притянуты за уши. И раньше дела обстояли точно так же. А перестрелки на границе с Зоной Пять объясняются только тем, что раз уж две армии стоят друг напротив друга, то каждая в силу своей природы агрессивна и желает напасть, а виноват, конечно, противник. Уровень жизни в твоей стране ниже некуда, — услышав эти слова, он застонал, признавая их справедливость, — но, Бен Ата, все это соответствует вашему Закону. Под присмотром Надзирающих. Под лозунгом:

«Все для каждого и каждый для всех». Ну так что же пошло наперекосяк? — Эл-Ит заметила, что сейчас, анализируя жуткое положение в его стране, она ничуть не чувствует того желания достигнуть взаимопонимания, какое ощущала вчера. «Совместили одного человека с другим, назвали это любовью, — думала она, — и пусть теперь они обходятся минимальным общим знаменателем». Бен Ата зевнул.

— В постель еще рано, по-моему, — сказала Эл-Ит. — Вроде бы еще не конец дня, — не понять из-за этого проливного дождя. — И в самом деле, за окнами все еще лил дождь.

— Ну и отлично, Эл-Ит, а теперь обрисуй мне положение дел у вас, так же честно, как сейчас рассуждала о наших порядках.

Ее смутила мысль — а и правда, почему же она не сделала этого раньше?

— Давай, давай, Эл-Ит, критиковать других всегда легче.

— Да нет, я просто… ну ладно. В нашей стране экономика не основана на производстве какого-то одного товара потребления. Мы производим разные сорта зерновых, овощей и фруктов…

— А мы нет, что ли? — спросил Бен Ата.

— Да, но не в том объеме.

— Давай дальше.

— У нас очень много разных животных, мы берем от них молоко, мясо, кожу, шерсть… — И, видя, что он опять намерен ее прервать, поспешила разъяснить: — Все дело в объеме производства, Бен Ата. В производстве у нас занята половина населения. Четверть населения — ремесленники, они изготавливают изделия из золота, серебра, железа, меди, латуни и многих драгоценных камней. Еще четверть — это торговцы, поставщики, дельцы и сказители, хранители памяти, создатели картин и статуй, странствующие певцы. Мы не тратим своих богатств на войну. У нас в стране нет оружия. Ну разве что в любом доме найдется нож или топор для хозяйственных нужд.

— А если на тебя нападет дикий зверь? Или орел унесет ягненка?

— Животные — наши друзья. — Эти слова Бен Ата воспринял с недоверием. И еще он заметил, что в ее рассказе не было ничего драматического.

— И к чему все это привело? К тому же, что и у нас… начались сложности… или, по твоим словам, мы…

— Скажи, у вас тоже рождаемость резко упала?

— Да. Согласен, дела обстоят неблагополучно.

Признаю. А теперь, Эл-Ит, хотелось бы знать, что делают мужчины в этом вашем раю?

— Только не воюют!

— А чем они занимаются целый день?

— Да тем же, чем и женщины, — выполняют свои служебные обязанности.

— Мне лично кажется, что если у власти стоят дамы, то мужчинам остается только…

— Трахаться, хочешь ты сказать?

— Да что-то в этом роде.

— А еще печь хлеб, пахать землю, пасти стада, растить урожай, торговать, добывать и плавить металлы, заниматься ремеслами, воспитывать детей, развивать их умственно и эмоционально, создавать архивы и хранить Память, писать песни и рассказы и… Бен Ата, у тебя такое выражение лица, будто я тебя оскорбила.

— Все это женская работа.

— И *Они* еще рассчитывают, что между нами возникает взаимопонимание! Разве оно возможно? Окажись ты в центре нашей страны, ты бы просто не понял, что происходит вокруг. Разве не ясно, что когда я пересекаю границу и оказываюсь в твоей стране, я перестаю быть самой собой. Все, что я говорю, ты воспринимаешь в искаженном смысле, не так, как я это говорю. А если я

сумею остаться *самой собой,* то мне будет очень трудно, я все буду воспринимать тут по-другому. Иногда я тут, в Зоне Четыре, вспоминаю, как все было дома, с Кунзором, например, и не могу…

— Кунзор — это твой муж?

Она замолчала, почувствовав беспомощность, — никакими словами было не передать истинную суть их отношений.

— Ну ладно, хватит об этом! Он существует, правда? Ты меня не одурачишь.

— Да я же тебе сама говорила, что Кунзор — один из мужчин, с которыми я *бываю.*

Но самодовольное выражение лица Бен Ата говорило, что это он сам, благодаря собственной проницательности, выяснил истину. Своей позой — руки сложены на груди, ноги твердо стоят на земле, колени врозь, он ясно показывал, что его ничто не унизит и не испугает.

Но Эл-Ит догадалась, что он искренне старается понять, и ее не должен отпугивать этот его автоматически сработавший защитный механизм. Бен Ата уже усвоил кое-что из ее объяснений и уже за это заслуживает уважения.

И снова чисто автоматически он злобно съязвил:

— А этот твой Кунзор, он, конечно, во всех от-

ношениях лучше меня…

Эл-Ит воздержалась от ответа, бросив только:

— Если нам не суждено найти общий язык, зачем мы вообще оказались тут вместе?

И тут Бен Ата даже не произнес, а скорее медленно выдохнул, ибо слова вылились из самой глубины его души, обычно защищенной насмешливостью, которую он считал своей «сильной стороной»:

— Но все-таки что же это?.. Мне обязательно надо понять… *что!* Нам надо понять… что… — И погрузился в молчание, уставившись неподвижным взглядом на чашку на столе.

И Эл-Ит с радостью и облегчением поняла, что услышала крик его души, значит, он открыт к общению и готов к взаимопониманию, — такой была и она в Зале Заседаний. Эл-Ит затаила дыхание, стараясь не двигаться, не позволяя себе задерживаться взглядом на его лице, боясь спугнуть.

Его дыхание становилось все медленнее, он сидел неподвижно, невидящим взглядом уставясь на чашку, — глубоко ушел в себя. И вдруг выдохнул:

— *Что?..* Что-то в этом есть… мы должны… *они* хотят, чтобы мы… А тут мы все солдаты… но при

этом не воюем… А вы… а *вы*… что же такое вы? А что такое мы… *для чего* мы?.. вот в чем вопрос…

Бен Ата произнес эти слова как бы в трансе, медленно, монотонно, и каждое прозвучало как итог, как краткое изложение сути, как результат длительного процесса осмысления.

В струях медленно сочащегося дождя они были как будто в освещенном коконе: среди потоков воды, среди плеска, заглушающего все остальные звуки. Оба не шевелились. Бен Ата совсем затаил дыхание. Эл-Ит ждала. Спустя долгое время он пришел в себя, увидел ее рядом с собой и, казалось, удивился, обвел взглядом прохладную комнату, место их встреч, сразу все вспомнил, и тут же на его лице, в глазах, во всем облике она заметила настороженность, недоверие.

Бен Ата не мог понять, что же такое с ним произошло. Но в его лице проступила зрелость, свойственная думающим людям.

Теперь Эл-Ит больше не чувствовала себя беззащитной, могла не бояться, что ее зря унизят: она почувствовала поддержку и ободрение, поняла, что, несмотря ни на что, они действительно достигли взаимопонимания… И тут же сама, из самых благих побуждений, стремясь сделать, как лучше, своими руками разрушила это драгоцен-

ное состояние.

А сказала она вот что:

— Бен Ата, нельзя ли мне встретиться с Дабиб? Ты ее знаешь, это жена Джарнти.

Он застыл и изумленно уставился на жену. Реакция его была настолько бурной, что Эл-Ит только смогла сообразить, что их отношения снова вернулись на прежний уровень, на котором его реакция не поддается пониманию.

— Видишь ли, мы — я хочу сказать, в нашей зоне — собираемся проводить фестиваль песен и сказаний…

Выражение подозрительности отчетливо проступило на его лице. Глаза покраснели и пылали гневом.

— Да что случилось-то? — рискнула спросить Эл-Ит.

— Ну, теперь все ясно — ты точно ведьма. И не притворяйся, что это не так.

— Да пойми ты, Бен Ата, по-моему, мы выйдем на истину или хоть получим намек на нее, если послушаем старинные песни, сказания. Я говорю не о тех, которые вечно напевают все кому не лень. Есть другие… которые сейчас… не исполняются и… — Но Бен Ата пришел в ярость, встал, наклонился над женой, схватил ее за плечи и

придвинул свое лицо к ней почти вплотную.

— Собираешься допросить Дабиб!

— Меня любая женщина устроит. Но ведь я знакома только с Дабиб.

— Вот что я тебе скажу: я не намерен разделять с тобой эти ваши оргии, на которых все могут поиметь друг друга.

— Бен Ата, не понимаю, что с тобой случилось, но тебя снова занесло…

— Да, занесло! Что у вас там происходит, когда ты собираешься с толпой своих партнеров? Могу себе представить!

— Судишь по своему личному опыту, Бен Ата? Значит, у вас бывает именно так, когда твои солдаты врываются в какую-нибудь убогую деревеньку… — Но сразу поняла, что продолжать не стоит, и лишь пожала плечами.

Ужаленный ее презрением, потому что правильно понял жест Эл-Ит, Бен Ата выпрямился и крупными шагами двинулся к арочной двери, выходящей на холм, у подножия которого располагался военный лагерь. Стараясь перекричать шум дождя, он звал снова и снова… раздался ответный крик, потом топот и плеск — кто-то прибежал по лужам, и Бен Ата воскликнул:

— Дабиб ко мне сюда. Немедленно.

И, сложив руки на груди, обернулся к Эл-Ит, прислонился всем телом к арочному проему и торжествующе улыбнулся.

— Вот и отлично, я хочу поговорить с Дабиб, рада, что она придет. Вот только непонятно, с чего это ты вдруг так озверел.

— Небось, размечталась сама поиметь Дабиб? Кто вас там знает, на что способны ты и твоя грязная компания.

— *Поиметь*, надо же, сказанул. Да что это за слово такое? Как можно поиметь другого человека? Ничего удивительного, что ты… — Эл-Ит чуть не сказала «какая уж тут любовь, если ты мыслишь такими понятиями…», но вовремя прикусила язык. — Ты бы подыскал щит для нее или что-нибудь вроде того, — посоветовала она. — Дабиб не сможет вынести нашей атмосферы.

— Большое тебе спасибо за совет. Представь, мне эта мысль тоже приходила в голову. Как, по-твоему, все тут у нас устроено? — И жестом указал на приспособления для защиты тех, кто работал и все еще иногда работает тут, в павильонах. Приспособлениями этими оказались большие пряжки или броши, которые следовало носить возле уровня горла.

Вскоре послышались хлюпающие шаги, и в две-

рях появилась Дабиб, закутанная в просторный темный плащ, один из старых армейских плащей мужа. Она стояла у двери, *не* глядя на Бен Ата, но внимательно и проницательно уставившись на Эл-Ит, которая ей улыбалась. Из рук Бен Ата Дабиб взяла брошь, сделанную из тусклого желтого металла, очень тяжелую, приколола ее у горла к вырезу платья и легко ступила в комнату, оставив свой промокший плащ в портике, на полу.

На короля она даже не взглянула, ждала, что скажет Эл-Ит. И та вдруг догадалась, почему Дабиб избегала смотреть на Бен Ата. В этой жуткой стране, где антагонизм неразрывно связан с понятием *поиметь*, — или, как у них тут принято говорить, с сексом, — все это, вероятно, означало, что они *поимели* друг друга. Она ли его, он ли ее — смотря как рассуждают эти варвары, — но сейчас Эл-Ит такие подробности не интересовали.

Увидев Дабиб, аккуратную, приветливую, толковую и достойную женщину, судя по всему, способную понимать тонкий юмор, которая стояла и ждала распоряжений, Эл-Ит решила максимально использовать сложившуюся ситуацию.

— Садись, Дабиб, пожалуйста. — Эл-Ит жестом указала ей на кресло, которое освободил Бен Ата.

И тут Дабиб взглянула на Бен Ата. Она мгновенно просчитала, насколько велика опасность разоблачения, и убедилась, — совсем даже невелика, так что можно смотреть, и теперь, в ожидании приказа, все же обратила взгляд к своему хозяину.

Но тот во всем положился на Эл-Ит и стоял как страж, наблюдая за сценой со стороны. Дабиб уселась.

— В нашей стране затевается большой фестиваль песен и сказаний. Мы часто такие проводим, но этот будет особенный.

Дабиб уже насторожилась и была бдительна: взгляды женщин встретились, и взгляд Дабиб предупреждал. Эл-Ит едва заметно кивнула, как бы желая сказать: «Все поняла, не бойся». Бен Ата не уловил этого едва заметного обмена мыслями, понял только одно — боялся он напрасно. Созерцание этих двух женщин, сидящих напротив и готовых по возможности взять друг от друга лучшее, не могло не смягчить его, и в то же время что-то его беспокоило. Увидев, что между ними мгновенно установилось взаимопонимание, он почувствовал себя исключенным из общения, оставленным за бортом.

С преувеличенно саркастическим видом Бен

Ата принял солдатскую осанку, выпрямился во весь свой рост.

— Мы хотим попробовать отыскать песни, забытые или полузабытые, из которых можно узнать о прошлом.

— Понятно, госпожа.

И опять две пары глаз изучающе всматривались друг в друга.

— Но ничего страшного… — при этих словах Эл-Ит сделала крошечную паузу и продолжала: — даже если ты ничего не вспомнишь. Просто по моей просьбе Бен Ата вызвал тебя, чтобы нам поговорить. Тебе на самом деле нечего беспокоиться… — Тут Эл-Ит сделала еще одну паузу и подождала, пока Дабиб, в свою очередь, чуть заметно кивнет. — Это всего лишь моя прихоть. Каприз! — И она притворилась женщиной, подверженной капризам и привыкшей к их мгновенному исполнению, — эдакой пустышкой, вечно довольной собой.

— Понятно, госпожа.

— Мне бы хотелось, чтобы ты обращалась ко мне по имени.

— Его трудно запомнить. — Тон Дабиб был извиняющимся, буквально мольба.

— У нас есть всякие песни, вот, например, да-

веча мы слушали песни в исполнении детей, и вдруг поняли, что частично их подзабыли. Иной раз в текст вносят изменения, — ну, что-то в этом роде. Может быть, у вас тоже так бывает?

— Вполне возможно.

— Как раз я слышала здесь одну песню, в прошлый приезд. Мотив был примерно такой… — И Эл-Ит выстукала пальцами на крышке стола ритм.

Дабиб уловила мотив и кивнула.

— Это случайно не женская песня?

— Ее все поют, госпожа.

— Может быть, на этот мотив в разные времена сочиняли разный текст? — небрежно предположила Эл-Ит.

— Да, по-моему, иногда у нас такое бывало, — подтвердила Дабиб.

И все это время Бен Ата был бдителен, как никогда в жизни.

Он прекрасно отдавал себе отчет, что эта встреча двух женщин проходит на том уровне взаимопонимания, который ему на данный момент не доступен. Он был намерен понять. Но самым сильным его ощущением было сомнение, ум его метался между логикой и интуицией. И главным было ощущение того, что его исключили,

бросили, — Бен Ата чувствовал себя маленьким ребенком, перед носом которого захлопнули дверь.

— В этой песне что-нибудь говорится о горнем свете? — поинтересовалась Эл-Ит.

— О горнем свете? Не уверена. Такого варианта я вроде бы не слышала.

Но глазами она говорила «да», глаза просили и молили Эл-Ит не предавать ее. Эл-Ит поняла, что ее впечатление о здешних женщинах не просто было правильным, — она их недооценила. Она догадалась, что здесь существует что-то вроде подпольного движения.

— Спеть вам одну версию? — предложила Дабиб. — Она очень популярна.

— Да, хотелось бы послушать.

— Это очень старая песня, госпожа. — Дабиб откашлялась и встала позади стула, держась за него одной рукой. У нее оказался чистый сильный голос, и, очевидно, она любила петь.

Я прекрасней всех на свете,
Заманю любого в сети!
Хоть солдат, хоть генерал,
Только взглянет — и пропал!

Теперь до женщин донеслось сердитое пыхте-

ние Бен Ата.

Они не смотрели на него: обе знали, что правителя Зоны Четыре охватил пароксизм ревности. Все теперь стало совершенно ясно для Эл-Ит. Она удивлялась своей бестактности и одновременно обрадовалась, как всегда, тому как события планомерно разворачивались одно за другим, попеременно освещая все грани истины, давая возможность перспективы.

Эл-Ит поняла, что Бен Ата собирался поиметь эту женщину, а та не хотела, чтобы ее имели. Она знала, что ум Бен Ата воспламенен ревностью и подозрениями. Оставалось только одно — ждать, как развернутся события, ждать и наблюдать.

А Дабиб все пела:

Даже тем, кто очень ловок,
Не понять моих уловок,
Мигом голову вскружу,
Никого не пощажу!
Станешь, милый, ревновать,
Станешь руки целовать,
О свиданье умолять,
Мне все деньги отдавать!

Ее сильный голос умолк, наступила глубокая

тишина, в которой слышался шум затихающего дождя.

— Мы ее поем на женских фестивалях — знаете, когда все женщины собираются вместе.

Заметив, что Эл-Ит удовлетворенно улыбается, Дабиб, очевидно, осмелела и была довольна собой, — даже, поглядывая на Бен Ата, позволила себе полушутливо вздрогнуть, заметив гнев на его лице.

— Есть и другая версия, но она, конечно, не годится для ваших ушей, госпожа.

— Пусть тебя это не волнует, — прервал ее Бен Ата. — Не зацикливайся на этой мысли. Знала бы ты, что они себе там позволяют, в своей зоне…

Дабиб подмигнула Эл-Ит, потом сама покраснела от своей дерзости и начала петь:

Эй, эй, муженек!

Приходи ко мне под бок…

— Нет, эту не надо, — вмешался Бен Ата. На его лице теперь было написано надменное спокойствие высокоморального человека.

— Может быть, госпожа Эл-Ит хочет узнать нас со всех сторон, а не только лучшей. — Дабиб говорила материнским успокаивающим тоном.

Бен Ата не настаивал, просто начал с недоволь-

ным сопением прохаживаться, а она вернулась к первому куплету:

Эй, эй, муженек!
Приходи ко мне под бок!
Ну-ка, сделай-ка толчок…

Тут Дабиб прервала пение и быстро побарабанила пальцами по краю стола.

Наступила весна,
Почва ждет семена,
И греха в том нету никакого…

И снова побарабанила.

По обычаю отцов
Наполни чашу до краев,
А теперь еще разочек снова…

И опять пальцы стучат по краю стола.

Эх, эх муженек!
Повтори еще разок!

Побарабанив, Дабиб снова подмигнула Эл-Ит, а потом, расхрабрившись, и Бен Ата, который не смог удержаться от краткой одобрительной улыбки.

Ах, скажите, неужели
Спать в холодной мне постели?
Раз, два, три, четыре, пять,
Нет, такому не бывать!

И она снова с улыбкой побарабанила, после чего с вызовом закончила:

Уж я знаю, уж я знаю,
Как мужчину ублажать,
Кто любил меня однажды,
Тот придет ко мне опять!

Последовала долгая непрерывная дробь, напоминавшая барабанную, и белые зубы Дабиб блеснули в улыбке.

— Хорошенькое же мнение вы составите о нас, госпожа.

Бен Ата улыбался, стоя со сложенными руками, твердо расставив ноги. Искра пробежала между ним и Дабиб после исполнения этой песни, и она смотрела на короля уверенно, призывно.

Эл-Ит с любопытством наблюдала за ними. Пожалуй, с таким же интересом она бы следила за спариванием лошадей.

— А вот у нас есть одна песня… — небрежно бросила она, и напряжение разрядилось: Дабиб

переключила свое внимание на Эл-Ит.

А та в эту минуту думала, что ее ложь была бы невозможна в Зоне Три. Там вообще нет необходимости лгать.

Только что она произнесла: «А вот у нас есть одна песня…», а у них вовсе и нет ничего подобного, и слышала она ее совсем в ином месте.

Как нам оказаться в том месте,

Где все горним пропитано светом?..

— О, нет, — прервала ее Дабиб, — у нас нет ничего подобного. Мы не задаемся такими вопросами. — Она явно испугалась.

— Как ты думаешь, можно провести тут песенный фестиваль? — спросила Эл-Ит.

— Какая прекрасная мысль. Правда, здорово придумано, — с энтузиазмом высказалась Дабиб и бросила умоляющий взгляд на собеседницу.

— Пожалуй, мы обсудим этот вопрос с Бен Ата. — И тут же, не откладывая в долгий ящик, Эл-Ит обратилась к нему: — Дабиб по доброте душевной согласилась одолжить мне одно свое платье. Я хотела бы тоже сделать ей ответный подарок.

— Но у нее куча нарядов. Ей передали все, которые не устроили тебя. Что ты с ними сделала,

Дабиб? Продала из-под полы?

— Да, господин, некоторые продала. Мне подошли не все. — И обратилась к Эл-Ит: — Я была бы вам так благодарна. Если бы могли мы — я хочу сказать, я — получить одно из ваших платьев…

— Пойдем со мной. — Эл-Ит развернулась и направилась в свои покои.

— Госпожа, а нельзя мне взять то, которое сейчас на вас? Я никогда ничего подобного не видела…

Обе скрылись в покоях Эл-Ит, а Бен Ата наклонился, приник ухом к двери и стал подслушивать. Разговор и впрямь шел о нарядах. Эл-Ит снимала с себя платье, а Дабиб восторженно восклицала:

— Ах, для меня оно слишком утонченно, ах, какая красота, ах, ах, просто чудо…

— Когда ты шьешь себе платье для будней, ты всегда выкраиваешь еще одно — для праздников?

Дабиб некоторое время помолчала.

— Почти всегда, Эл-Ит.

— Приятно, наверное, надев будничное платье, вспоминать, что у тебя есть еще одно, для праздника.

— Да, приятно. Но, конечно, у нас праздников не так много. Мы бедная страна.

«Ах, вот как, значит, бедная», — думал Бен Ата. Он мигом вернулся за столик, заняв то кресло, в котором сидела Дабиб. Стал пальцем отбивать ритм на столе. Его не одурачишь. Он не знал, что происходит, но интуитивно чувствовал — что-то тут не так. Все это он выведает у Дабиб. Если до тех пор не выпытает у Эл-Ит.

Когда женщины вернулись в комнату, Бен Ата сидел и улыбался, демонстрируя свой добрый нрав.

При их виде он онемел от восторга. Смуглую энергичную красоту Дабиб хорошо подчеркивало золотистое шелковое платье Эл-Ит, которое та только что сняла. На Эл-Ит был ярко-желтый наряд, который, казалось, впитал весь свет этой большой мягко освещенной комнаты, — и теперь излучал его. Ее распущенные черные волосы блестели, глаза сияли, она была полна озорства и веселья. Бен Ата мысленно невольно подумал: «Эх, вот бы поиметь их обеих сразу», — сказались недавние уроки Элис. Он вспомнил, с каким презрением Эл-Ит восприняла слово *поиметь.* Бен Ата исподлобья смотрел на обеих — и в голове его вдруг началась мучительная борьба мыслей. Мгновенно, как будто его озарила вспышка, король Зоны Четыре понял, почему Эл-Ит презирает его

язык. Но это понимание длилось недолго. Угрюмо и подозрительно он смотрел, как Эл-Ит провожает Дабиб до арки, как та плотно укутывается в старый темный плащ, а потом, улыбнувшись ему и обменявшись каким-то жирным быстрым взглядом с Эл-Ит, убегает, исчезая за серой пеленой дождя.

Эл-Ит с улыбкой провожала ее взглядом. Обернулась к нему с той же улыбкой. В своем солнечном желтом платье она была лучше, чем он заслуживал, как показалось ему в эту минуту. Бен Ата внезапно увидел, какое она быстрое, летучее, как пламя, существо, и понял, насколько сам он ее подавляет и гасит. Проклятая ревность!

Жена стояла перед ним с зазывной улыбкой, невероятно соблазнительная. Он неуклюже и тяжело поднялся и кинулся на нее. Она ускользнула, но не из кокетства, а и впрямь испугавшись.

— Нет, нет, Бен Ата, не испорти момента…

Она старалась, чтобы их близость произошла легко и весело, как было совсем недавно, в те часы, которые, как теперь казалось Бен Ата, настолько превосходили все, что было в его жизни, все его мысли и поступки, что ему даже не верилось, что такое было, так же, как и в то, что королю Зоны Четыре доступно поднять взгляд

на огромные горы, закрывавшие весь западный горизонт. Он обхватил Эл-Ит, но она его чуточку придержала.

— Подожди, постой, Бен Ата. Хочешь, сделаем так, как было тогда?

Еще бы он не хотел, очень хотел, отчаянно хотел, он был весь воспламенен ожиданием именно того и ничего другого, — но не мог удержать ни себя, ни ее, — именно в этот момент ему приспичило схватить жену и стереть ее в порошок, и это желание погасило всякую возможность ласки, игривости, медленного нарастания желания соития. Он ее *поимел.* Эл-Ит приняла его, но ушел ее внутренний свет. Для него это ощущение не было внове, после Элис, но в течение всего соития он не мог забыть того, прошлого раза, и сейчас делал свое дело упрямо и настырно, потому что, попросту говоря, тот, прошлый раз ушел, до него было далеко. Сегодня Эл-Ит не плакала, не позволила стереть себя в порошок. Она отдала столько же, сколько получила, и произнесла слова, тщательно выбранные из многих, и сказала их ему с безразличной улыбкой, даже с презрением.

Часы их ожесточенного соития закончились внешним проявлением взаимного неудовольствия, в душе же каждый был просто удручен.

Когда оба поднялись, отправились принять ванну, одеться, привести себя в порядок, очаровательная, полная воздуха комната, казалось, потеряла свой блеск и барабан прекратил бить.

На этот раз все было продумано и целесообразно. Эл-Ит завернулась в плащ, она не забыла свой щит, она вышла в сад из двери напротив той, через которую в дождь выбежала Дабиб. Холодные струи фонтанов били в низкое холодное небо.

Бен Ата шел за ней, тоже завернувшись в плащ, подготовившись. На ее зов вверх по холму легким аллюром примчались оба коня, белый и черный. Они уселись верхом и спокойно поскакали с холма на дорогу, ведущую на запад. По пути до границы они говорили о том, что видели вокруг, — о видах на урожай, о каналах и полях.

Это было вполне в рамках разумного супружества. Но в душе Эл-Ит была так далека от Бен Ата, что он не мог рассчитывать получить от нее ни грамма истинного признания. Ему было ясно, что ей не нужно от него ничего, — только избавиться. И прекрасно отдавал себе отчет, что винить должен только себя.

Достигнув границы, оба осадили коней, и Эл-Ит уже была готова рвануть вперед, в солнечное пространство своих степей у подножия гор, когда

муж хрипло обратился к ней:

— Эл-Ит, постой.

Она обернулась, взглянула на него с холодной насмешкой.

— Ну что, сейчас поедешь прямо к Кунзору? — в ярости заорал он.

— И к остальным, — спокойно отозвалась она и пришпорила коня.

Бен Ата проворчал себе под нос, что немедленно вызовет Дабиб, но на самом деле знал, что не станет этого делать. Он стал думать. Он осознавал, что хотя в нем бушуют ревность, обида, подозрительность, которые буквально его отравляют, однако настало время понять и кое-что другое. И он решительно вознамерился это другое понять.

Те, кто видел Бен Ата на обратном пути, рассказывали, что их король выглядит удрученным. Это чужеземка во всем виновата! — считали они.

Как и в прошлый раз, оба — Эл-Ит и Бен Ата, расставшись и направившись в свои зоны, чувствовали, что расставание не сняло с них груза взаимных чувств, на что они надеялись. Наоборот, стало только хуже. Когда они были вместе, то вызывали друг в друге ненужные им ощущения, когда же были врозь, мысли о партнере причиняли обоим страдания. Бен Ата казалось, что он

несет на себе проклятие демона, который мешает ему вести себя с Эл-Ит так, чтобы обрести невероятное счастье. Эл-Ит ощущала свою болезненную связь с мужем — она обдумывала это слово, вертела его так и эдак, как будто оно было новым звеном в сложном узоре или новым металлом, изготовленным в мастерских северных регионов, где находились шахты. Бен Ата обременял ее, как излишний груз на боку или, точнее сказать, в чреве, но ребенок пока что представлял собой всего лишь крупинку или комочек новой плоти, так что вряд ли именно беременность невероятной тяжестью лежала у нее на душе. Двигаясь вперед, Эл-Ит мысленно была с Бен Ата, который сейчас скачет среди низких болотистых полей… Она не спросила его об одном… не выяснила другое… если бы она поступила не так, а эдак… теперь, когда между ними было уже большое расстояние, Эл-Ит искренне не верилось, что она поступила так, как ей помнилось. Тогда, после уединения с Дабиб, она вернулась в большой светлый зал с высоким потолком, чувствуя себя энергичной, сильной, живой и уверенной в себе, и сразу заметила, как далек от нее угрюмый Бен Ата. Желтое платье украшало ее, делая ее счастливой. И чем все закончилось? Пыткой, которую Бен Ата назы-

вает любовью.

А теперь, скача по степи, где по обе стороны дороги блестели травы, а небо над головой отливало мягкой голубизной, Эл-Ит вдруг почувствовала, что эта страна ей чужая или она чужая в этой стране. От неожиданности она слезла с коня и постояла, обхватив его голову, прижавшись к нему щекой, шепча:

— Йори, Йори, что нам делать? — Но ей показалось, что она раздражает даже этого дорогого друга, своего доброго коня.

Она пошла пешком вперед по мягкой дорожной пыли, конь следом за ней. Это ее дом, ее земля, она — ее сердце и душа, — и все же Эл-Ит ощущала себя тут бестелесной тенью.

Дойдя до перекрестка, она свернула на север, все еще пешком, причем шла медленно, как бывает, когда не спешишь к месту назначения. Эл-Ит шла весь день, а конь следовал за ней, иногда прикасался к ее щеке мордой, как бы задавая вопрос. Но она не хотела ехать верхом. Ей все казалось, что если она будет идти пешком, нога за ногу, по этой своей родной земле, тогда, возможно, появится *желание,* чтобы земля, эта страна приняла ее назад, к себе…

Ближе к вечеру Эл-Ит встретился всадник, —

приблизившись, он оказался Кунзором. Он спрыгнул на землю, взял королеву за руки, заглянул в лицо.

Их кони стояли нос к носу, обмениваясь новостями.

— Я почувствовал, что у тебя возникли проблемы, Эл-Ит.

— Да, это правда, вот только мне никак не разобраться, в чем именно они состоят.

Оба сошли с дороги и, поискав, нашли ручеек, бегущий среди низкого кустарника, уселись на берегу рука об руку.

Всеми силами Эл-Ит пыталась настроиться на Кунзора, ощутить его, вспомнить, каков он… сама в некотором смятении, словно со стороны наблюдала за своими потугами. Потому что обычно у нее бывало совсем не так. Встречая кого-то, но особенно тех, кто был ей раньше близок, хоть мужчину, хоть женщину, любого, кто произвел на нее впечатление, сильное, недвусмысленное и безошибочно узнаваемое… Эл-Ит всегда доверяла своему чутью. Сама личность Кунзора, его индивидуальность и уникальность, имели особенный оттенок, который она никогда бы не спутала ни с кем другим. Королева интуитивно чувствовала сильного, мужественного, сдержанного муж-

чину. Он был резким и энергичным, как ветры, дующие со снежных вершин в определенное время года перед самым снегопадом.

До сих пор Эл-Ит никогда не приходилось задумываться об этом, прилагать усилия, добиваться — и терпеть неудачу. Но сейчас она не могла настроиться на внутреннюю связь с Кунзором и стала его внимательно рассматривать, как будто эта внешняя оценка могла бы заменить то прежнее тяготение.

Из всех мужчин, с которыми она *была,* Кунзор был ей ближе всех. В том числе и внешне. У него было такое же телосложение, как у нее, он был легкий и стройный, быстрый и гибкий. Глаза, как и у Эл-Ит, были темные, серьезные, задумчивые. Когда они были вместе, каждый всегда легко читал мысли другого. Их обоюдные чувства передавались всегда касанием рук, как будто они обменивались кровью. Оба могли оставаться вместе днями, неделями, и им не требовалось разговоров. А сейчас даже журчание ручья, казалось, мешало их совместному пребыванию, и когда Эл-Ит заплакала, он просто кивнул.

— Ты изменилась, — отметил Кунзор. — Ты меня не слышишь. А я слышу только одно — что ты встревожена и опечалена.

— Самое плохое — что я не хочу возвращаться в свой дом, в свою страну. *Как будто оно не мое.* Я кажусь тебе чужестранкой, а, Кунзор?

— Да. Такое впечатление, что от тебя, Эл-Ит, осталась одна оболочка, но в ней новое содержание. Но я хотя бы могу разговаривать с тобой, и ты меня понимаешь.

— Не всегда. Твой голос то приближается, то отдаляется, иногда я чувствую его всем своим существом, иногда ощущаю все твои мысли в себе, вновь становлюсь сама собой. А потом смотрю на тебя — и ты где-то там, вне меня.

— Но сейчас ты как вместилище ребенка *оттуда,* — Кунзор говорил тихо, обиженным голосом.

— Да. Когда он родится, тогда меня отпустят. Как ты думаешь?

— Ты не можешь вынашивать душу родом из страны, такой далекой от нас, и быть свободной от нее, Эл-Ит.

— Что же мне теперь делать?

— Да ничего ты не можешь сделать, Эл-Ит, и сама это знаешь.

Вскоре цвет неба изменился — оно приобрело оттенок светлого винограда, и от восточного ветра зашелестели травы. Оба коня осторожно подобрались к ручью и устроились на отдых. А

женщина и мужчина все сидели рядом, держась за руки, в глубокой задумчивости, помогая друг другу перенести душевное волнение.

На картинах их всегда изображают сидящими рядом, но не дотрагивающимися друг до друга: Эл-Ит опустила голову, она в печали, Кунзор смотрит на нее с братским сочувствием. И, по моему разумению, так оно и было. Королева чувствовала свою отчужденность от него, и поэтому этот мужчина, ее неотторжимая часть с тех пор, как она себя помнила, ведь они были знакомы с детства, — считал, что она, только что вырвавшись из мрачной тени Зоны Четыре, — именно это он ощущал, сидя рядом с ней, — не может принять от него ничего, кроме сочувствия, он мог только разделить с ней ее горе. И вот Кунзор просидел рядом с Эл-Ит, держа ее за руку всю эту долгую ночь, пытался ободрить ее, когда она рыдала.

Когда небо снова посветлело и обжигающий ветер наконец улегся, Эл-Ит встала, стряхнула принесенные ветром семена трав и пыль со своего желтого, как солнце, платья, составлявшего резкий контраст с ее изнуренным лицом, и поблагодарила верного друга за то, что прискакал ее встретить.

Но, хотела она того или нет, ей надо было под-

няться на плато.

Они расстались, Эл-Ит вернулась на дорогу, которая вела на запад. Ее конь радостно понес всадницу, побежал трусцой шустро и энергично, но женщина знала, что Йори чувствует ее настроение по тому, как она сжимает коленями его бока, и пыталась не испортить его радости, заставляла себя развеселиться.

Когда они взобрались по длинному ущелью на плато, Эл-Ит еще надеялась, что в этом районе страна все же снова признает ее. Но, увы, здесь этого не произошло. Тогда она решила, что это произойдет, когда она встретит кого-то из жителей: королеву узнают и поприветствуют. И вот появилась группа молодых людей на обочине дороги, они шли вверх, в город на холме. Эл-Ит замедлила ход, чтобы ее увидели и окликнули, как бывало всегда, но они ее, казалось, попросту не заметили. Юноши шли ей навстречу. Эл-Ит подождала, пока поравняется с ними, но они смотрели куда угодно, только не на нее, и по-прежнему смеялись и разговаривали. Королева окликнула их:

— Привет! Как у вас дела?

И услышала в ответ:

— Привет! Спасибо, ничего, и у вас, надеемся,

тоже…

Эл-Ит поняла, что ее не узнали. Такого никогда не бывало до сих пор, и в глубокой задумчивости, теперь охватившей ее, королева и не заметила, как доехала до Андаруна. Она смутно замечала, что мимо проходят люди и не узнают ее, что конь замедлил ход, погрустнел — ему передалось настроение всадницы. И в свою столицу Эл-Ит въехала медленно, как будто опасалась встретить плохой прием или даже подвергнуться наказанию. У нее самой не было ощущения, что она — часть своего любимого королевства, бедняга чувствовала себя камнем на спине коня, мешком, грузом неудач, абсолютно чуждым элементом среди очарования улиц, дорог и садов Зоны Три. Ее страна не признавала свою королеву. Эл-Ит несла в себе нечто чужеродное — даже враждебное, но как так вышло — этого она не понимала! И при мысли, что ведь надо сперва отвести в стойло верного Йори, который теперь казался ей единственным другом, а затем вскарабкаться по широким ступеням и увидеться с сестрой, потом с детьми, которым она обычно уделяла много времени, когда не ездила по стране, Эл-Ит испугалась, что у нее не хватит сил пройти через все это. Она чувствовала себя самозванкой. А с Бен

Ата она ощущала тяжелую и прочную связь, по которой к ней текли его мысли, вибрировавшие и звеневшие. Он ждал ее возвращения, и в то же время тосковал от беспомощности и отчаяния, зная, что жена точно вернется. Он был не со своими солдатами, а находился в ее комнатах, в павильоне. Сидел там один в глубоком раздумье. Или ходил из угла в угол. Бен Ата старался разуметь, осознать то, что надо было понять им обоим. И Эл-Ит должна быть рядом с ним. Но барабан молчал. Она это знала. Она слышала мягкий плеск воды в фонтанах. Она слышала крики и звон оружия — это шли воинские учения на равнине. Но барабан молчал. Хотя Бен Ата прислушивался и мечтал снова услышать его бой, как и она сама. И одновременно боялась его услышать.

Сама природа Зоны Четыре состояла в конфликтах, битвах и постоянном ведении войн. Во всех аспектах существования — сплошь напряжение и борьба; так что каждое чувство, каждая мысль в этой зоне несли в себе свою противоположность.

Когда Эл-Ит доехала до дворца, располагавшегося на центральной площади Зоны Три, она спешилась и, как всегда, посмотрела, кто же ждет ее на широких белокаменных ступенях. Но

никто не ждал королеву. Она прошла к деревьям, где слуги всегда готовы принять коней от тех, кто прибыл из дальних регионов, и один из них взял у нее поводья Йори, но не приветствовал ее, как раньше, не узнав Эл-Ит. Он был вежлив, но абсолютно формально. Королева вернулась к ступеням, медленно поднялась, чувствуя, как юбка ее желтого платья бьет по щиколоткам. Не было еще такого, чтобы она поднималась ко входу во дворец и люди бы не бежали со всех сторон ей навстречу, — и из здания, и из парка позади него, и с других концов площади. И всегда с криком: «Эл-Ит, Эл-Ит приехала!» В глубокой тишине, казавшейся еще глубже от доносящегося с деревьев довольного воркования голубей, Эл-Ит поднялась по ступеням в помещения первого этажа, быстро прошла через них, — посмотрела, кто там работает, что происходит: ее сестра вела заседание Совета, с ней было человек двадцать. Никто не поднял глаз, когда Эл-Ит встала в дверном пролете, они обсуждали таинственное заболевание, постигшее скот в западных регионах, — итак, ситуация не улучшилась, пока не улучшилась. Хотя, конечно, все шло к тому. Сестра сидела спиной к Эл-Ит, но до сих пор это не мешало ей ощутить присутствие королевы и обернуться

поприветствовать ее. Молодая девица, которую Эл-Ит хорошо знала, одна из тех сирот, которых она удочерила, наконец подняла глаза и увидела ее, но моментально отвела взгляд, как если бы ее тут вовсе не было.

Так что королева ушла, поднялась в свои апартаменты. Они были ярко освещены закатным солнцем, и Эл-Ит села у окна, купаясь в насыщенном желтом свете, но чувствовала себя только тенью, привидением. Эти комнаты, такие простые, светлые, приятные, которые она обставляла по своему вкусу — вещами, привлекшими ее формой или цветом, она всегда считала отражением своей сущности, в них ее личность раскрывалась и проявлялась с улыбками радости… но теперь сама утонченность обстановки, изящество мебели и безделушек отказывались принять хозяйку: она стала чужой и не соответствовала этому интерьеру. Вполне вероятно, ей вообще не следовало приходить сюда.

Эл-Ит поднялась на многоуровневые крыши дворца, погуляла там, полюбовалась, как в лучах закатного солнца вспыхивают отроги гор. Под ней лежала вся ее столица, где ей были знакомы каждая улица и каждый парк. Не было тут дома, площади, общественного здания, которых бы она

не знала, — часто королеве были известны даже интерьеры во всех подробностях благодаря дружбе с обитателями, не говоря уж о фасадах, крышах, расположении окон, — так уж была устроена ее память. Но теперь Эл-Ит тут не приветствовали.

Она решила, что над крышами, на колокольне могла бы достичь той своей внутренней высоты, с которой так низко пала, и стала карабкаться все выше и выше по винтовой лестнице, встала на головокружительной высоте, на уровне гор и облаков и снежных шапок гор, где птицы пролетали совсем рядом, смотрела вверх в сторону просвета между гор, за которым ждали синие пространства, но при этом бормотала: «Далеко… Слишком далеко…». Эл-Ит не верилось, что совсем недавно она стояла тут, охваченная ощущением, что стоит только втянуться в эту лазурь — и она перейдет во что-то, доселе ей неизвестное и невообразимое, чувствовала даже, что ей стоит лишь ступить с башни — и она побежит по сверкающим небесам, легче воздуха, и исчезнет в синеве, как исчезают облака под жарким солнцем. Теперь она несла тяжкое бремя и чувствовала себя загрязненной, она понимала, что не должна стоять тут, здесь не место для нее.

Быстро спустилась в свои комнаты, а там встре-

тила сестру. Мурти удивилась. Она вовсе не ждала Эл-Ит. Обе были удивлены и огорчены. Раньше сестры всегда были в курсе того, что делает другая и где она в данный момент времени, даже если они находились в разных концах страны.

Эл-Ит села у окна, Мурти тоже села, но не рядом. Они внимательно оглядели друг друга, но с досадой, как чужие. До сих пор Мурти воспринимала сестру как бесплотное существо, воплощение огня и блеска, как фонтан, обновляющийся каждую минуту втекающими в него ручьями, теперь же это состояние было совершенно недоступным для Эл-Ит, и Мурти казалось, что из души сестры как будто ушел свет.

— Дети обо мне спрашивали? — робко поинтересовалась Эл-Ит умоляющим тоном.

И Мурти, вздрогнув от этого нового для нее просительного тона, с трудом вымолвила:

— Нет.

— Они не скучают по мне?

— О тебе говорят, как об умершей, Эл-Ит. — И Мурти наклонилась вперед и взяла сестру за руку, по старой привычке, чтобы снова ощутить ток, который всегда протекал между ними. И медленно выпустила ее руку, вздохнув.

— Скажешь им, что я не умерла, но скоро вер-

нусь?

Через некоторое время живые добрые глаза Мурти опустились под взглядом Эл-Ит, и она ответила:

— Все теперь по-другому. Не знаю, почему. *Эл-Ит, нам тебя трудно вспоминать.* Тебе это понятно?

Острая тоска заставила Эл-Ит сдержать боль, и она не заплакала. Укротила тоску, чувство, которое было так непривычно в ее милой стране, где боль и страдания считались признаком болезни, и к ним относились с терпением, сочувствием, но решительно, не давая этим чужеродным эмоциям заразить окружающих.

Эл-Ит встала. Ярко пылавшее солнце заходило, улицы и переулки окутала тень, освещены были лишь вершины гор. Сюда, наверх, с улицы доносились крики, голоса: там, внизу — тепло, жизнь, энергия.

Эл-Ит прижала обе руки к животу, как бы стараясь их прикосновением не запачкать окружающих.

— Стало ли лучше у нас в стране? Животные все еще печальны? Они до сих пор тоскуют в одиночестве?

— Тоскуют ли они в одиночестве, ты спраши-

ваешь, Эл-Ит? — Сестры стояли рядом, но не так, как бывало прежде, когда они брались за руки и иногда прижимались друг к другу щеками, так что каждая чувствовала биение ритма жизни в другой, как в себе самой. Сейчас они стояли рядом, но не прикасались друг к другу, и глаза их говорили, но сдержанно.

— Да, они печальны и томятся в одиночестве, — шептала Эл-Ит. Обе говорили шепотом, хотя были здесь вдвоем, и их никто не мог услышать. — Кобыла в стаде жеребцов чувствует свое одиночество, но не понимает, в чем тут дело, так и будет стоять дрожа, надеясь услышать доброе слово или голос, но слышит только тишину. Жеребец будет мотаться по степи из конца в конец, гонимый пустотой. Целое стадо рогатого скота одновременно поднимет головы и прокричит о своем страдании…

— Все это я слышала, Эл-Ит, слышала от них, — шепотом призналась Мурти.

— А потом вдруг с холма побежит отара в тысячу овец, а за ними пастухи, крича и успокаивая своих подопечных. Наши животные чувствуют какую-то ужасную потерю, Мурти… но становится ли им лучше, избавляем ли мы их от боли?

Мурти покачала головой и вдохнула:

— Не думаю.

— У нас по-прежнему нет надежды? Дети больше не рождаются?

— Все так, как было. Эл-Ит, прошло еще очень мало времени с тех пор, как тебя в первый раз отправили в другую зону. Тебе кажется, что это было давно?

— Очень давно! О, как много времени прошло. — И слезы потоком хлынули из глаз Эл-Ит.

— По-твоему, слезы и печаль — это нормально для нашей зоны? — зло спросила Мурти.

— Нет, конечно, ты права, сестра.

— Разумеется, если сейчас твой долг — поехать туда, в чужую страну, познать слезы и печаль и…

— *Ты не знаешь ничего, Мурти!* Ты и представить себе этого не можешь!

— Не могу. Но ведь не мне приказали вступить в этот брак, Эл-Ит! Я уверена, что ты выполняешь свой долг, очень высокий, куда уж остальным до такой утонченности. Но нас-то зачем отравлять своей печалью?

Мурти говорила жестко и злобно, даже яростно. Эл-Ит поняла, что ее прекрасная сестра, ее второе «я», была так же тверда в защите интересов государства, как и она сама была всегда. И сейчас

именно Мурти воплощала и заключала в себе эту страну, это государство.

Эл-Ит прошептала:

— Наши животные были в печали в беспокойстве еще до того, как я отправилась в Зону Четыре.

— Это верно. Но теперь ты вернулась оттуда, как будто окутанная черным облаком. Видела бы ты его, сестра моя! Нет. Ты не должна возвращаться до тех пор, пока…

— Пока что? Я не *своей* воле подчиняюсь, а Их.

— Против этого я не спорю, — кивнула Мурти. — Но могу сказать тебе, что ты несешь с собой заразу. Ты не виновата. Ты ни в чем не виновата, Эл-Ит. При чем тут ты? Но тебе поручено сыграть роль. Ради всех нас.

Эл-Ит согласно кивнула. Не глядя больше на сестру, она открыла дверцы шкафа, начала запихивать в седельные сумки предметы первой необходимости и множество разных нарядов.

— А что вы делаете для организации фестиваля песен и сказаний?

— Он так важен?

Эл-Ит быстро обернулась и выразительно посмотрела на сестру:

— Еще бы, это очень важно. Очень.

— Тогда я этим займусь. А какую роль играет этот фестиваль, ты знаешь?

— Тебе придется разобраться самой, — Эл-Ит сказала это с той же униженной просящей интонацией, которая чуть раньше огорчила сестру. — В старинных текстах заложено что-то, и надо это уловить. Мурти, я это знаю, я знаю это точно… — И подошла совсем близко к сестре, забыв, что между ними теперь дистанция. Но в помещении уже стало темно. За высоким окном чернела очень темная ночь, на небе появились звезды.

Мурти отступила на шаг, подальше от этого заразного существа. И встала неподвижно.

— Ну, и в чем там дело?

— Что-то мы с тобой должны были сделать. Но не сделали.

Теперь сестры едва различали лица друг друга. И наклонились поближе, чтобы лучше видеть.

— А что именно, не знаешь?

— Предполагаю. Это как-то связано с той синей страной за горными цепями на северо-западе. Но *что,* Мурти? Что же? В этом вся соль. *Но мы обязательно должны выяснить, в чем наше предназначение.*

Сказав это, Эл-Ит развернулась и выбежала из

комнаты, понеслась вниз по лестнице на первый этаж, проскочила через Зал Заседаний и еще дальше, пока не добежала до широких белых ступеней, пролетела по ним, оказавшись уже на площади, завернула за угол здания, в переулок, оттуда в конюшни, где отыскала своего коня. Вскочила на его спину и поскакала через город, всю ночь скакала и к восходу оказалась на вершине перевала, потом дальше — через степь и к вечеру оказалась на границе. Но барабан не бил. Это она знала. Так что Эл-Ит спешилась, отыскала ручей и пастбище для своего Йори и просидела там в одиночестве всю ночь, наблюдая за движением звезд. Ей не было въезда в Зону Четыре: еще не пришло время. А своей стране она оказалась не нужна.

Вот так наша королева, Эл-Ит, странствовала между зонами, не узнаваемая никем, не зная, ни что от нее требуется, ни какое ее ждет будущее, голодная, замерзшая, в полном одиночестве, с ней был только ее верный конь. Йори прилег на лужайке, и Эл-Ит свернулась возле его теплого бока калачиком и ждала восхода солнца.

Она напевала про себя:

О, печаль, скажи, каково твое имя?

Если б я это знала,
Я бы тебя напитала,
И ты бы уснула, забыв о людях…
О, горе, скажи мне, взялось ты откуда?
Знаю, плохо вдали от земли родной,
Хочешь, тебя отведем мы домой?
И ты навеки о нас позабудешь…

Эл-Ит проснулась рано, с восходом солнца, и так и лежала, свернувшись клубочком в траве на берегу реки, словно зайчонок, брошенный матерью, а ее конь пасся поблизости. Она натрясла мелких семян из головок трав и съела их на завтрак, напилась воды из ручья и села, рассматривая горы своего королевства. Эл-Ит мечтала объехать страну вдоль и поперек, осмотреть запад и восток, север и юг, где растут виноградники и оливковые рощи, чтобы затем вернуться сюда, где она находится сейчас. Как разнообразна, богата и удивительна эта ее страна, из которой она сейчас изгнана, где она не нужна в данный момент. И королеве остается только бродить по ней и напряженно думать. Она, Эл-Ит, прекрасная королева-изгнанница, никому не нужная, сидела у реки, пытаясь вспомнить, как долго она наслаждалась всеми этими благами. Но не могла.

Весь день Эл-Ит ждала, лицо запрокинув вверх, глядя на высокие горные пики, а ночью ее конь улегся снова, и она рядом с ним, укрывшись за крупом Йори от секущего ветра, который с закатом поднялся из восточных низин. Она слушала сильное биение его сердца и представляла себе, что это бой барабана доносится из павильонов Бен Ата. Но этого звука Эл-Ит не слышала. А сам Бен Ата в одиночестве бродил по пустому павильону и по парку вокруг фонтанов, ожидая, как и она, когда забьет барабан.

Но барабан молчал.

Шли дни.

В светлое время дня Эл-Ит бродила возле ручья, следила, как птицы плещутся и скользят по поверхности воды, или сидела, уставясь неподвижным взглядом на горы. Иногда в свете дня они казались могучими и кряжистыми, и ясно были очерчены все ущелья и каменистые утесы. Но временами, они словно бы парили, сияющие и призрачные, и их вершины и очертания сливались с синевой неба. Ночами Эл-Ит находила прибежище возле своего коня, но не спала, а пела жалобные песни изгнанницы и прислушивалась, не гремит ли барабан.

Но из павильонов Бен Ата все еще не доноси-

лось ни звука.

Теперь Эл-Ит потеряла ощущение времени, а оно все шло. Королева задумывалась, уж не ошиблась ли она. Возможно, ее пребывание в стране Бен Ата закончено, и она теперь обречена слоняться здесь до самой смерти. Но потом Эл-Ит вспоминала, что у них будет ребенок. А, может, она и тут ошиблась, потому что существо в утробе ничем не давало знать о себе. Ну ладно она сама, но ведь ребенок-то важен и необходим Надзирающим.

Или, возможно, это наказание, определенное свыше… Когда эта мысль все чаще стала приходить в голову Эл-Ит, она ее усиленно отгоняла, потому что помнила: в Зоне Три такие мысли считались признаком душевного заболевания или чудовищного самомнения.

Однако навязчивая вера в то, что она сама виновата роковым образом, все больше отягощала ее. В конце концов, такие мысли неправильны только в Зоне Три, но вполне допустимы в Зоне Четыре, — а по всему выходит, что она теперь приписана именно к Зоне Четыре! Если она вообще приписана к чему-то — но откуда ей знать? Если она, допустим, виновата, тогда в чем, и почему такое наказание сочли подходящим для нее?

Эти мысли — или то были эмоции? — накапливались у нее в голове, или, может, в сердце, которое постоянно пребывало в смятении и медленно закипало.

Иногда Эл-Ит подзывала Йори и стояла, обняв его за голову, глядя в его добрые и умные глаза.

— Йори, Йори, значит, я плохая? Ты не знаешь, что я такого ужасного сделала?

Но он выражал только любовь и доброту и вскоре, как принято у лошадей, опускал морду и щипал травку.

Ему было тут с ней одиноко. Однажды откуда-то из степи налетел табун диких лошадей с развевающимися гривами. Йори галопом умчался вслед за сородичами, стуча копытами так, что звенела земля. Весь долгий счастливый день Йори бегал наперегонки с ними, катался по земле среди пахнущих теплом трав и однажды умчался с новыми друзьями так далеко, что пропал из виду, так что Эл-Ит уже решила — не вернется совсем. Но он все же вернулся, один, в сумерках, и она увидела, что бедняга опечален и хотел бы остаться со своими единоплеменниками. Но Йори ткнулся своим мягким носом в ее шею в знак приветствия и терпеливо улегся, потому что с востока уже налетел ветер, и пришло время дать

хозяйке укрытие на ночь.

Шли дни.

Однажды вечером, когда уже стемнело, вдали, на другом берегу ручья, Эл-Ит увидела человека, и он показался ей похожим на Бен Ата. Она перешла ручей по камушкам, побежала вверх по берегу навстречу мужу, он был по ту сторону границы. Но остановилась — плотность воздуха не позволила ей бежать дальше, и поняла, что этот человек не мог быть Бен Ата — уж слишком худой, отчаявшийся, да и во внешности ничего флегматичного, быкообразного, характерного для короля этой болотистой зоны. Но ее так потянуло к нему, что Эл-Ит поняла — перед ней все же Бен Ата. Их разделяла невозможность встречи, они стояли и во все глаза смотрели друг на друга, потом она позвала:

— Бен Ата!

И он, выждав некоторое время, в ответ хрипло прокричал:

— Эл-Ит!

Они не узнали голосов друг друга, вспомнили только взаимное раздражение от своей первой встречи. Но все же не уходили от границы до наступления темноты, когда стали видны только тени.

Эл-Ит больше не окликала мужа, и он не звал ее, но позже выяснилось, что оба много часов простояли, вглядываясь во мрак. Когда резкий ветер стал невыносимым, она вернулась к своему ручью, под теплый бок коня. В ту ночь Эл-Ит почувствовала внизу живота слабое трепыхание, — значит, ребенок все-таки был. Она приложила руку, определяя место, приветствуя малыша и одновременно испытывая противоречивые чувства.

А Бен Ата раздирали не менее противоречивые желания с того самого момента, как они расстались на границе, — он не знал, хочет ли ее возвращения или нет, но как только увидел там, в полутьме, буквально тень женщины в пламенно-желтом платье, в душе его произошел какой-то переворот: король Зоны Четыре тут же поскакал назад в лагерь, по пути обогнув павильон, где провел все эти дни, так же мало, как и Эл-Ит, сознавая, сколько протекло времени, и снова почувствовал, что из-за нее лишился здравого смысла. Но, оказавшись опять в своем лагере, в своей палатке, с Джарнти и другими офицерами, которые тактично его приветствовали, Бен Ата почувствовал, что его охватило, совсем как в павильонах… *какое же именно чувство?* Ему не

спалось.

Дабиб, стиравшая белье в большом чане у задней двери своего домика, увидела, как Бен Ата перепрыгнул штакетник и большими шагами решительно направился к ней, как будто собирался перевернуть и ее, и чан с водой, и таз с мокрым отжатым бельем. Король остановился перед молодой женщиной и, взяв ее рукой за подбородок, заглянул в глаза, внимательно рассмотрел все лицо. При этом хмурился от напряжения, проводя какие-то свои сравнения. Дабиб это поняла, но не рассердилась. «Вот бедняга, несладко ему пришлось», — думала она, сохраняя на лице улыбку, но за гладкими смуглыми щеками и трепещущими веками скрывались ее истинные мысли. «Гм-м-м. Ничего, перетопчется», — решила она, когда Бен Ата, не извинившись, развернулся и направился прочь. И она втайне улыбнулась, мысленно поздравив Эл-Ит, представляя себе, как та сможет воспользоваться отчаянием и злостью этого мужлана.

Но Бен Ата просто не мог больше выносить этого смятения. Наступила пора новой кампании. Он лихорадочно затребовал к себе последние донесения со всех границ и обнаружил — конечно, ничуть не удивившись, — что наблюдаются

перестрелки на границе с Зоной Пять.

— Пора дать им урок, — пробормотал он, присовокупив все прочие ритуальные и принятые магические формулы, и отправился в офицерскую столовую, чтобы обсудить все с окружающими и немного накалить обстановку.

Его подчиненные, как обычно, пришли в восторг от объявления новой войны. А Бен Ата тем временем сидел в своей палатке, думая об Эл-Ит, о ее презрении к нему, обо всех своих войнах и кампаниях. Вспомнил о последней — и впервые в жизни подумал о мертвых и раненых, потому что до сих пор его никто даже не натолкнул на эту мысль.

Бен Ата не мог отменить эту кампанию, потому что солдаты сочли бы его слабым и нерешительным, но также не мог он и сделать честное заявление — выехать перед всей своей армией и «пройти через всю эту говорильню, заварить кашу и ждать, как все это будет тянуться днями, неделями, пока не закончится». Эти мысли он счел предательскими и испустил какое-то подобие приглушенного злобного рева, который услышали все дневальные. Но они только обменялись взглядами, молчаливо сойдясь во мнении, что сейчас даже шептаться рискованно

для жизни.

Бен Ата ринулся из своей палатки, вскочил на первую же попавшуюся лошадь и помчался на восточную границу, примыкавшую к Зоне Пять. Но неприятности мчались за ним по пятам!

— Что же я собирался сделать? — все время бормотал он, попеременно то подстегивая коня, то осаживая его и поглаживая по бокам… Морда коня была вся взмыленной из-за неудобного мундштука… Бен Ата считал, что там, в стране Эл-Ит, все ездят верхом без уздечки, без седла, без кнута… короче, без всего того, что у них тут требуется нормальному всаднику. Он ослабил захват мундштука, даже пробормотал несколько слов, как бы извиняясь перед животным, — и тут же снова почувствовал себя предателем. И вообще зачем это он скачет к границе с Зоной Пять? Он всегда ненавидел это место. Еще на подступах к нынешней границе тяжелая почва с богатым пахотным слоем, хорошие плодоносные поля, каналы, арыки и пруды и безграничные плоские пространства Зоны Четыре — словом, достоинства, наличие которых он всегда или до недавнего времени считал необходимыми для страны, сменились невысоким кустарником и песками, воздух стал разреженным и сжатым,

с вечным привкусом пыли. Бен Ата никогда не углублялся далеко по этой ненавистной территории, но пленники и пленницы, которых демонстрировали ему солдаты, все сплошь были тощими чахлыми существами, грязно-желтого цвета, с вечно припудренными пылью конечностями, лицами и волосами. Бен Ата предполагал, что эта пыль, эта сухость были органически присущи им, но точно не знал. И никогда не спрашивал. Теперь король Зоны Четыре сообразил, что даже никогда не разговаривал ни с пленниками, ни с девицами, которых вталкивали ему в палатку, только командовал, даже никогда никого не допрашивал, а только наказывал или пускал в расход.

Бен Ата добрался не до самой границы, а лишь до того места, откуда были видны горы струящегося песка, каменные откосы и невысокие заросли жесткого кустарника. Сидя в седле, он бездумно оглаживал шею коня, думая о том, что у бедного животного порваны губы, вспоминал, каковы на ощупь пленные девицы, — раздражающе шероховатая кожа, вспоминал их слезы и злость.

И тут Бен Ата заплакал. Он теперь прекрасно понял, что не прикажет начинать никакой войны с этой несчастной страной: как только

вернется в лагерь, тут же аннулирует отданные до сих пор приказы. Он знал, что скажут солдаты: мол, их король пал жертвой женщины, стал негодным солдатом. И думал, что они правы. Ему не хотелось возвращаться в свою страну, где если завелась у человека в голове хоть какая свежая мысль, это непременно считается крамолой.

Он решил побыть тут какое-то время. Спешился, распряг коня — снял седло и уздечку и, повернувшись лицом к своей стране, а спиной к Зоне Пять, уселся, как бы неся стражу, в чем был — прямо в командирской плащ-палатке. Так и получилось, что Бен Ата, король ужасной Зоны Четыре, оказался вдали от своей армии и своего лагеря, сам по себе, когда снова начал бить барабан. И Бен Ата его не услышал.

Проведя в одиночестве бессонную ночь, он вернулся домой. Уже в лагере услышал барабанную дробь, мигом решил ехать и встретить Эл-Ит, и тут ему пришло в голову: а вдруг он уже опоздал? И Бен Ата поехал вверх по холму в павильоны, а Эл-Ит в это время поднималась с другой стороны холма.

Оба вошли в центральную комнату сквозь противоположные арки и замерли, рассматривая друг друга. Как обычно, каждому прежде всего

бросились в глаза их различия: оба пережили долгие дни, мысленно ведя разговоры, оба и изнемогали от желания, а теперь, увидя живьем напротив себя своего упрямого и самодостаточного партнера, почувствовали лишь некое опустошение.

Оба были измучены, и это было заметно с первого взгляда. Оба отощали, высохли и загорели до черноты. Оба в душе бушевали, нуждаясь в партнере и не были уверены ни в чем. У обоих запали глаза. Обоих, стоявших сейчас напротив друг друга, снедал голод, в чем они не отдавали себе отчета.

И, оказавшись наконец вместе, они бок о бок рухнули на тахту и пристально посмотрели друг другу в глаза, в лицо, оглаживая взглядами друг друга сверху донизу. И, когда убедились наконец, что партнер — тут, рядом, уже несомненно рядом, — долго сдерживаемое напряжение прорвалось. Оба вздохнули, сладко зевнули, перевернулись на спину и заснули в объятиях друг друга. И так проспали целые сутки, почти не шевелясь.

Какими же долгими были последующие дни, когда они обменивались мыслями, еле-еле двигались, поглощенные друг другом, осыпали друг

друга тысячью вопросов. Потому что этот этап их отношений был внове для каждого, и обоих удивляли каждое слово и действие партнера.

Главное, что они оказались вместе, наедине, и подозревали, что такое положение дел теперь надолго, потому что для каждого из них обычная — прежняя и теперь потерянная? — жизнь оказалась под запретом. Оба стали изгнанниками, а изгнавшими их странами управляли другие люди, со своими связями и потребностями. Ни одному из них еще не доводилось оставаться наедине с другим человеком днями… и днями… и днями. Да и ночами напролет.

Они соединялись, как никогда не бывало до сих пор: всерьез и надолго, как будто завершение акта означало бы конец возможного взаимопонимания, как будто перед ними стояла задача обследовать друг друга, как если бы такое слияние сущностей придавало обоим некую силу, давало неуязвимость, исключающую сомнения и, более того, — бедствия, даже хаос. И когда они сходились в схватке, или льнули друг к другу, или находили друг в друге прибежище, каждый пытался увидеть себя со стороны — гораздо чаще, чем ему бы хотелось, чтобы это было замечено другим, — холодным бесстрастным взглядом, со-

всем таким же, каким мог бы их оценивать любой — кто? какой враждебный незнакомец? Но тут же в душе каждого из них возникал внутренний протест против такой оценки, и они и мыслью, и действием пытались охранить эту возможность, для чего — все более часто — удерживали в своих руках руки партнера. Бен Ата, вероятно, воспринимал свои сильные ладони, как баррикады, охраняющие укрытие, в котором скрывалось что-то небольшое, бесконечно уязвимое и хрупкое.

Но снаружи не доносилось ни слова, ни звука. Барабанный бой не смолкал. И они знали, что так и будет. По крайней мере, еще некоторое время.

Эл-Ит лежала на тахте, на груде подушек, совершенно обнаженная, прижав ладонь к животу, чувствуя, как их детеныш вибрирует в ритме барабана. И Бен Ата, совершенно обнаженный, подходил к жене, и по ее нахмуренному и сосредоточенному лицу, которое уже стало ему таким близким и любимым, что он вовсе не удивился бы, увидев его в зеркале вместо своего собственного лица, понимал, что она общается с будущим королем Зоны Четыре. И, осторожно отодвинув руку Эл-Ит, клал на ее место свою, напряженно вслушиваясь. Он прижимался ухом к тому месту, стараясь не слышать остальные звуки, звучащие

в столь дорогом и знакомом ему вместилище плоти, но слышал только бой барабана, бьющего прямо в уши и определяющего ток его собственной крови.

Теперь они почти все время обходились без одежд, потому что их нагота стала как бы своего рода одеждой, настолько разнообразными и красноречивыми стали эти два тела. Бен Ата смотрел на плечи жены, облитые влажным светом, проникающим из парка с фонтанами, и думал, как она хорошо смотрится именно на этом месте, эта его тоненькая Эл-Ит, такая изящная и подтянутая, как сама колонна, к которой она прислонилась; а она смотрела на сильную статную спину мужа и думала, что могла бы всю оставшуюся жизнь без устали любоваться игрой этих мускулов. И он запускал ладони в водопад ее черных волос и поражался, как жил раньше, — в прошлой, бывшей жизни, когда даже не замечал — так казалось ему сейчас — бесконечного разнообразия этой небольшой женской головки, которое сейчас исследовали его пальцы, прядь за прядью; а она позволяла своей руке лежать на его сильных загорелых плечах и знала, что ей навсегда хватило бы языка общения их двух тел, которые легко касались друг друга.

Если Эл-Ит надевала платье из какого-то каприза или желая пококетничать, то оно вскоре оказывалось сброшенным, потому что кокетство казалось совершенно оскорбительным в том серьезном состоянии, в котором они оба исследовали друг друга впервые; и если Бен Ата закутывался в свой темный солдатский плащ-палатку, когда дул холодный ветер с той стороны холма, которая выходила на солдатский лагерь, то в нем ему сразу становилось неуютно. Презрев одежду, они опять прыгали друг к другу, в укрытие огромной тахты, назад в свой мир, в свою жизнь… которая не менялась, не могла измениться… но все же перемены были неизбежны, и вскоре, в один прекрасный день, сидя за столиком под аркой, откуда открывался вид вниз с холма на лагерную суету, они мысленно заказали себе обед, но никакой еды не появилось. Оба сидели за столом и удивлялись, и тут они увидели Дабиб: закутанная в старый солдатский плащ, она поднималась по склону холма, согнувшись от холодного ветра; она несла им еду в судках с крышками и кувшины. Это все она быстро и аккуратно сложила на краю портика, под самой крайней аркой, и быстро убежала, даже не взглянув в их сторону.

Прикрыв наготу, они вышли в портик, чтобы взять свою еду, — ее доставили из офицерской столовой, как сразу понял Бен Ата; это оказались тушеные бобы и хлеб.

Он приступил к еде, и тут же отметил с удовольствием, что Эл-Ит ест жадно, как будто и не соскучилась по своим пахнущим розами десертам, фруктам и сиропам.

Этот их павильон, это волшебное здание стало для них вполне прозаическим. Когда-то он казался Эл-Ит грубой подделкой, пародией на элегантность и утонченность ее страны. Не так давно для Бен Ата это было очаровательное, но, конечно, раздражавшее его место, слишком изящное для старого солдата, но ему приходилось мириться. Теперь же оба не задумывались о таких вещах. Павильон стал их домом: полная воздуха центральная комната, колонна в центре, взметнувшаяся, как фонтан, тени в углах, сводчатый потолок и лепной бордюр, — а дальше его комнаты, в которых Бен Ата мылся и переодевался, в которых Эл-Ит чувствовала себя так же свободно, как и он, а затем тянулись ее комнаты, ее покои, куда он входил так же запросто, как она. Когда-то он жил в палатке и не желал ничего лучшего. Ему казалось, что он бы снова… вспомнил о своих

давних обязательствах, ушел к себе и, сидя совершенно обнаженным за простым столом, который приказал принести сюда для таких случаев, написал приказ, что армия должна провести маневры и начать какие-нибудь боевые действия, чтобы ввести противника в заблуждение: и тут Бен Ата вспомнил, что пообещал людям войну; а сам их обманул. «Нечего их распускать», — проворчал он и, оперевшись головой о руку, призадумался, в каком же регионе страны в это время года лучше провести обманные военные действия и будет ли… но штаб прекрасно сам разрешит эту задачу, наконец решил он, отчасти сожалея о том, что лишен возможности поучаствовать в этой войне, отчасти же радуясь мысли, что ему не придется неделями терпеть однообразную жизнь, притворяясь, что все это всерьез, что у них есть реальная цель… За этими рассуждениями он вспомнил, что Эл-Ит не верит, будто подобные занятия нужны… и все же, когда он думал о своем грядущем сыне, зреющем сейчас в восхитительном теле Эл-Ит, он всегда представлял наследника верхом, рядом с собой, во главе армий.

Конечно, у него будет сын. Эл-Ит это знала, и он тоже знал. Потому что этого требовала логика ситуации: их альянс должен завершиться рожде-

нием сына. Альянс Зон Три и Четыре был нужен, чтобы породить сына: это было очевидно.

Он вернулся и обнаружил, что Эл-Ит одета, — такое произошло впервые за много дней.

Шкафы в ее покоях были снова полны одеждами, изготовленными в Зоне Четыре. Теперь она ими не пренебрегала. Отчасти потому, что местные женщины стали шить значительно лучше, — они распороли те платья, которые Эл-Ит отдала Дабиб, изучили в них каждый стежок и складочку. А отчасти потому, что изменилась сама Эл-Ит, она больше не считала невозможным для себя надевать изделия этой страны. Сегодня на ней было платье розового цвета, которое сидело на женщине хорошо, мягко обрисовывая чуть выпирающий животик.

Эл-Ит сидела за столом, задумчиво подперев голову рукой.

— Бен Ата, — сказала она, впрочем, он предвидел, что она так скажет, — несомненно, кое о чем мы с тобой должны позаботиться!

Прежде чем ответить, он сел напротив. Он не собирался соглашаться сразу же. Оглядываясь в прошлое — которое казалось очень давним, — когда ее приезды к нему были слишком короткими и нерегулярными, Бен Ата прежде всего вспо-

минал их ссоры. Он был неправ в том, что не прекословил жене. Она задавала тон. Ему нравилось то состояние, которого они сейчас достигли. *Состояние брака.* Так он называл это в душе. «Теперь мы женаты по-настоящему, и она не может поступать так, как ей заблагорассудится, как бывало в прошлом».

Она же сидела молча, потому что тоже вспомнила, какими они были раньше. О, совсем не такими, как сейчас… и она сама была не такой, какой стала сейчас… Между нынешней Эл-Ит и ее прекрасной страной, казалось, встала стена облаков. Она могла припомнить, что раньше все в ее жизни было абсолютно не таким, как сейчас. Это различие она ощущала как ушедшее состояние свободы, легкости, свежести и самое главное — чудесного доброжелательства во всем. Эл-Ит вспомнила всех своих детей, задумалась о смысле необходимости общения с ними. Она вспомнила, что у нее есть красавица-сестра, их привычку сидеть вместе по вечерам у окна, наблюдая за вечерним небом, когда угасал дневной свет, или гулять по крышам… Воспоминание об этих восхитительных прогулках по крышам было болезненным для Эл-Ит. Теперь они были бы ей недоступны — ей казалось, что она стала бояться

высоты, на которой летают птицы, и горных вершин… там было что-то еще, какая-то башня, откуда… но при этом воспоминании сердце Эл-Ит вдруг так болезненно сжалось, что она вскочила и заломила руки. Она сидит тут, прохлаждается, хотя должна делать совсем другое…

— В чем дело? — спокойно и повелительно вопросил Бен Ата. — Что это ты так распрыгалась? Тебе нельзя. Это вредно для ребенка.

Эл-Ит решила не обращать внимания на его слова. Но все же уселась и постепенно успокоилась. Потому что чувствовала: если она не сумеет сейчас объяснить Бен Ата свои приоритеты, насколько она могла вспомнить свою прежнюю сущность, — пусть даже сейчас и стала другой, — тогда нет смысла настаивать ни на чем.

— Успокоилась? Вот и молодец, — одобрил он ласково, но несколько рассеянно.

Бен Ата думал о том, что когда их сын наконец родится, он прикажет устроить пышные празднества и фестивали, какие только можно придумать. Так что важно положить к тому времени конец этой имитации войны. Он достал листок бумаги с написанным на нем приказом и исправил дату.

— Я вот тут подумал, что когда мы устроим

празднества в честь новорожденного, — заметил он, как будто жена уже знала обо всех его планах, — другие дети тоже должны в них поучаствовать, скажем, в роли слуг. Или в какой другой роли.

Эл-Ит уже знала, что от Бен Ата, за время его солдатской службы, родилось неисчислимое количество детей и что тех детей отдавали в детские войска, как только они начинали ходить. Да, целая армия детей — такова была особенность Зоны Четыре. Она возмутилась, впервые услышав об этом, — но подавила свое возмущение, желая понять.

Сейчас Эл-Ит воздержалась от ответа. Наконец Бен Ата понял, что молчание супруги слишком уж затянулось, и, внеся исправление в приказ, убрал его и с улыбкой поднял на нее глаза:

— Милая, с тобой все в порядке?

— Я бы хотела посмотреть страну, Бен Ата. Не волнуйся, я уверена, мне это сейчас можно. Я вполне акклиматизировалась.

Он моментально оживился.

— Прекрасно. Можем вместе съездить на маневры. Хочешь?

Эл-Ит задумалась: будто пробовала новое для себя блюдо или переживала новый жизненный

опыт.

— Да, почему бы и нет… но я-то думаю о другом — я бы хотела попросить женщин, чтобы подготовили фестиваль старинных песен. Насколько я помню, у нас дома такие часто проводили.

— Да что ты, милая, они не захотят! Знаешь, у них свои соображения. Они ни одного мужчину и близко к этим своим ритуалам — не подпустят — да он и сам ни за что не подойдет, если считает себя мужчиной. — И Бен Ата, невероятно развеселившись, захохотав, откинулся на спинку явно забавно маленького для него креслица.

— Да я не о тебе говорю. Я и одна прекрасно могу пойти. Я ведь женщина.

— Значит, я тебе уже надоел!

— Но ведь разлука продлится всего один вечер!

Заверив в этом друг друга, они обменялись легкими, слегка формальными поцелуями.

— Я напишу записку Дабиб, когда она в следующий раз принесет нам поесть.

— Я сама с ней поговорю.

— Нет, нет, всегда лучше изложить все письменно, чтобы не рисковать, а то вдруг тебя не так поймут.

Эл-Ит не спорила, просто решила, что сама незаметно привлечет внимание Дабиб и лично

все с ней обсудит. Она ласково улыбнулась Бен Ата, как будто во всем согласилась с мужем.

И вскоре они действительно увидели Дабиб — она поднималась по склону холма.

Бен Ата большими шагами направился к арке, вышел на веранду, чтобы задержать женщину, а то она просто поставит на веранде судки с едой и снова убежит.

Эл-Ит слышала, как он вручает ей листок бумаги с приказом о начале псевдовойны и сообщает, что в следующий раз даст новый приказ, на этот раз составленный супругой.

— Ах, как прекрасно, — заворковала Дабиб, — как приятно будет сделать что-то для госпожи и порадовать ее. А до тех пор нельзя ли мне с ней переговорить?

— Входи. — Ата отступил, давая ей войти, и направился в свои комнаты — составлять новое распоряжение о пожеланиях Эл-Ит.

Женщины остались вдвоем. Эл-Ит поднялась на ноги, и они быстро отошли как можно дальше от двери в комнаты Бен Ата.

Эл-Ит шепотом объяснила, чего бы ей хотелось, и Дабиб сразу ее поняла:

— Наши женщины обрадуются. В сущности уже были разговоры о том, чтобы тебя позвать.

Они просили меня сказать тебе, — но теперь все само решилось.

В этот момент вошел Бен Ата, — просто живое воплощение доброжелательного любящего супруга. Хотя, вообще-то, у него мелькнула мысль, что неплохо было бы как-нибудь поиметь Дабиб на вечерок-два: он просто зримо представлял себе, как ошарашит ее своими новыми умениями, которым научился за это долгое… — он поспешно отверг слово *«заточение»*, заменив его другим — *«пребывание»* с Эл-Ит. На его лице появилась довольная улыбка, и обе женщины тут же поняли, о чем думает король.

Он вручил Дабиб приказ в письменном виде, та его развернула, прочла и умиротворяющим тоном заметила:

— Всегда лучше получить письменное распоряжение. Но тут есть одна закавыка, Бен Ата. Видите ли, господин, дело в том, что мы не можем устроить спевку в любое время, когда нам вздумается. Не подумайте, будто я ломаюсь, но мы устраиваем их в строго определенные дни и времена года.

— Вот и ладно, вот и хорошо, в следующий раз, когда наступит такой день, просто пригласите Эл-Ит, а я присмотрю, чтобы она отправилась к

вам в подходящем состоянии.

— О, это будет для всех нас большая честь. — И, уже повернувшись, чтобы уйти, Дабиб мимоходом подмигнула Эл-Ит, пожелала супругам аппетита и сбежала вниз по откосу холма.

У них опять была ночь любви, а наутро Бен Ата признался, что не доверяет своим офицерам, вряд ли новые учения смогут провести в его отсутствие как должно, и попросил отпустить его на несколько дней, чтобы заняться своими королевскими делами.

Вначале Эл-Ит почувствовала горькое разочарование при мысли о том, что проведет хотя бы час без него, потом — настоящий приступ паники, в их зоне такое состояние назвали бы патологией, потом рассердилась на мужа и наконец ощутила безусловное облегчение. О, как это чудесно — получить возможность снова обрести саму себя, а ей-то казалось, что подобного уже никогда не будет, Эл-Ит сомневалась, опознает ли она себя, — а потом некоторое время побыть в этом состоянии, вспомнить свои собственные, свои реальные цели.... какими бы они ни были. Потому что сейчас она не могла вспомнить.

А тем временем Бен Ата, приняв ее молчание за глубокое огорчение, ужаснулся, что она может

заплакать или начать просить мужа устроить все так, чтобы она могла сопровождать его хотя бы часть пути на войну, но, конечно, в конце концов ей все-таки придется вернуться. Ему придется отказать жене, хотя ее сейчас нельзя расстраивать.

Но Эл-Ит ни о чем таком не просила, спокойно проводила его вниз по холму и тепло поцеловала на прощанье, — она и не помнила, чтобы когда-либо дарила такой кому-нибудь: ей показалось, что в этот поцелуй вложила слишком много мольбы.

Эл-Ит махала вслед мужу долго, пока не скрылась из виду его широкая фигура, энергично марширующая в сторону лагеря, и вернулась в свои покои. Она приняла ванну и надушилась, надела белое шерстяное платье, расшитое по всему полю ярким цветочным орнаментом, и уже была готова выйти через другую дверь в парк, где вовсю плескали фонтаны, где барабан не умолкал, но… Перед ней вдруг появилась Дабиб и прошептала, что Эл-Ит может сейчас пойти с ней, потому что наступила та самая ночь, когда женщины проводят свои ритуалы, хотя, этого конечно, нельзя говорить Бен Ата, ведь ни один мужчина не должен даже знать, когда именно собираются женщины. Им не говорят, и если

какой-нибудь мужчина все-таки просочится в их тайное место встречи, он горько пожалеет об этом.

Эл-Ит стремительно набросила плащ Бен Ата, совершенно в духе Зоны Четыре, и они с Дабиб рука об руку побежали по мокрому откосу холма через ряды палаток. Их никто не увидел, потому что все солдаты были заняты войной, которая должна была начаться ровно через четыре дня. Женщины беспрепятственно отправились в дальние поля.

Здесь они, не останавливаясь, побежали по низкой мокрой траве пастбищ, пугая стада меланхоличных коров и пересекая бесчисленные мостики, перепрыгивая через канавы и арыки, и наконец, совершенно опьяненные и возбужденные, даже несмотря на то, что воздух тут был расслабляющим и разреженным, прибежали к огромному каменному зданию, по-видимому, заброшенному. Судя по всему это были развалины старого форта, реликвия какого-то прошлой, давней войны.

Когда Дабиб и Эл-Ит пробрались через какие-то заросли, сквозь какие-то кусты и нырнули под большую арку, они оказались в большом каменном зале, до предела заполненном женщинами

всех возрастов, которые сидели на скамеечках за длинными деревянными столами. Перед ними на столах стояли блюда с едой и кувшины вина. В центре зала было свободное пространство наподобие танцплощадки, и там сидели певцы — группа молодых девиц, сопровождавших свое пение самыми разнообразными движениями тела и рук. Слушательницы радостно смеялись. При виде Эл-Ит все вскочили на ноги, подняли руки над головами и изо всех сил захлопали в ладоши в знак приветствия, потом снова уселись и стали слушать дальше. Эл-Ит предоставили место во главе длинного стола, и она без всяких церемоний села, Дабиб — рядом с ней.

Королева Зоны Три не сразу сориентировалась в происходящем, потому что ее очень заинтересовали поющие девушки: их было пятеро, они энергичными жестами подчеркивали каждое свое слово, которое пропевали серьезно, сосредоточенно, чтобы их правильно поняли, так что возникал просто удивительный контраст между их манерами и текстом, который наверняка был, по крайней мере изначально, некоей детской игрой-считалкой, что ли?

Хором они исполняли такие строчки:

Бусы я вчера нашла,

Ах, какая красота!
Вы, подруженьки, такого
Не видали никогда!

А дальше — каждая исполняла по одной строке:

Кто же их потерял?
И не я, и не ты!
Где же мастер отыскал
Камни дивной красоты?
Ведь в сумрачной долине их нету и в помине!

И снова хором:

Бусы я вчера нашла,
Ах, они издалека!
Высоко под облаками
Есть чудесная страна!

И опять по отдельности:

Вот откуда эти бусы,
Вот куда бы нам попасть!
Но король сказал, как будто
Можно с этих гор упасть!

Вот беда, так беда —
Не пускают нас туда!

Тут все пять девушек, все в широких пестрых юбках и корсажах с глубоким вырезом, — обычном для этих мест наряде, — закружились в быстром танце, каждое движение которого, как поняла Эл-Ит, было рассчитано и выверено до секунды. Потом они остановились, все одновременно, так что юбки вихрем закружились вокруг их ног. И в этот момент все женщины в зале, вплоть до самых маленьких девочек, сорвались со своих мест и ринулись на площадку, где стояли танцовщицы. Эл-Ит заметила, что две трети западной стены внизу этого большого зала были аккуратно выбиты и через проем открывалась великолепная панорама на горы Зоны Три. Вершин не было видно, но тем не менее женщины одновременно подняли кверху руки и совершили какой-то ритуал поклонения или воспоминания, для чего им пришлось наклонить головы, чтобы хорошенько рассмотреть горы. Стоял ранний вечер, горы освещал печальный и очень яркий свет, и Эл-Ит поразилась: оказывается, все то время, пока она была в заточении — как она теперь осознала — вместе с королем Зоны Четыре, она

ни разу не вышла взглянуть на границы своей страны, на ее высокие горы. Эта мысль просто ей в голову не приходила. И, стоя тут, вместе с остальными, отводя голову назад все дальше и дальше, насколько возможно мускулов, Эл-Ит почувствовала, что ей это дается с трудом, даже шея заболела. Понятно, большинству женщин удавалось сохранять эту позу лишь несколько минут, они с радостью возвращали головы в привычное положение. Но были и такие, которые не только ухитрялись держать голову в таком трудном положении, но даже протягивали руки, чтобы поддержать головы соседкам, в основном молодым, взяв их за подбородок и откинув голову назад. Кое-кто из тех, кому помогали, вначале протестовали и сопротивлялись, но, освободившись, были довольны и направлялись на свои места, массируя шею. И, наконец, вся толпа вернулась на свои места.

Теперь на освободившееся пространство вышло около десятка женщин постарше, в таких же цветастых юбках и блузах, как у девушек. Все они были крупными, а некоторые — даже тучными, но все как одна добродушно улыбались, и на их лицах было написано проницательное понимание, которое, видимо, считали в данный

момент необходимым, потому что именно это выражение они придали своим лицам, когда энергично и очень громко стали наяривать очередную нескладуху, раскачивая бедрами и делая разного рода непристойные жесты, так что очень быстро вся компания застонала от смеха.

Кто в канаву упал,
Всех до смерти напугал?
Не нужны нам мужики,
Поскорей от них беги!

Кто нам юбки задрал,
Всех до смерти напугал?
Вот мы в горы убежим.
Сторожи — не сторожи!

Кто от грез нас оторвал,
Всех до смерти напугал?
Он пришел издалека,
Рассказал про облака,

О дороге, что ведет туда,
О вершинах, что в снегу всегда.
Мы найдем дорогу эту
И пойдем навстречу свету…

И снова, когда допели до конца, все присутствующие женщины с шумом вскочили со своих мест и побежали на танцевальную площадку, где встали, запрокинув головы, глядя на горы, которые теперь потемнели, но их очертания были обведены голубоватым светом, видимо, это был свет звезд. Однако звездного неба отсюда не было видно, потому что отроги гор заполняли весь огромный проем в стене. Эл-Ит присоединилась к остальным. У нее болела шея, да и не только у нее одной: она снова увидела слезы в глазах тех, кому соседки помогали удержать голову, бедняги кусали губы от напряжения.

А потом, через короткое время, — потому что это упражнение, понятно, не может длиться долго, — вся толпа вернулась на свои места. Откуда-то из угла, где, видимо, находилась кухня, принесли блюда с едой, и вокруг стола побежали девушки, добавляя вино в кувшины.

Всю ночь шло это торжество, или, точнее сказать, церемония. Потому что как только заканчивалась очередная игра или песня, или ритмическая считалка, все бегом кидались на площадку, напрягали и вытягивали свои шейные мышцы, — и Эл-Ит уже стало ясно, что это и есть цель настоящего ритуала. Все новые и новые

группы девушек или женщин выходили со своими песнями, и каждая из песен, вполне очевидно, была повторением какой-то старинной. Потому что часто слова и их смысл диссонировали с мимикой, сопровождавшей пение. Непристойные жесты, кивки, подмигивания могли иллюстрировать совершенно невинный текст, и наоборот. И все же каждая из присутствующих женщин знала точно, каких именно слов и жестов в какой песне ждать, потому что не раз певцов или актеров поправляли, кто-то кричал из толпы: «Нет, не так руку держишь» или «Тут не надо улыбаться, подождите следующего куплета».

Ритуал. Обряд. Эл-Ит догадывалась, что сегодня особую энергичность и живость ему придает ее присутствие, она это понимала по тому, что все наблюдали за ней, открыто или исподтишка, в зависимости от своего характера, интересовались ее реакцией, — и с какой надеждой все они смотрели на гостью!

Ближе к рассвету, когда горы уже начали бледнеть, Дабиб по знаку женщины, исполнявшей обязанности хозяйки церемонии, сама вышла в центр зала и подождала, пока наступит тишина. До сих пор никто еще не пел и не танцевал в одиночку.

В наступившем напряженном молчании она запела:

Мой милый мальчик, ты рожден мужчиной,

И должен стать хозяином судьбы,

Так для начала приручи собаку.

Давай, не бойся, брось собаке палку!

И нечего косить под дурачка!

Все как эхо повторили:

И нечего косить под дурачка!

А Дабиб продолжила:

Мой милый друг, пора и повзрослеть бы,

А ты бросаешь камешки с обрыва

В компании таких же лоботрясов.

Найди себе достойное занятье

И нечего косить под дурачка!

И все повторили:

И нечего косить под дурачка!

После чего последовал третий куплет:

Эй, обращаюсь я к тебе, мужчина!

Смотрю, умаялся совсем ты от безделья!

Тебе не объяснили, чем заняться?

Но ты и сам способен догадаться!

И женщины отозвались хором:

И нечего косить под дурачка!

Но, видимо, все предвкушали продолжение: повсюду вокруг Эл-Ит видела сердитые, возбужденные озлобленные, покрасневшие женские лица, и вот вся компания подхватила слова и запела их вместе с Дабиб:

Мой милый юноша, ну разве так ведут себя в постели!

Ну почему ты так медлителен и глуп?

Ведь я тебя учила прошлой ночью!

Уж постарайся угодить любимой!

И следующие слова все прошипели очень выразительно:

И нечего косить под дурачка!

Затем снова солировала Дабиб:

Хоть раз взойди на горную вершину

Спеши, мой друг, ведь жизнь так ко-

ротка!

А ты лениво бродишь по долине,

Таков твой обычай —

Косить под дурачка!

Есть в мире нечто, что должны мужчины сделать,

Спасти всех женщин, и детей спасти.

Мы так хотим в тебя, мужчина, верить,

Смотри, обманешь — в жизни не простим! —

И нечего косить под дурачка!

А если ты мужик лишь по названью

И приложить не хочешь ты старанья,

Ленивое, пугливое, чванливое созданье…

И теперь зашипели уже все женщины вместе, в угаре злобы и горечи:

Ну что ж, тогда коси под дурачка!

Отлично, коси под дурачка!

Давайте вместе все косить под дурачка!

И когда красивый нежный голос Дабиб умолк,

все вскочили на ноги, но не ринулись, как до сих пор, в центр зала, а выбежали на улицу. А Эл-Ит и Дабиб — за ними. За зданием находился двор, окруженный низкими постройками. Отсюда горы было видно полностью — от подножия и до самых высоких вершин. Яркие звезды испускали синий свет, но на востоке небо уже стало золотым. Так что нависшие над горизонтом горы казались светящимися изнутри, а их вершины чуть-чуть не доставали до зенита. Женщины разбрелись по всему двору, стояли, с напряжением вытянув шеи, некоторые шатались и дрожали от физического напряжения, другие шепотом ругали себя за неспособность, а некоторым, как всегда, помогали стоящие рядом. И на этот раз все простояли намного дольше, чем внутри зала, мужественно боролись с собой, чтобы как следует закинуть голову, чтобы хорошенько рассмотреть эти чудесные горы, а горы почти плавали в голубой дымке, увенчанные облаками, хотя на самом деле это были снежные шапки.

Эл-Ит плакала, как все, но по другой причине — она просто не могла поверить, что тоже вынуждена поддерживать голову, сцепив обе руки. А потом все женщины одновременно опустили головы — позволили им упасть на грудь. Глазам

Эл-Ит представилось удивительное зрелище: из лежавшей у стены груды тяжелых металлических шлемов некоторые, преимущественно молодые дамы взяли по одному и нацепили их себе на голову. О тяжести и неудобстве этих изделий можно было судить по тому, каких усилий стоило этим бедным существам вертикально держать головы в шлемах. И они старались смотреть вперед, в горизонтальном направлении, напряженными глазами, полными слез. Они смотрели на Эл-Ит с такой тоской. Все стали быстро подходить к ней и шептать: «Эл-Ит, помоги нам. Помоги нам, Эл-Ит», — а потом, с той же внезапностью, которая, как она уже поняла, была вообще характерна для них, вдруг стали выбегать со двора по двое, по трое, а одна женщина, взобравшись на низкую крышу, была вроде как наблюдателем и звала очередную партию на выход, когда считала, что опасности нет. Эл-Ит и Дабиб ушли последними, и предрассветный ландшафт, расстилавшийся вокруг, уже был пустынным, — так бесследно растаяли женщины в утренней полумгле. Но Эл-Ит увидела одну девушку, та руками поддерживала голову в тяжелом шлеме в вертикальном положении, плакала и ругалась, но, пошатываясь, шла вперед. И до идущей вслед за ней Эл-Ит

донеслись слова: «Помоги нам, Эл-Ит…»

— А теперь — припустим, — Дабиб говорила в своей обычной манере, спокойно и уверенно.

И они обе пошли обратно тем же путем, каким пришли сюда, стараясь не попадаться встречным на глаза, а когда им встречались стада, они пробегали между животными. По пути Дабиб, задыхаясь, делилась с королевой Зоны Три разного рода информацией, например, объясняла, что этот ритуал проводится четыре раза в год. «Чаще в разных местах — у нас хватает заброшенных крепостей и фортов, а больше просто негде!» Она рассказывала, что мужчины, конечно, знают, что женщины проводят что-то такое, но не мешают. Они воспринимают этот ритуал как предохранительный клапан. «Ну а если хоть одна нарушит обещание и проговорится мужу, представляешь, что ее тогда ждет? Никто из нас не рассказывает о том, что мы снимаем карательные шлемы и втайне смотрим на горы. Ни одна! Потому что все знают — мы убьем предательницу… видишь ли, это в наших интересах — потому что мужчины очень давно не вспоминали о своих обязанностях…».

И вот они уже у подножия холма, на вершине которого в лучах раннего солнца изящно белеют

павильоны.

— Тут я тебя оставлю, а то если приду еще позже, муж с меня шкуру спустит… — И с этими словами Дабиб повернулась и помчалась домой.

Эл-Ит медленно поднялась на холм, постояла, прислушиваясь, раздается ли барабанный бой, и почувствовала, как ребенок пробуждается с наступлением дня: она представляла себе, как он зевает и потягивается там, держала руку над животом.

Как это там пела Дабиб: *«Есть в мире нечто, что должны мужчины делать…»* Конечно! Все совершенно просто и понятно! И она могла бы догадаться уже давно, потому что ничего особо трудного тут нет.

Мужчины должны защищать и охранять жизнь, а не развязывать и вести войну, настоящую или имитацию боевых действий. Произошла какая-то подмена, поставлена другая цель, нарушена определенная функция, забыто то, что в жизни доставляет радость… и не только забыто, но теперь и запрещено. Но почему? Что же произошло? И, самое главное, как? Вот в чем суть. Мужчины, как предполагается, должны… должны… но… *что же все-таки стряслось?*

За все время ночных пения, танцев и игрищ ни

одна девушка, ни одна женщина ни полсловечком на это не намекнули. Если «хоть раз взойти на горную вершину» понимать как то, чем должны заняться мужчины, то в чем тут скрытый смысл? Эл-Ит знала, что если спросит Дабиб: «Хорошо, но что, по-вашему, должны делать мужчины?» — Дабиб укажет ей на горы. Да, но как это понимать?

А теперь я ненадолго прерву свое повествование и расскажу о положении дел в Зоне Три.

Помните, как Эл-Ит спросила сестру, готовятся ли они к фестивалю старинных песен и сказаний? Эл-Ит надеялась почерпнуть из старинных текстов какие-нибудь полезные сведения или хотя бы отыскать намеки в полузабытом житейском опыте… И, по сути, она была права. Вот только искала не в том месте: не сообразила, *чей* это жизненный опыт, *какой зоны.* То, что Эл-Ит рассчитывала узнать, как раз стало ей ясно на церемонии, куда ее позвали в качестве гостьи женщины Зоны Четыре. В ту ночь она уже догадалась: фестиваль в Зоне Три вряд ли даст что-то новое.

Однако Мурти не пренебрегла просьбой сестры.

Несмотря на то, что столкнулась с большими трудностями.

Прежде всего, как я уже сказал, фестивали такого рода проводятся у нас во всех регионах, хотя бы раз в год. Так что же нам следовало сделать, чтобы выполнить просьбу Эл-Ит? Объявить всенародно, что от наших старинных песен и сказаний, даже самых глупых и примитивных, может быть какая-то практическая польза, и исходя из этого, и подбирать для фестиваля? Я по своему опыту знал, что подход в лоб в таких вопросах, как правило, себя не оправдывает. Нет, правда обычно всплывает неожиданно, косвенно, побочно… так я рассуждал, *должен был бы* рассуждать, потому что активно участвовал в подготовке: в конечном счете, Мурти все перепоручила мне. Возможно, проблема заключалась в том, что мы теперь все эти старинные тексты слышим по-другому? Да, скорее всего так. Честно говоря, наши песни, наши сказания не сильно изменились за долгое время: точнее говоря, что мы воспринимали их слишком поверхностно, не старались углубляться в подспудный смысл… Рискну утверждать то, на что уже намекал: существование всеобщего недуга, или застоя (как трудно соотносить это слово с нашей прекрасной страной) было полностью доказано нашим сословием — мемуаристами, творцами картин, песен… хотя, как всегда быва-

ет, само это слово мы смогли произнести вслух только спустя очень долгое время.

Наши фестивали всегда были оформлены очень красиво. Я отвечаю за свои слова: мое определение точно соответствует действительности. На каждом их этапе в глаз бьет богатство, пышность. Со стороны очень приятно посмотреть. Побывать на нашем фестивале — это все равно как посидеть за богато накрытым пиршественным столом. Но в них нет «изюминки», абсолютно никаких сюрпризов. Ничто не потрясает. Они ни к чему не побуждают.

Здесь, конечно, не место обсуждать понятие «фестиваль» как таковое. Дискуссий на эту тему на этапе подготовки было предостаточно, и в целом они не дали результатов. Понимание приходит на практике, когда наблюдаешь последовательно за всеми мероприятиями, сам проживаешь все события фестиваля, осмысливаешь их…

Подготовка в тот раз шла с трудом. Никто не знал, что конкретно от него требуется. Нам было достаточно того, что его хотела провести Эл-Ит: значит, надо организовать… но ведь королева отсутствует, так? Намерена ли она вернуться к этому событию? Если нет, есть ли смысл его

вообще устраивать? А может, фестиваль велели провести Надзирающие? Ну, это вряд ли.

Но все-таки мероприятие началось и тянулось целую неделю. Много лет не проводился такой крупный и многолюдный фестиваль. Каждый регион прислал своих певцов и сказителей. Как обычно, все было очень мило и — невероятно приторно. Я говорю это слово, скривив губы…

И я, и все остальные — как деятели искусства, так и организаторы — вынуждены были скривить губы. Реагировали сухо. У нас этот фестиваль вызвал разочарование. Мы не увидели ничего нового, все это уже было раньше: гладкие, стандартные, слащавые стихи… и как бы мы ни старались угадать, что хотела услышать Эл-Ит, сами ничего нового не услышали.

Мурти, конечно, присутствовала на всех мероприятиях, она в каком-то смысле для нас воплощала Эл-Ит… но ее участие выглядело неубедительным. Она была апатичной, интерес проявляла чисто формально, — отбывала повинность, как бывает, когда тебе что-то не по душе.

И конец фестиваля положил конец прежнему порядку.

Только, пожалуйста, не подумайте, что я принимал желаемое за действительное; нет, процесс

и впрямь уже начался, — причем повсеместно. В конце концов, эта история с Эл-Ит послужила нам уроком: мы теперь знаем, что, если что-то произошло в одной зоне, оно передается и в остальные, пусть даже другие страны нам враждебны или просто нас не интересуют. Процесс развития для всех един, мы одинаково переживаем эпохи застоя, обособленности, самоупоения. Когда те женщины в Зоне Четыре изо всех сил старались поднять свои бедные головы, чтобы смотреть вверх, на наши горы, они как будто при этом тайком подпитывали своей энергией и усилиями те потоки, которые питают всех нас. Причем Эл-Ит вынужденно спустилась в то ужасное место, ради нас всех… как ни парадоксально, но наш фестиваль отчасти потерпел неудачу потому, что в нашей зоне начало выправляться положение дел. В открытую об этом не говорили, но все это уже почувствовали. Достаточно было посмотреть на животных, которые прибывали к нам из всех регионов и паслись в пригородах Андаруна, — у них не осталось и следа меланхолии, каждый зверь по-своему демонстрировал прекрасное настроение. Видя их резвость и игривость, разного рода любовные игры, мы шутили, что теперь пора ожидать прекрасного пополнения молодняка.

Мы присматривались к себе — и нам казалось, что замечаем приметы нового духа. Хотя об этом в основном помалкивали… но прилив начался… мы уже осмеливались считать наше недавнее прошлое «плохими временами». И общество неразрывно связывало Эл-Ит с тем временем, и чем меньше нам хотелось о нем вспоминать, тем реже вспоминали и об Эл-Ит. Конечно, ходили разные слухи о ее визитах к нам: королеву считали эксцентричной, в глазах людей она была как бы запятнанной, грязной. По своему опыту скажу, что так бывает всегда: по возможности люди стараются держаться подальше от человека запятнанного, ущербного. И всё — из страха: как бы самому не оказаться запятнанным. Должен отметить, что когда обстановка в Зоне Три разрядилась и мы вновь обрели свой моральный дух и самоуверенность, об Эл-Ит стали вспоминать все реже, и даже с неприязнью. Боюсь, что это слово точно выражает отношение людей.

В настоящей хронике я хочу оживить память об Эл-Ит в сердцах своих соотечественников, создать о ней иное представление, дабы эта королева заняла заслуженное место в нашей истории. Конечно, были люди, которые ее разыскали, они стали отождествлять себя с Эл-Ит, пытались

поселиться поблизости, но всего этого оказалось недостаточно, потому что огромное большинство населения опасалось королеву — она задевала в душе человека такие струны, которые он сам боялся затрагивать…

Итак, усталая Эл-Ит не спеша подошла к павильону, больше всего желая прилечь, отдохнуть, — а в павильоне на краешке тахты сидел Бен Ата, бледный, мужественный, расставив свои героические ноги в сандалиях, и потрясенно глядел на нее. Как только жена вошла, он поднялся и пошел к ней, причем выражение лица у него было такое, что она тут же поняла: он ее сейчас ударит.

— Ну, и где же ты была, Эл-Ит?

— На фестивале. С женщинами. — Она постаралась сказать это как можно хладнокровнее, удивляясь вопросу. И ее голос подействовал на мужа, как холодная вода на бушующее пламя: кулак, уже поднявшийся было, снова опустился.

— И я должен тебе верить? Интересно, с какой стати?

— А с какой стати тебе *не* верить? — И это было сказано рассудительно, в типичной для нее манере, которую, а ведь всего несколько часов назад Эл-Ит казалось, что она уже навечно потеряла эту свою способность.

Вдруг Бен Ата схватил ее в объятия, зарылся лицом в ее шею, волосы, — он, как Эл-Ит догадалась, вынюхивал, не пахнет ли от нее другим мужчиной, скажем, Джарнти. Но Джарнти, скорее всего, все это время был рядом с ним, небось вместе составляли планы кампании. И Эл-Ит не могла не почувствовать удовлетворения, как от успехов многообещающего ученика. Потому что теперь у Бен Ата хватило простого здравого смысла не только на то, чтобы обнюхать жену, — отгадать, чем она пахнет, как было при их первом знакомстве, — но и на следующее действие: он взял ее за руку, усадил рядом на край тахты и, заглядывая ей в лицо, все еще побелевший и с горящими глазами, сказал:

— Эл-Ит, больше так не поступай! Я безумно беспокоился за тебя!

Эл-Ит в ответ проявила выдержку, не стала напоминать мужу, что в ее стране никому и в голову бы не пришло беспокоиться в таких случаях, хотя ей становилось все труднее вспоминать, как там было, — а еще труднее было вспомнить почему. Ведь она, долго охраняемая своим королевским статусом, даже не отдавала себе отчета, что именно этим и объясняется ее безопасность.

Эл-Ит удалось убедить Бен Ата, что меньше

всего она хотела его испугать, что для нее главное — мир в его душе, — и все это была святая правда, хотя муж мог и не поверить ее словам. Главное, что Эл-Ит — второе «я» Бен Ата — вернулась в это их тенистое и прекрасное убежище, и теперь они останутся наедине. Эл-Ит научилась читать лицо мужа, как открытую книгу, — как будто посмотрела в зеркало и вдруг увидела там его облик, поняв, что они единое целое, — и теперь, разглядывая Бен Ата, она убедилась, что он на самом деле сильно переживал в эту ночь. На лбу отразились следы упорных размышлений, а изгиб рта свидетельствовал о настоящем страдании. Эл-Ит видела, как муж приблизил свое лицо к ней и присматривался к ней, вглядывался в ее глаза, как будто в них была какая-то тайна, исследовать которую он должен по приговору неумолимого судьи. Со вздохом, чуть ли не переходящим в стон, она снова увидела в нем своего товарища по тюремному заключению и все удивлялась: неужели этот нервный, грустный человек — тот самый солдафон Бен Ата? Она обняла мужа, и он тоже обнял ее в ответ. И на этот раз их соитие было для обоих утешением и ободрением. Когда Бен Ата стал нащупывать рукой, где там его ребенок, — который теперь бурно ре-

агировал на их интимный контакт, как бы желая поучаствовать, — его жест выражал уважение и отцовскую ответственность; при этом Эл-Ит, чувствуя осторожность и сдерживаемую силу этих вопрошающих пальцев, знала: муж желает ощутить восторг не только уже знакомый, но и радости еще неизвестные и неожиданные. Это был вызов, иначе и быть не могло в союзе столь несовместимых личностей.

Эл-Ит чувствовала бесконечную любовь к этому человеку, и именно это связывало ее окончательно с женщинами, которых она видела на недавнем церемониале.

Но у нее сердце упало, когда она призналась самой себе, какие узы связывают ее с Бен Ата, — Эл-Ит теперь не могла вспомнить, какие чувства испытывала к своим мужчинам в Зоне Три, но знала, что ничего подобного никогда не было. Ощущение было такое, будто она отказалась от света и воздуха ради уз, которые укреплялись с каждым ее вздохом, врастая в ее плоть.

А когда они наконец вынырнули из взаимного погружения, Эл-Ит столкнулась с новой задачей.

Ей придется предстать в полном параде перед его войсками.

Первым делом Бен Ата пошел с женой в ее

покои и, сосредоточенно нахмурившись, с пристрастием рассмотрел все ее наряды, один за другим, вытащив под конец из шкафа платье из парчовой ткани, великолепное, изысканно украшенное. Выбор он делал бесстрастно, меньше всего думая о ней как о женщине, а только как о королеве своей страны.

И, конечно, как о матери своего наследника.

Пока Эл-Ит примеряла платье, Бен Ата, прислонившись к стене, сложив руки на груди, наблюдал, представляя, как оно должно будет выглядеть на параде. Потом нахмурился и начал осматривать жену со всех сторон. Она не спорила и помалкивала: пусть сам решает. Наконец он кивнул, но глазами показал — надо убрать волосы, распущенные не годятся. Эл-Ит заплела их в косы и уложила вокруг головы. Все же что-то его еще не устраивало, и она пришпилила к волосам квадратик золотистой ткани, и этим простым решением, казалось, еще больше укротила скрученную, стиснутую гриву своих блестящих волос, в которую муж при соитии погружал руки и зарывал лицо, гриву, которая окутывала их обоих, как палатка, навсегда ограждая от остального мира.

Возле павильона среди фонтанов хозяйку ждал Йори, он жевал уздечку, стараясь ее ослабить;

на спине коня, на попонах из золотой ткани, красовалось тяжелое кожаное седло с золотым тиснением. Бен Ата ждал бурных возражений, но Эл-Ит упрекнула его только взглядом: дала понять, что готова терпеть это заточение бедного Йори лишь ради такого случая. Правда, Бен Ата, принявший свою привычную позу — руки скрещены на груди, ноги расставлены, — не ждал, что жена будет бунтовать против неизбежного: он сам не чувствовал неловкости из-за такого ложного положения; и Эл-Ит не стала раздражаться, не проявила агрессии.

Бен Ата поднял жену, посадил в седло, осторожно расправил юбку и разгладил на ней платье, чтобы всем был хорошо виден выпирающий живот.

Он повел коня под уздцы мимо фонтанов, она же приложила руку к шее Йори и пообещала ему, что все эти неудобства и глупый наряд совсем ненадолго.

У подножия холма из стойла выскочил конь Бен Ата, перепрыгнул через каменную ограду и подбежал к хозяину, уже оседланный и взнузданный. Бен Ата взлетел в седло, и оба — король и королева — легким галопом съехали с холма на луг, где маршировали и разворачивались войска,

в сверкании алых, синих, золотых красок на фоне влажной зелени, среди каналов, над которыми поднимался туман.

Как только появились Бен Ата и Эл-Ит, всякое движение на лугу прекратилось, зазвучали фанфары, взлетевшие к губам сотен трубачей, забили барабаны — не менее сотни, и этот гигантский оглушительный бой, от которого дрожала земля, заглушил приятную тихую дробь того барабана, что сопровождал уединение Бен Ата и Эл-Ит, и ко всей этой суматохе и блеску прибавились приветственные крики, которыми встретили августейших супругов, когда они достигли края парадного плаца, причем приветствия не прекращались, пока они не выехали за его пределы, а это произошло не так-то скоро. Солдаты не могли насмотреться на Эл-Ит, королеву легендарной Зоны Три, высящуюся на своем вороном скакуне, который уже давно был воспет в их песнях и сказаниях. Вот, наконец, она явилась на всеобщее обозрение, такая прекрасная в своем золотом платье, и вот доказательство их брака, торжествующе выпирающий живот.

Одобрительные вопли были похожи на бурю, которая проносится над полями и лесами, на дождь, льющий сплошным потоком, на ураган,

налетающий сразу со всех сторон.

А барабаны все били, фанфары трубили:

Конечно, всегда — и неизбежно! — есть разница в том, как изображают различные эпизоды повествования о королеве Зоны Три и короле Зоны Четыре наши и их художники.

Никогда не было недостатка в ученых, стремившихся посвятить свою жизнь анализу той или другой картины или баллады, и я должен признаться, что, хотя сам и не считаю подобное занятие полезным, но всегда старался изучить, как по-разному трактуют эти сюжеты художники наших двух стран. Те сюжеты, которые более популярны у нас, им безразличны, и, естественно, наоборот.

Например, этот сюжет — появление Эл-Ит на параде перед войсками — всегда был любимым в Зоне Четыре. Вполне можно заключить исходя из того, сколько существует больших и малых картин на эту тему, баллад, песен, сказаний, что парад был единственным важным событием за все время супружества. Без преувеличения скажу, что если и висит в Зоне Четыре какая-нибудь картина в каком-нибудь частном доме или общественном здании, то именно на этот сюжет.

И в принципе они не далеки от истины — какая

у них могла быть необходимость искажать или приукрашивать то, что в тот день наблюдали все?

Первым скакал Бен Ата. Как всегда, он был одет не лучше самого простого пехотинца своей армии: кожаная туника, доходившая до середины бедра; сандалии на босу ногу. Сверху — более легкая туника из сверкающего серебром материала: так называемая «непробиваемая» кольчуга. В руке — знаменитый меч, который никто не мог поднять, кроме короля, — так говорится в сказаниях, хотя, конечно, многие из солдат кто посильнее знали, что смогут управиться с ним не хуже, чем Бен Ата. Армии, в которых самое мельчайшее различие в ранге отмечается разного рода галунами, внешними атрибутами и украшениями, такие армии всегда иерархичны в высшей степени, так что простота одежды Бен Ата была тонким расчетом. Прежде всего, она защищала низшие чины. В Зоне Четыре имелось множество людей, так никогда и не повоевавших вдоволь, ибо участие в кампаниях дозировалось, как лишний паек, и максимум, на что они могли рассчитывать — редкое участие в имитации боевых действий и маневрах. Поэтому не удивительно, что, конечно, среди них вечно вспыхивали драки.

Однако каждому солдату, напавшему на другого в темноте, или вовлеченному в драку скажем, в баре, прежде чем в нее ввязаться, приходилось сначала хорошенько подумать: не окажется ли этот незнакомец самим Бен Ата. Это одна сторона дела. Есть и другая: при том, что король так категорично идентифицировал себя с самыми нижними чинами, его гордые, вечно конкурирующие между собой офицеры знали, что он неизмеримо выше их и им не равен, и они в его глазах стоят не больше, чем самый ничтожный из его рекрутов. На Бен Ата постоянно давили, уверяя, что он должен придумать для себя великолепную униформу, но король не соглашался.

Когда Бен Ата скакал перед своими войсками, его внешний вид вызывал бурные эмоции среди народа. Все смотрели на него, на короля, державшегося в седле так прямо и чопорно, на его большие как стволы деревьев загорелые ноги, а он благосклонно взирал на подданных своими серыми глазами.

Позади него на вороном жеребце скакала Эл-Ит, миниатюрная, значительно ниже мужа. Шея ее коня изгибалась под туго натянутыми поводьями. Она сидела боком, потому что была на большом сроке беременности. На некоторых картинах она

изображена уже с ребенком: держит его на руках, причем младенец непропорционально большой, он подавляет мать своими размерами. У Эл-Ит типичное лицо женщины Зоны Четыре: грубоватая здоровая внешность. Она улыбается, одна ее рука поднята ладонью кверху — на ладони стоит маленькая гора — символ Зоны Три.

Понятно, что у нас этот сюжет никогда не был так популярен. Эту сцену вообще долгое время не изображали. И не только потому, что для нас это событие было болезненным и унизительным. Имелась и другая причина. Все мы ощущали в этом сюжете какую-то двойственность, хотя надо учесть, что у нас немногие способны задуматься — не все готовы напрячься и постараться понять, — что значило для Эл-Ит подобное унижение, брак с правителем Зоны Четыре.

Но позже наши самые смелые художники все же рискнули и обратились к этому сюжету — их привлекла именно его трудность.

Вскоре ранние, более примитивные картины перестали пользоваться спросом: на некоторых Эл-Ит изображена даже со связанными руками и цепью вокруг шеи. Но, как правило, художники уделяли основное внимание изображению солдат, а не Эл-Ит, которую уменьшили до жалкой

фигурки всадницы, напоминающей куклу. Зато прекрасно выписаны лица солдат, бурно предающихся животному веселью, предвкушающих настоящий пир. Короче, эти первые картины скорее можно считать карикатурами.

В конечном итоге к изображению этой сцены обратились художники более серьезной школы, и их подход не особенно отличался от обычной трактовки сюжета в Зоне Четыре, — что не лишено юмора, и, конечно, это оценили у нас, правда, не все.

Главным на этих картинах было золотое платье Эл-Ит, — разукрашенный пышный наряд и заплетенные в косы, туго скрученные волосы. Она согнулась под тяжестью платья и украшений. Ее беременность не скрыта, но из нее не делается культа. Черты лица королевы только намечены. Она скачет между рядов солдат, которые изображены очень подробно. Только представьте себе, этот сюжет носит название «Платье Эл-Ит»!

А сейчас появилось еще несколько забавных вариаций этого сюжета, тоже на тему платья Эл-Ит и его приключений, как будто самой Эл-Ит нет в нем!

И все же все эти многочисленные картины никак не смогли передать истинных переживаний

Эл-Ит, когда она скакала позади Бен Ата час за часом, в этой влажной туманной атмосфере, среди грохота и шума, от которых бедная женщина буквально теряла сознание.

Дело в том, что она внимательно наблюдала за Бен Ата. Эл-Ит не улыбалась, не махала рукой солдатам, она знала — от нее этого не требуется, она не более чем символ. Демонстрировать себя должен был Бен Ата, на это работало выражение его лица, глаз. Король Зоны Четыре ничего не упускал. Эл-Ит видела, как он одним взглядом фиксировал все недостатки того подразделения, мимо которого медленно проезжал. Она знала, что у Бен Ата в голове откладывается все, что он заметил, и позже накажет нерадивых командиров.

Она старалась не думать о муже в роли командующего армией, в конце концов, такова была его настоящая задача, цель его существования и его суть, — Бен Ата представитель и лидер этих людей. Это Эл-Ит понимала и уважала, по собственному опыту руководства страной и выполнения своего долга.

Она заметила, наблюдая за Бен Ата, что он абсолютно и во всех отношениях точно ведет свою роль, зная, что от него требуется.

За это она его уважала. И любила его.

Эл-Ит, облаченная в это свое отталкивающее платье, могла сколько угодно в душе сетовать, что перед ней поставлена *почти* непосильная задача, но, очевидно, так было надо, — и она это понимала ничуть не хуже Бен Ата.

В этот влажный пасмурный день, среди тысяч и тысяч солдат Бен Ата, Эл-Ит не чувствовала себя пленницей, когда с одобрением наблюдала за мужем.

Я не думаю, что кто-нибудь из наших художников, певцов, творцов баллад хоть чуточку приблизился к пониманию сути этого сюжета. Откровенно говоря, гораздо ближе к сути те картины Зоны Четыре, на которых ребенок уже родился и иногда даже скачет на своей лошадке перед Бен Ата и Эл-Ит.

Когда парад наконец окончился и всю равнину усеяли отряды, возвращавшиеся назад, в свои лагеря, королю и королеве было далеко добираться до своего павильона, а уже наступил вечер.

Неподалеку оказался старый форт, и теперь они скакали, направляясь туда, бок о бок в полном взаимопонимании.

Бен Ата не испытывал к жене благодарности за ее уступчивость: о какой благодарности может

идти речь, когда это обусловлено необходимостью. Но он знал, как дорого обошелся Эл-Ит этот день. Она побледнела и призналась, что болит голова. Приехав в форт, Бен Ата, прежде чем расседлать своего коня, помог ей снять уздечку и седло с верного Йори. Коней отпустили попастись, Эл-Ит объяснила им, что к утру надо вернуться. Кони ускакали в клубах пыли: они размахивали гривами, и с облегчением ржали, оказавшись на свободе. А потом стали кататься по мягкой траве, хозяева же сидели, наблюдая за ними.

— Ладно, Эл-Ит, можешь ничего не говорить.

— А что тут говорить, — отозвалась она тихо и ожесточенно, — в этом просто нет смысла. Зачем порабощать животных, которые и так, из любви к тебе, сделают все, что надо?

В ответ Бен Ата обхватил ее и простонал что-то вроде извинения, распустил ее волосы, зарылся в них лицом. И так, обнявшись, они просидели некоторое время, пока не замерзли и не поняли, что туман уже поднялся им до пояса. Они вошли в форт. Оба были готовы с радостью, если придется, вытерпеть лишения, даже, пожалуй, приветствовали такую перемену — как контраст восхитительно легкой жизни в уютном пави-

льоне. Этот большой каменный зал, с голым мощеным полом, где через прорехи в крыше сияли звезды, вполне соответствовал их настроению. Они уселись рядышком, в полной тьме, если не считать света звезд, и решили не вспоминать о еде и питье.

В середине ночи они услышали, что кони фыркают и тихонько ржут во дворе форта, вышли их погладить. Было зябко, небо было усыпано сверкающими звездами. Оба уставились на заснеженные горы, закрывающие небо. И вдруг Бен Ата сказал, горячо и печально:

— Я ведь знаю, Эл-Ит, я знаю, ты бы хотела снова оказаться дома, но… — И опять ее обнял, а она приникла к нему.

Разумеется, Эл-Ит знала, что ее пребывание в Зоне Четыре было только временным, и, конечно, мечтала, чтобы оно пришло к концу, но об этом никто давно не заговаривал: о том, что ей придется покинуть мужа. И она заплакала. Ее пронизывали печаль и предчувствие потери.

У нее просто в голове не укладывалось, что расставание действительно произойдет. У нее было такое ощущение, что она уплыла далеко-далеко от того, что когда-то было для нее ясным и понятным, а теперь мечется взад-вперед, пытаясь

преодолеть противоречия в своей душе.

И вот она приникла к мужу, чувствуя, что без него она станет ничем. А он обнимал ее, думая, что без нее от него останется только половина.

С рассветом они вновь сели на своих коней и поскакали к дому; конь Бен Ата был взнуздан и оседлан, тогда как Эл-Ит сидела верхом без седла и уздечки.

Он обещал, что они поездят по его стране, хоть и не по всей, как раз наступил подходящий момент, пока живот еще не стал совсем огромным, а то ей будет неудобно подолгу сидеть на коне.

Оказалось, что эта страна не вся — низменная и сырая. Они очень скоро оставили за собой центральную низменность и поднялись в более сухую поросшую лесом область, по которой, среди полей пахотной, но плохо обработанной земли, там и сям были разбросаны деревеньки: небольшие, бедные.

На полях работали женщины, дети, старики — все молодые мужчины были призваны в армию.

При их появлении работа прекратилась. Гостей не приветствовали, похоже, даже не узнали. Эл-Ит поняла: эти люди даже не поняли, что перед ними их король; мало того, они, скорее всего, просто не знали, что у них теперь, пусть на короткое

время, есть королева.

Все крестьяне были в коричневых грубо сотканных одеждах, их орудия труда были самыми примитивными.

«У нас, — подумала Эл-Ит, — такие остались только в музеях».

Проезжая между лачугами и деревенскими домами, Эл-Ит высматривала, где у них рыночная площадь, где место для собраний, где тут танцуют. Искала глазами амбары, большие магазины, мастерские ремесленников, фабрики.

За последнее время у нее совершенно изгладилось из памяти, как устроен быт в Зоне Три, но от того, что королева увидела сегодня, воспоминания ожили. Она расстроилась, сильно огорчилась, поняв, какой громадный контраст существует между богатством и удобством жизни в ее стране и этой нищетой в ее неприкрытой наготе, которую местные жители даже не замечают.

Вначале она время от времени поглядывала на Бен Ата, — хотела понять, как он воспринимает то, что видит, но по взглядам, которые муж бросал на нее украдкой, Эл-Ит стало ясно: он ждет от нее разъяснений. И она больше не смотрела на Бен Ата, боясь, что он по глазам угадает, что жена заметила, в какой нищете погрязла его страна. Ей

бы не хотелось его ранить. День все тянулся; они ехали через полесье, и здесь почва, насколько она видела, была хорошей и могла приносить урожаи; потом выехали на голое, обдуваемое ветром болотистое пространство в окружении деревень; затем скакали через эти деревни, которые были лишь подобием места проживания — вероятно, годились как убежища для безопасности; к этому времени Эл-Ит совсем опечалилась, и душа ее застыла.

Она спросила, нельзя ли им войти в какой-нибудь дом. В тот момент они как раз въехали в не самую бедную деревню, здесь по крайней мере была сделана хоть какая-то попытка обложить камнями обочины дороги; другие же деревни тонули в лужах грязи или в затвердевшей, изрезанной колеями пыли.

Старуха в толстой бурой юбке и каком-то подобии поношенного кожаного жилета, из которого высовывались морщинистые руки, сидела у порога на древесном пне и встала, когда они направились к ней. Она озадаченно всматривалась в незнакомцев. Казалось, она догадывается, что это люди важные и могущественные, возможно, ее господа, потому что сделала попытку улыбнуться и даже изобразила какое-то подобие

неуклюжего книксена, в процессе чего чуть не упала.

Бен Ата спрыгнул с коня и поддержал ее, сказав:

— Разрешите нам войти в ваш дом, посмотреть, как вы живете?

До сих пор никто не обращался к ней с такой просьбой, они это поняли, потому что старухе пришлось хорошенько подумать над этими словами. Потом она кивнула и вошла впереди гостей в комнату, которая оказалась не слишком маленькой, но явно служила жилищем как минимум для десяти человек, судя по тому, сколько в углу на полу валялось сваленных в кучу шкур и шерстяных одеял, — видимо, сейчас комната была освобождена для дневных занятий. Крыша соломенная, сделанная довольно прочно, но очень безыскусно. Пол вымощен плитками. Над очагом коптились окорока. С потолочных балок свисали гирлянды овощей и трав. Единственная дверь в задней стене вела в кладовку, полную банок и кадок, что говорило о достатке этой семьи, по крайней мере, они не голодали.

В главной комнате было всего две скамейки и стоял ткацкий станок.

Старуха шла за ними, таращилась и неуверенно

улыбалась, то и дело поспешно приглаживая редкие седые волосы, как будто вдруг вспоминала, что так полагается. Потом хозяйка улыбнулась и снова присела в книксене, когда они ее поблагодарили и откланялись. Гости, даже не присев отдохнуть, вышли на улицу, вскочили на коней и поскакали мимо раскрытых дверей домов, откуда на них глазели детишки и старики.

И так прошел весь день. Вечером они оказались в каком-то городке, где жилые дома были получше, и Бен Ата ждал только ее намека, чтобы продемонстрировать жене свою гордость за этот городишко, но она помрачнела, ей было не до улыбок. В городке обнаружилось нечто вроде гостиницы, где путешественники могли в одной большой комнате поесть и провести ночь, сидя на скамьях. Здесь их узнали, и тут же явился весь городок — смотреть и восхищаться. Короля с королевой усадили за один стол с остальными путешественниками и всем подали мясной бульон с хлебом и жареную дичь, соседи по столу от благоговения не могли есть, а после ужина Бен Ата и Эл-Ит поблагодарили горожан и уехали в лес, где провели еще одну ночь без сна, лишь изредка погружаясь в дрему

Бен Ата не спрашивал, о чем она думает, и

Эл-Ит ему не говорила. Но втайне планировала отвезти мужа в свою страну, чтобы он сам смог убедиться: способна ли она акклиматизироваться к здешнему тяжелому безжизненному воздуху, сможет ли он привыкнуть к атмосфере Зоны Три? Да и позволят ли им этот вояж? Как отнесутся Надзирающие к такой перемене? Интересно, приходила ли Бен Ата в голову мысль о поездке в ее страну? Так она сидела, в кольце его рук, под большим деревом, которое они выбрали в качестве убежища, вдыхала запах богатого суглинка вокруг них, и понимала, что в своей стране Бен Ата сможет достичь абсолютно всего, что есть у нее на родине. Если это, конечно, входит в план, задуманный Надзирающими.

И так они ездили по стране несколько дней. Иногда попадались более крупные города, но чаще мелкие, и повсюду жителям предлагалось лишь весьма ограниченное число занятий — и это означало только одно: населенные пункты получают все, что им требуется, из центра. Деревень было очень много. И каждая несла печать нищеты или же была на грани нищеты. Нигде не встречали они юношей или мужчин цветущего возраста, не было видно даже мужчин средних лет. Женщины все были видные, очень сильные,

но при взгляде на них казалось, как будто их в детстве заставили проглотить железо и они его так и не переварили. По глазам стариков было видно, что они давно уже ничего не ждут от жизни. В детях не было ни живости, ни игривости, они наблюдали за взрослыми исподлобья, подозрительно и жестко. Теперь Эл-Ит вспомнила свою страну во всех подробностях, хотя сама мысль о ней вызывала в ее душе боль, ей чуть ли не хотелось снова забыть все это. Ее душу разрывали противоречия, она чувствовала страх, ужасное беспокойство, горе, ощущала в душе надрыв, спорила сама с собой. Кроме всего прочего, Эл-Ит казалось, что подобное состояние объясняется впечатлениями от этой непривлекательной и обедневшей страны, управлять которой будет обречен ребенок, которого она носит в своем чреве, — она думала об этом вяло и равнодушно, и одна мысль об этом отчуждала ее от будущего младенца. Обычно она любила приложить руку к животу и поприветствовать малыша. Ей нравилось ощущать, как он потягивается и проявляет себя. Эл-Ит необходимо было чувствовать, что она дает ему силу и уверенность в себе. Но теперь эта ее дружеская рука медлила, она хотела отстраниться от ребенка, как будто от ее прикос-

новения малыш мог заразиться вредными для него сомнениями. А еще Эл-Ит была абсолютно не способна представить, какое их ждет будущее: туман лежал между нею и грядущим, она не припоминала, чтобы когда-либо в прошлом ей было неведомо грядущее, ведь к нему всегда надо заранее подготовиться.

И Эл-Ит, которая наконец сказала мужу, что повидала достаточно, наскакалась достаточно и готова вернуться «домой» — в их павильон, она имела в виду, а не в свою страну, — была уже совсем не той Эл-Ит, что совсем недавно скакала на параде перед войсками.

Они повернули в сторону центра, низменной части страны, и медленно поехали назад, останавливаясь поесть в городах, где были гостиницы, но ночи проводили неизменно в лесах или в каких-то руинах, в фортах.

Всю дорогу до дома Эл-Ит занимали мысли: что же могло случиться с этой страной, что сделало ее такой, какой она стала и какой предположительно она могла быть в каком-то отдаленном прошлом до того, как война стала ее главным содержанием, — и о том, на какие реформы можно уговорить Бен Ата, чтобы хоть как-то изменить положение дел к лучшему.

А Бен Ата был обеспокоен, рвался вернуться к своим армиям.

Потому что он понял, детально ознакомившись с моральным духом войск в день парада, что им ненадолго хватит смотров, парадов и сигналов вечерней зори, — придется разрешить солдатам что-то вроде военных действий. Иначе недолго он останется в королях.

Кроме того, Бен Ата теперь совершенно точно знал причину молчания Эл-Ит; она просто не могла не дать ему понять, что его страна и в самом деле — очень бедная.

Когда перед королем Зоны Четыре вставала проблема, решить которую было не в его власти и он чувствовал, что задача ему не по плечу, Бен Ата терял уверенность в себе. Не понимал своих целей.

Как раз тогда и начался новый этап в их отношениях.

Впоследствии, оглядываясь назад, оба понимали, что именно во время своего совместного путешествия верхом по стране они были ближе всего друг другу, это была кульминация их брака. Потому что затем он снова занялся своими войсками, а она обнаружила, что востребована женщинами, и теперь проводила больше време-

ни с ними, чем с мужем.

Скоро у королевы родится сын, и не было ни одной женщины в Зоне Четыре, которая не знала бы об участии Эл-Ит в их празднестве, которая не была бы осведомлена о ее приключениях.

Бен Ата приходил каждый вечер поздно, обычно забрызганный грязью, часто усталый. Еду им приносили из лагерной кухни, и, помывшись, он садился ужинать вместе с женой. Он часто был озабочен, но всегда готов ответить, когда она спрашивала о новостях, и всегда готов выслушать ее замечания. Но война — в этом Эл-Ит совсем ничего не понимала, и хотя ей было интересно узнать о подробностях той его жизни, которая была ей чужда, она не могла участвовать в разговоре на равных. Так что чаще всего Бен Ата, приходя домой вечером, просто отмалчивался. Он был готов рано лечь спать, потому что всегда вставал на рассвете. А она в этот период была уже на сносях, ходила с трудом и плохо спала. И все же, завернувшись в одно одеяло на своей тахте, они ощущали дружеское расположение и обоюдный комфорт. Бен Ата нравилось лежать, положив ей на живот свою сильную сухощавую руку, ощущать движения ребенка, а затем поворачивать жену спиной к себе и просто засовывать руку под

изгиб ее живота. Они осторожно совокуплялись. Во время предыдущих беременностей Эл-Ит не позволяла себе так уж увлекаться этим — по крайней мере, так ей теперь вспоминалось. Она, конечно, тогда общалась с отцами, и намного больше, чем сейчас с Бен Ата. Ей казалось, что она все дни проводила в присутствии тех мужчин, которые были отцами ребенка, получала от них моральную поддержку, духовную подпитку и подбадривание, и это совместное пребывание в те периоды жизни было самым главным. Однако подобный подход был настолько чужд Бен Ата, что не имело смысла даже рассказывать ему об этом.

Обычно по утрам Бен Ата умывался, одевался, целовал жену, сказав, что ждет не дождется вечера, чтобы снова оказаться вместе, и быстренько уезжал, а она оставалась лежать свернувшись на тахте, размышляя о женщинах, которые скоро поднимутся сюда из лагерей. С утра до вечера ее ребенок получал подпитку исключительно от женщин: женских разговоров, их любви, их ожидания — почти так же они ожидали рождения своих собственных детей. И такого тоже Эл-Ит не помнила в своей стране. Мало того: в Зоне Четыре рождение ребенка воспринималось как

торжество над какой-то угрозой или даже злом, вроде дикого торжествующего вопля победителя над поверженным врагом. В ее прошлой жизни ее дети — те, кого она родила лично, — воспринимались, пожалуй, как своего рода итог или слияние, как укрепление влияния и традиции. Ребенка, уже рожденного, встречали как дружественный дух, как дар, несущий радость, — но не припоминала она такой страстной необходимости схватить дитя, обладать им, держать в руках и ликовать? Ну, разве что совсем чуть-чуть…

И еще одно, чего не было там: тут ей вообще не давали возможности остаться одной. Хотя в ее стране отцы и женщины, которые будут участвовать в воспитании ребенка и считаться матерями, были всегда поблизости и часто навещали Эл-Ит, она тем не менее помнила, что долгие часы проводила в одиночестве, наедине с ребенком. Но теперь любое такое ее пожелание воспринималось как слабость или малодушие. Может, она загрустила? Или чего-то испугалась? Почему-то все женщины вели себя так, будто это ее первые роды, и Эл-Ит не могла заставить себя рассказать им, какой была ее жизнь в роли матери многих детей, и ее собственных, и сирот, потому что им, жителям Зоны Четыре, этого было

бы не понять, они лишь одно понимали — *это твое, это принадлежит тебе.*

Но ребенка, которого Эл-Ит носила под сердцем, они воспринимали как сына Бен Ата. Не как ее сына. Она выполняла роль канала или сосуда. Для нее слышать это было странно и ужасно, и она каждый день не по одному разу теряла свое шаткое чувство равновесия и начинала думать: а вдруг это я сама ошибаюсь, а они абсолютно правы? Но как они могут быть правы? Это *мое, мое, мое,* — эти слова можно отнести только к физической стороне, к плоти ребенка, но почему никто не думает о высших и тонких влияниях, которые подпитывают каждого ребенка, — абсолютно каждого ребенка? Любой может вылизать ребенка с головы до ног — как будто это щенок или котенок… — какая странная мысль! Откуда она попала ей в голову? Какие странные мысли приходят ей в голову! И любой может вцепиться в ребенка и отмечать его черты: «Носик мой, а рот отца, а вот это от бабушки, а это от дедушки…». Не только в людях, но даже в лошади или в собаке можно проследить наследственность таким образом. Все это прекрасно, конечно, никто не откажется от удовольствия наблюдать в ребенке проявления той или иной черты характера. Но

ведь это и не половина его даже… никто не может, самым определенным образом *не может* сказать о ребенке «мой, мой» или «наш, наш» — имея в виду только биологическое отцовство. Потому что истинное и тонкое, и самое драгоценное в этом новом существе, — оно связано только с… чем-то еще… Таится где-то…

Где же? Мысли Эл-Ит путались, голова кружилась. «Синева… — бормотала она. — Да. Синева… но где же, где?» Обхватив голову руками, она закрывала глаза и пыталась вспомнить… она видела эту бесконечную синеву, лазоревое поле, мерцающее между высокими вершинами. Но где она это видела? И тут она чувствовала чьи-то руки на своих плечах, и ее осторожно трясли. «Эл-Ит, Эл-Ит, что случилось, в чем дело?» И как раз когда она была уже на грани *реального* воспоминания, ее грубо оттаскивали обратно, возвращали в действительность. Вокруг Эл-Ит видела только сочувствующих, ласковых женщин, и Дабиб осторожно поддерживала ее, и все они наперебой восклицали и увещевали, и никак не успокаивались. Болтовня, одна сплошная болтовня… вот и все, что они делали. И все же Эл-Ит их любила и была благодарна за поддержку. Потому что, в конце концов, ей предстоит дать жизнь

ребенку в этой их стране, не своей, и она не знала, как все получится.

Пока Эл-Ит проводила свои дни описанным образом, Бен Ата был безумно занят. Он придумал для своих армий усложненные военные игры и часто навещал солдат, воодушевляя их вдохновенными речами и призывами, которых, однако, уже сам начинал стыдиться. Не раз он бормотал про себя: вот, мол, хорошо Эл-Ит, ей-то не приходится тут крутиться. В остальное время он объездил свою страну вдоль и поперек — и напрямик по бездорожью. Бен Ата хотел понять, какова Зона Четыре в свете его нового восприятия — Эл-Ит одарила его некоторой проницательностью.

Кроме того, некоторые регионы они с Эл-Ит не посетили в той долгой поездке — это уж его стараниями. Потому что хуже, чем там, нигде не может быть. Теперь Бен Ата отчетливо сознавал лишения своего народа и с болью часто думал: интересно, как же может быть устроена жизнь там, в ее зоне? Ведь Эл-Ит молча страдала при виде бедствий его страны. Он не мог даже себе представить, как это — чтобы в стране не было армии! Одна мысль об этом вызывала у него презрение к такой стране — кстати, Бен Ата не сразу понял, что это за чувство. Позже, сообразив, что

при мысли о Зоне Три ощущает холодную неприязнь, такую же, как когда его армии выигрывали сражение у врага, — пусть даже у противника в военной игре, которая была им придумана, — он был вынужден признать, что это чувство называется презрением. И вот сейчас Бен Ата был сбит с толку и внутренне съежился, — потому что это ощущение превосходства подпитывало его энергию. Причем весьма внушительную. Во всех концах своей страны король был известен как человек, который может проводить в седле целые сутки, который способен день и ночь напролет заниматься государственными делами. Его возможности казались почти безграничными. А почему так было? Бен Ата раньше не понимал, но теперь понял: потому что в те времена он жил с ощущением, что втоптал пятой в грязь какого-то врага. В самом деле, неужели в нем пробудилось желание испытать эти чувства в отношении Эл-Ит и ее народа?

Когда ему впервые пришла эта мысль, он ее отверг безоговорочно, но она вернулась, была допущена как рабочая гипотеза и снова отброшена, однако с тех пор возвращалась неумолимо, а сейчас вдруг предстала твердо и непреклонно, — и Бен Ата стало нехорошо. Его затошнило, и голова

пошла кругом. Случилось так, что в этот момент он проезжал через леса, которые не так давно посетил вместе с Эл-Ит, своей второй половиной. А теперь оказался тут один, и ему померещилось, что на темно-зеленой лужайке, где поют птицы, а под ногами богатый суглинок, — он видит себя, Бен Ата, с Эл-Ит. Вот она, в блистающей золотом одежде, с распущенными черными волосами, разговаривает со своим любимым конем, нежно гладя его маленькой гибкой ручкой.

И вдруг Бен Ата почувствовал, что плачет. Ну, это уж просто дурь! Уж не спятил ли он? Но тем не менее король спрыгнул с коня и, спотыкаясь, задыхаясь от слез, проковылял на край поляны к тонкой березке. Бен Ата обхватил ее ствол и зарыдал. Он, рыдая, повторяя: «Эл-Ит, Эл-Ит», и целовал белую кору дерева, как будто жена умерла или насовсем исчезла из его страны.

Но как же без Эл-Ит справиться с этими сумбурными чувствами! Как без нее жить! Бен Ата больше не был самим собой, он уже не воин, не великий солдат. Он превратился в человека, который ненавидит свои собственные внутренние побуждения, наблюдает за чувствами, возникшими в его душе, как за врагами, король Зоны Четыре лишился цели в жизни.

— Эл-Ит! — воззвал он, тоскуя по ней, — и ему пришло в голову, что до нее ехать всего-то день. Ему стоит только развернуть коня и рвануть через поля и канавы, а потом взлететь на холм и прошагать к павильону их любви, где тихо бил барабан, все бил и бил, — и схватить жену в объятия.

Но если он так поступит, он найдет Эл-Ит в окружении, наверное, половины офицерских жен. Наверняка она полулежит в своих покоях, в низком креслице, а непривычный для него большой живот выступает вперед. А рядом пристроилась Дабиб: скорее всего, обмахивает королеву веером, или гладит ей руки, или растирает лодыжки. Эл-Ит, надо полагать, утомлена, возбуждена, раздраженно вертит головой из стороны в сторону, когда кто-то из женщин — может, снова Дабиб? — расчесывает ее великолепные черные локоны, которые он так любит. Вчера Бен Ата наблюдал именно такую сцену. Он вошел в комнату и обнаружил их там. Эл-Ит подняла голову и улыбнулась — как пленник, потерявший надежду на освобождение. Хотя, если разобраться — кто ее лишил свободы? Не он же!

И Бен Ата быстро ретировался из комнаты с поспешными извинениями. Обращенная к нему

дружеская улыбка Дабиб была широкой и обнадеживающей.

Лишенный радости созерцать красоту Эл-Ит, ощущать ее мощный здравый смысл, он подумал о Дабиб, почти так, как если бы она была Эл-Ит. Он представил себе, как выходит из своей палатки-столовой, или, наоборот, входит, скажем, в свою палатку, а на пути встречает улыбающуюся Дабиб. И это воображаемое зрелище принесло Бен Ата поддержку и умиротворение. С улыбкой он оторвался от ствола березы и снова вскочил в седло.

Не станет он спешить, возвращаться к женщинам. Он дальше поскачет через свою страну. Увидит все, что должен увидеть, ничего от него не скроется, и мысленно перед собой будет видеть лицо Эл-Ит как напоминание и критерий истины — то выражение ее лица, каким оно было в их совместной поездке, когда они путешествовали наедине, через леса, и поля, и рощи, когда все ночи проводили в объятиях друг друга, держась за руки. Неужели ему — им — было дано такое счастье? Даже не верится. Потому что теперь при мысли об Эл-Ит перед ним всплывало только ее нынешнее разгоряченное и сильно распухшее лицо, а глаза ее все спрашивали — и спрашивали.

О чем? Разве ей не дали все, что только можно? И в любом случае, как хоть как-то приблизиться к ней, если вокруг вечно толпятся проклятые бабы?

Он набрел на какой-то город, достаточно большой, чтобы содержать гарнизон, и приказал дежурному офицеру по барабанному телеграфу отправить через всю страну в лагерь под холмом сообщение, что король не вернется к ночи. А, может, и завтра тоже — или еще пару дней. С улыбкой он поехал дальше, вспоминая рассказы Эл-Ит, как в Зоне Три пересылают сообщения при помощи деревьев. Да, именно так. В ее стране повсюду росли деревья, способные передать любые сообщения, которые требовалось переслать. Запоздавший путник или любой, кто не смог прибыть домой к назначенному часу, отыскивает такое дерево, которое, как рассказывала Эл-Ит, должно обязательно быть высоким и стройным, с определенным расположением ветвей, и шепчет то, что следует передать, стволу этого существа, — потому что именно так Эл-Ит называла деревья, как будто они наделены сознанием. Так или иначе, но это дерево воспринимает мысли или ощущения отсылающего и передает их на нужное расстояние, каким бы большим оно ни

оказалось, и доводит до сведения мужа или ребенка, в общем, кому там сообщение адресовано. Сама Эл-Ит тоже частенько оказывалась вдали от своего дворца и детей, от сестры (и своих мужиков, само собой, запальчиво выпалил Бен Ата, вдруг почувствовав, что от ревности покраснел и вспотел), и тогда она отыскивала такое дерево и шептала ему то, что считала нужным передать.

Вот и сейчас все его добрые мысли об Эл-Ит утонули в абсолютно непредвиденной злости и беспокойстве, и Бен Ата обнаружил, что сердит на жену.

О да, отношения у них просто замечательные: любовь и доброта, сплошные улыбки и поцелуи, но он все же был один из… — он не мог припомнить, из скольких! Эл-Ит, в ответ на его вопрос — поначалу Бен Ата еще спрашивал такие вещи — о том, сколько у нее всего было мужчин, кто, как часто и каким способом с ней совокуплялся, только смеялась и называла мужа дикарем, варваром, остолопом, — каких только оскорблений она не выдумывала для него. Но теперь это прекратилось. Теперь Эл-Ит была готова свернуться калачиком в его объятиях и лежать, отдыхая. Но что будет дальше — потом? Да что угодно, когда имеешь дело с таким созданием, которое может

стать чем угодно, возможны любые сюрпризы, смотря по тому, как повернется ситуация!

И так Бен Ата бесился от ревности и скорбно продолжал путешествие через свое государство: от одной нищей деревеньки до другой, от городка к городку, постоянно втайне сравнивая их с деревнями и городками Зоны Три, которые он не мог себе даже представить. Ну скажите, какими они должны быть? Что это за городок, в котором даже не имеется гарнизона, нет солдат в барах и тавернах, нет горнов, которые играли бы подъем и отбой? Что же это за деревни, в которых полно мужчин, и они выполняют *женскую работу*, — и тут Бен Ата мысленно услышал смех жены. Эл-Ит смеялась над ним! О да. Да уж, похоже, она всегда смеялась над ним в душе, только скрывала от мужа этот смех. О, она хитра, великая Эл-Ит, в этом нет ни доли сомнения.

Доскакав до очередного городка уже поздно вечером, когда на небе угасал последний свет, Бен Ата помедлил на окраине и посмотрел наверх, на горы.

— Горы Эл-Ит, — пробормотал он, желая ее от всей души.

Именно эти горы сделали ее такой, какая она есть, очаровательная Эл-Ит, — и он представил,

как жена идет к нему, улыбаясь, протягивая руки, — и, изрыгая ругательства, рывком соскочил на землю, приказав проходящему мимо солдату устроить коня на ночлег, а сам ринулся в ближайшую гостиницу. Там он отыскал для себя женщину-солдатку, муж которой был на маневрах, усмотрев в ее лице отдаленное сходство с Эл-Ит того периода, когда она в первый раз приехала к нему, — гибкой, легкой и податливой, а не такой, какой она стала теперь, — враждебной ему, с огромным животом, и уложил в постель эту женщину. Но Бен Ата не смог воспользоваться услугами солдатки так, как привык в прошлом: просто наслаждаться, не думая о партнерше, не воспринимая ее как живую душу. Он начал спрашивать женщину о ее жизни, о детях, спавших в соседней комнате, о муже. И поинтересовался, что она думает о новых маневрах, выяснилось, что она не слишком довольна, потому что это маневры, а не настоящая война, дающая надежды на трофеи. Мало того, во время совокупления Бен Ата пришлось все время следить за собой, чтобы невзначай не назвать солдатку Эл-Ит.

Никогда еще не был он в таком отчаянии. Ни разу в жизни не бывало, чтобы он думал об одной женщине, лежа с другой. И ту ночь Бен Ата

пролежал без сна, держа в объятиях эту простую приветливую женщину. Она сразу уснула, потому что была, как выразилась, вконец измотана — у младшего сына резались зубки. Бен Ата не имел представления, какого возраста должен быть этот ее отпрыск, и боялся выдать свое невежество, спросив. Но ночью у него взмокли ладони, и он понял — это от молока, сочившегося из ее уютных грудей, но почувствовал только раздражение и отвращение. Почему она ему не сказала? Могла бы предупредить. Неужели ее нужда настолько велика, что она согласилась переспать с ним, своим королем, не признавшись сразу, что в ее этих огромных грудях есть молоко… и вдруг сообразил — да просто не сочла нужным! И тут до Бен Ата дошло, что груди Эл-Ит тоже скоро наполнятся молоком и станут влажными в его руках. Ему стало еще неприятнее, и в то же время усилилось желание оказаться с Эл-Ит… так и протекала эта ночь, каждая минута которой приносила Бен Ата новые страдания, и в голову лезли мысли, которые он счел, вероятно, бабскими. Или даже проявлением слабоумия.

А Эл-Ит в это самое время давала жизнь его сыну, новому наследнику по имени Аруси.

Роды в этой стране оказались для нее очень

утомительными. Не слишком тяжелыми и не особенно болезненными, потому что она, в конце концов, стреляная птица, ей не впервой. Но, конечно, Эл-Ит не могла одобрить суету мудрых женщин вокруг нее, их наказы не делать того или этого, а делать то-то и то-то. А когда все закончилось, новорожденного зачем-то передавали с рук на руки всем, кроме матери, как будто она инвалид или каким-либо удивительным образом ослаблена процессом родов, а ведь она от него раньше всегда получала удовлетворение и ей никогда не приходило в голову воспринимать роды по-другому.

Эл-Ит отчетливо помнила, что, когда раньше разрешалась от бремени, всегда уходила с сестрой в свои комнаты, оставив отцов всех вместе — им полагалось поддерживать роженицу своим присутствием и мысленно, — а затем просто приседала на корточки над разложенными мягкими тряпками, и почти сразу выпрыгивал ребенок — на руки Мурти или ей самой в руки. Обе женщины обнимали новорожденного, радовались ему, заворачивали в простыню, а когда появлялся послед, перерезали пуповину. Мурти помогала сестре вымыться и привести себя в порядок, а потом обе они садились рядышком у окна с

младенцем, чтобы представить его небу, горам, солнцу, звездам. Вокруг царила атмосфера веселья и доброжелательности, а ребенок смотрел на них своими глазками, и они его ободряли, держали в руках и гладили. Счастье! Вот как вспоминала Эл-Ит эти события. Благословенное спокойное счастье, и она не могла припомнить ничего другого. А потом, когда оба — мать и ребенок — отдохнули и когда малыш привык к их прикосновениям и их лицам, все трое выходили туда, где ждали их отцы, и это тоже было счастьем. Приходили и другие женщины тоже. Те, кто будет помогать возиться с ребенком. Женщины и мужчины, а потом и остальные дети Эл-Ит собирались все вместе, радовались появлению этого нового создания… вот как это было организовано в ее родной стране.

А тут ничего подобного и близко нет.

У Эл-Ит вызвали раздражение вся эта суета и заботы о ней.

И ни одного мужчины не оказалось поблизости, они, вероятно, и не могли тут оказаться в принципе. Разве правильно для здоровья ребенка родиться при такой скученности женщин? Где же Бен Ата? И тут из лагеря принесли депешу, что он путешествует по стране, находится

далеко отсюда, его не будет еще какое-то время — так передали по барабанному телеграфу. Не их личный барабан, который издавал легкую дробь среди фонтанов. Нет, армейские барабаны… и ни одна женщина не увидела в этом ничего плохого, наоборот, кое-кто, в том числе Дабиб, сказали, что это как раз правильно: мужчинам тут не место, да и времени на них тоже нет.

Эл-Ит больше не старалась понять методы этого варварского государства, — потому что ей все это казалось варварским и грубым, она настаивала, что именно матери надо держать на руках ребенка, — до сих пор эти женщины были искренне убеждены, что им принадлежит право тискать новорожденного и восхищаться. Младенец рассердился и заорал. Эл-Ит не могла припомнить, чтобы кто-то из ее детей когда-либо кричал вскоре после родов. Зачем им кричать? Но эти женщины, казалось, пришли в восторг от того, что Аруси испытывает неприятные ощущения, они считали это доказательством его силы.

Эл-Ит выбралась из кровати — накануне родов для нее специально притащили кровать, — потому что она отказалась рожать на своем брачном ложе, — и взяла на руки младенца, села с ним в кресло, с большой досадой попросив оставить

ее одну. Но даже ее дурное настроение роженицы показалось им чем-то вполне уместным и заслуживающим одобрения. Они обменялись взглядами и кивками, совершенно ошарашив Эл-Ит, которая была уже готова извиниться за свое поведение. Женщины расцвели улыбками и вышли, бросая тоскующие взгляды на нее, сидевшую с младенцем на руках. Ребенок же перестал плакать, но умными глазками оглядывал комнату. Это был прекрасный крепкий мальчонка без всяких изъянов. Дабиб не ушла, но, сообразив, что королева нуждается в покое, занялась совершенно необязательными, с точки зрения Эл-Ит, делами — пеленанием и обмыванием новорожденного.

Эл-Ит нужен был, в сущности, только Бен Ата. Она изнывала от желания его увидеть. Ребенку пришло время познакомиться со своим отцом. Пора ему посидеть на руках отца. Проникнуться мыслями об отце. Поэтому, вероятно, малыш постоянно оглядывался по сторонам — искал, где же папа. Прежде Эл-Ит никогда не испытывала такого томления — отец ее ребенка всегда находился поблизости.

На Эл-Ит нахлынули самые разные эмоции, которые ей очень не понравились и которые она

считала неуместными. Когда Дабиб радостно уговаривала королеву хорошенько выплакаться, чтобы снять напряжение, Эл-Ит пылала негодованием и с трудом держала себя в руках. Когда Дабиб уговаривала ее приложить бедняжку-новорожденного к груди, Эл-Ит отрицательно качала головой — потому что покормить ребенка в ее теперешнем настроении значило бы внести в его душу раздражительность и всякие негативные эмоции.

Но Эл-Ит не хотела сердить или разочаровывать Дабиб, которая проявляла доброту и терпение; конечно, ее не сравнить с родной сестрой, Мурти, но в этом отсталом месте лучшего варианта все равно не найти.

Позже Дабиб взяла на руки ребенка, пока Эл-Ит купалась и переодевалась и убирала волосы по моде этой страны, туго заплетая их в косы. Потом королева заявила, что теперь хотела бы побыть одна до утра. Дабиб вовсе не намерена была уходить и оставлять хозяйку одну, — видимо, сочтя ее желание капризом: бедняжка испытала такой стресс, — но сделала вид, что соглашается, и ушла из павильона на веранду, откуда открывался вид на лагеря, уселась там спиной к колонне. Ночь выдалась теплой, несмотря на ночную влагу. И

Дабиб знала, что ей будет слышно, если Эл-Ит позовет, но вообще-то она собиралась частенько прокрадываться незаметно назад, чтобы убедиться, что все в порядке.

Так она вскоре и сделала. И обнаружила, что Эл-Ит ходит по своим комнатам, поет ребенку песни и разговаривает с ним, — да так странно, что Дабиб стало не по себе. А потом она увидела, что королева согнулась, держа ребенка на коленях, возле окна, из которого открывается вид на высокие горы. Она показывала горы новорожденному! И Дабиб, позабыв о своих обязанностях, сбежала вниз с холма и рассказала об этом другим женщинам.

Когда все необходимое было сделано, когда на снежных пиках уже заиграл золотой и розовый свет зари, Эл-Ит сняла с сына пеленки, собираясь аккуратно обтереть его начисто, как всегда делала раньше, но неожиданно для себя вдруг принялась вылизывать и обнюхивать младенца, как кобыла жеребенка или собака — новорожденных щенков. Бедняжку это сильно поразило и встревожило, но в то же время Эл-Ит почувствовала, что она как бы подпала под влияние любовных чар с этим новым ребенком, и вылизывание его начисто, как это делают животные,

показалось ей самым естественным делом на свете. И малыш, похоже, казалось, тоже так считал, потому что радостно реагировал на близко придвинутое к нему материнское лицо, на прикосновение ее волос, когда она вылизывала все его тело, причем вылизывала довольно энергично, как делают животные, чтобы ускорить ток крови и жизненной силы в детеныше.

И когда все это было сделано, Эл-Ит снова укрыла ребенка пеленками и прижала к себе, и ее сотрясали бурные чувства любви и обладания, — никогда раньше ее не обуревали такие эмоции, и ей стало не по себе. Она вовсе не должна чувствовать такого. Она ослабла от любви и желания обладать этим ребенком, ну просто — как проворковала днем одна из женщин — «так бы и съела его всего».

Ну, это ведь Зона Четыре, у них так принято, и, видимо, тут уж ничего не поделаешь.

Но где же Бен Ата? Где он? Где? Как он мог оставить ее, предать в такой момент? Как он посмел оставить жену и лишить своего ребенка самого необходимого? Да что он за чудовище, — ушел в такой момент, когда она и сын больше всего в нем нуждались?

А Бен Ата в это время скакал назад через всю

страну, абсолютно не довольный во всех отношениях. После ночи с той солдаткой ему еще больше захотелось понять Эл-Ит, которая, как он считал, полна тайн и намеренно утаивает их от мужа. Если бы он в этот момент сумел подыскать точное определение ощущаемой им неловкости, он бы сказал, что не может синхронизировать свои животные побуждения (хотя это слово он бы ни за что не произнес в присутствии самой Эл-Ит), очевидно, воспринимаемые им как источник силы и правоты, с ее умственными способностями, которые, как Бен Ата уже понимал, значительно превосходят его собственные. Но король Зоны Четыре не был способен к анализу, только ощущал, что его терзают противоречия. Случайная связь сегодня ночью позволила Бен Ата понять — хотя бы потому, что он впервые в такой ситуации позволил себе взаимопонимание, — что все время своего ученичества, готовясь к браку, он был, попросту говоря, скотом; а он не привык принимать такие определения на свой счет. Бен Ата осознал, что даже животные производят свое потомство не так бездумно. А ведь он гордился тем, что в армии детей, его собственные отпрыски существовали на равных с детьми офицеров. Бывало, на парадах или на подобных мероприя-

тиях он скользнет взглядом по этим юным лицам и пытается вычленить тех, кто внешне смахивает на него. Он рассчитывал, что эти мальчики станут украшением его армий, — и некоторые из них уже стали молодыми людьми и во всех отношениях оправдывали ожидания короля. Но отцом он не был.

Он даже не предполагал, что возможна другая точка зрения.

Ему казалось, что он всю свою жизнь не понимал собственной природы.

А хуже всего — из речей и намеков той женщины, с которой он расстался на рассвете, — солдатке пора было заняться своими детьми, — Бен Ата во многом стало понятно, что его королевство во всех отношениях беднее и безжалостнее к своему народу, чем он подозревал до сих пор, а недовольство подданных все растет.

А ведь раньше Бен Ата никогда даже в голову не приходило подумать об этом.

Он вел себя так, как привык сызмальства, как вели себя его отец и отец его отца, — в тех вопросах, в которых был компетентен, но все это делалось бездумно.

В свой лагерь у подножия холма Бен Ата вернулся с наступлением сумерек и увидел, что солдаты,

их жены и дети смотрят на него, улыбаются и по всем приметам готовы ликовать. Поскольку у короля было плохое настроение — Бен Ата был сильно недоволен собой, то эти улыбки он воспринял как лицемерие и даже предательство. Никак на них не прореагировав, с сумрачным выражением лица поднялся на холм, думал он только об Эл-Ит и своих намерениях разобраться с женой, подразумевая под этим не давать ей в будущем возможности его надувать. И все же его тянуло к ней — тянуло получить что-то большее, чем то, что он получил вчера от случайной ночной партнерши. О ребенке он вообще не думал.

На веранде, обрамлявшей павильон, Бен Ата увидел женщину с младенцем на руках и устало подумал, что, если хочет остаться наедине с женой, ему сперва придется избавиться от всех этих многочисленных теток. Потом решил, что эта конкретная женщина похожа на Дабиб, и раздражение улеглось: он всерьез был готов провести с ней ночь при первой представившейся возможности, потому что хотел понять и ее тоже. Дабиб почти всегда была с ребенком — или держала младенца на руках, или рядом был другой, постарше; он привык видеть ее в таком сопровождении. Но, подойдя ближе, Бен

Ата на миг остолбенел: ему показалось, что это не Дабиб, а Эл-Ит.

На самом же деле это была именно Дабиб. За последние несколько недель постоянных хлопот вокруг хозяйки она похудела и обрела утонченность. Радость, вызванная рождением младенца, вдохновила ее, она, как и все женщины Зоны Четыре, была убеждена, что этому ребенку суждено каким-то образом спасти их всех, всю страну. И, близко общаясь с Эл-Ит, она восприняла от королевы некоторые благородные побуждения Зоны Три, которая во многих отношениях превосходила ее собственную родину.

Женщина вся светилась. Но когда Бен Ата наклонился, чтобы обнять ее, заглянуть ей в лицо и потребовать — за один сокрушающий момент истины, — чтобы Эл-Ит раскрыла перед ним все, что до сих пор утаивала, он увидел, что ошибся: перед ним была Дабиб. Смутившись еще больше, он обошел ее, не взглянув на ребенка, которого она ему протягивала.

В арочном проеме, ведущем в главную комнату, стояла еще одна женщина, сложив руки на груди. Опять выругавшись в душе, что ему на пути все время попадаются какие-то женщины, бабы, тетки, Бен Ата уже собрался было проскочить мимо,

но тут до него дошло, что это Эл-Ит. Он замер как вкопанный, не найдя слов.

А Эл-Ит выглядела уже отнюдь не лучезарной, в ней даже появилась вульгарность. Ее глаза с недоумением прищурились, разглядывая мужа. От нее несло кровью. Он узнал ее только по блестящим волосам.

— Где ты был? — спросила Эл-Ит таким тоном, каким он никому не позволял разговаривать с собой. В душе у него взметнулся вихрь непрошеных чувств, но от одного подозрения Бен Ата не мог сейчас избавиться: что каким-то магическим образом эта женщина передала свое очарование, свой внутренний свет, свой внутренний огонь этой своей служанке Дабиб.

Потом его осенило, что Эл-Ит больше не грузная и не беременная. И тут, мало-помалу, до Бен Ата стало доходить: да она, должно быть, родила. И, наконец, он понял: тот ребенок, мимо которого он только что промчался, — это его собственный сын.

Всего этого оказалось слишком много, и Бен Ата направился прямо в свои апартаменты, где рухнул за стол, обхватив голову руками.

Сначала Эл-Ит не могла сделать ни шагу. Мысленно она была в своей стране, стараясь сов-

местить свой жизненный опыт с тем, что только что произошло.

Она отводила глаза от Дабиб, которая взглядом подталкивала королеву пойти за мужем и взять с собой ребенка.

Она видела, как Бен Ата сперва подошел к Дабиб с отчаянием, мольбой, сомнением, которые были адресованы ей, Эл-Ит, как она теперь понимала, потому что и раньше очень часто замечала за ним такое. В Зоне Четыре это означало «любовь»: отчаяние, сомнение, неспособность к реализации.

Эл-Ит никогда не чувствовала такой острой жгучей боли, как сейчас. Как будто ей вдруг перекрыли воздух, или как будто толкают вниз с утеса. Она не знала, как понимать это новое для нее поразительное страдание, но у нее закружилась голова. Она резко развернулась и ушла в свои комнаты, и, как Бен Ата, уселась там, опустив голову на руки.

Эл-Ит не понравилось то, что она чувствовала, она не узнавала этих ощущений. Не было конца ее страданиям, ее унижениям в этой мерзкой стране.

У нее сжалось сердце от боли, перехватило дыхание, и ей не захотелось открывать глаза,

потому что когда она их открывала, то комната плыла вокруг нее.

За окнами уже стемнело, и Дабиб внесла ребенка в дом, потому что мальчик проголодался, его пора уже было кормить. Она потянула Эл-Ит за рукав, и мать апатично взяла младенца на руки. Он заплакал. Дабиб ожидала, что Эл-Ит обнажит грудь, но та не стала этого делать. Она боялась, что ощущаемая ею боль отравит ребенка, который и так был лишен пищи — присутствия родного отца, дополнительно подвергнув его дурному влиянию. Эл-Ит не могла сказать это Дабиб, которая в этих вопросах оставалась полной невеждой, несмотря на всю свою доброту. Она встала, с трудом, потому что чувствовала себя больной, и стала прохаживаться, успокаивая сына. Но он продолжал жалобно плакать.

Дабиб все раздумывала, может, сходить к Бен Ата и послать его к жене, но тут он сам появился. Выражение его лица при виде Эл-Ит, прогуливавшейся с ребенком, стало инфантильным. Он был ошеломлен, поражен, ощутил боль — как будто что-то потерял, чего-то внезапно лишился. Но, с другой стороны, Эл-Ит с ребенком на руках явилась для него полным и совершенным воплощением женщины, и Бен Ата подумал — как

прекрасно и как правильно то, что она утомлена, и даже вялость ей сейчас к лицу. Ему не могло бы быть хуже, если бы он подошел ко входу в здание, в котором было все, чего он желал в жизни, остановился, ожидая, что его радостно впустят, а дверь бы вдруг взяли и захлопнули прямо у него перед носом. Бен Ата прислонился к арочному пролету, сложил руки и печально, весь бледный, исхудавший, следил за движениями жены.

Дабиб ничуть не была тронута. Она точно знала, что происходит: оба ревнуют. Это вполне в порядке вещей. Она понимала все естественные проявления природы не хуже, чем Эл-Ит разбиралась в мировом порядке на высшем уровне, и была абсолютно уверена, что скоро все наладится. Когда она сама рожала, ее дорогой муженек каждый раз находил неотразимой какую-нибудь женщину, обычно находившуюся поблизости, — и она тоже ревновала. И для него она с младенцем на руках тоже была совершенным воплощением женщины, и в результате он вел себя как мальчишка. Неужели Эл-Ит сама этого не поймет? Иногда эта великая королева проявляет поразительную недогадливость, хотя она, Дабиб, знает свое место и вовсе не собирается учить госпожу жизни.

Полагаясь на природу, смиренно веря в нее, Дабиб благоразумно пожелала супругам доброй ночи и спустилась вниз по холму, чтобы объявить женщинам, что все в полном порядке.

— Почему ты не смотришь на меня, Эл-Ит?

— Потому что ты нас предал, меня и ребенка! — ответила Эл-Ит своим новым резким голосом, который удивил даже ее саму.

Бен Ата, конечно, поверил, что жена каким-то сверхъестественным образом узнала о его ночном приключении, и тут же у него стал глуповатый вид, так что Эл-Ит — *теперь уже совершенно точно* — определила причину. Потому что давно уже поняла, что у мужа появляется этот застенчивый взгляд, когда он чувствует за собой вину. Теперь он был ей попросту отвратителен, а еще больше Эл-Ит презирала себя саму, за то, что так долго испытывала к этому человеку нежные чувства. Та, какой она была раньше, теперь глубоко пала, и сейчас Эл-Ит не могла постоянно не прислушиваться, бьет ли барабан, — если бы он по каким-то соображениям прекратил бить именно в этот момент, то она просто свистнула бы своего коня и ускакала бы прочь, подальше от этой страны, где клубятся вредные для здоровья туманы.

Бен Ата, со своей стороны, вдруг почувствовал,

что буквально сгорает от стыда, как нашкодивший мальчишка перед учителем, и его это изумило: потому что он вовсе не чувствовал за собой никакой вины. Наоборот, Бен Ата теперь гордился теми новыми познаниями, которые ему удалось обрести, проведя, пусть единожды, ночь с женщиной, как будто та была ему равной.

Слабым, приглушенным голосом Эл-Ит проговорила:

— Твой ребенок… это твой сын…

И тут Бен Ата понял, что у нее на руках и впрямь тот долгожданный наследник, без которого этот их вынужденный брак не имел бы смысла, и его затопила радость. Он не умел выразить свою радость словами, он был готов заключить их обоих в объятия. Бен Ата прошагал через комнату и неловко обхватил руками сразу жену и сына. Он весь сиял. Но ребенок недовольно завопил, а Эл-Ит просто вывернулась и уселась спиной к мужу.

— Понял, — с горечью сказал он, — у вас в стране это делается по-другому.

Она не ответила, но обнажила грудь, и ребенок немедленно пристроился сосать. Наступило молчание. Бен Ата обошел жену, хотя ее спина и должна была отгораживать младенца от него, и,

сияя, наблюдал за процессом кормления. Теперь он ощутил невероятное счастье и просто он не мог поверить, что Эл-Ит всерьез так холодна к нему.

И через несколько минут она вздохнула и, казалось, смягчилась.

— У нас, — объяснила она, — отцы ребенка присутствуют при родах, чтобы приветствовать новорожденного. Чтобы… дать ему подпитку…

Слова «отцы ребенка» прошли незамеченными. Как будто сама атмосфера этой страны лишала их смысла. Но Эл-Ит тут же пожалела, что произнесла их, боясь, что Бен Ата воспримет их как провокацию. Но муж просто не обратил внимания. Он ошарашенно уставился на нее:

— Но, надеюсь, даже в твоей стране ребенка кормит женщина?

— Я не о молоке говорю, — возразила Эл-Ит с таким холодным сарказмом, что даже сама удивилась. — Есть другая подпитка, Бен Ата, — духовная. Можешь не верить. Но этот ребенок — не просто комок плоти.

Кормление шло плохо: гнев, упреки и раздражение накалили атмосферу в комнате, и передались Аруси, — через воздух, через молоко, которое он сосал по каплям, и через тело его матери. Малыш

иногда выпускал ее сосок, чтобы немножко поплакать, и при этом вертелся, чувствуя, что ему неудобно сидеть, и в эти моменты из большой груди Эл-Ит — которую Бен Ата не узнавал и не мог ощутить как свою собственность — брызнули струйки молока, промочившие и так уже пропитанное им синее платье матери. Бен Ата это показалось отталкивающим, но он по-прежнему улыбался и жаждал дружбы Эл-Ит.

— Наверное, вы там все садитесь в кружок, — заявил он с сарказмом, хотя ему на самом деле было интересно, — и наслаждаетесь счастливыми воспоминаниями?

— Ой, как ты мне надоел, — сказала она, — уходи отсюда, хоть к Дабиб!

Его удивили эти слова: он не мог понять, каким образом жена разглядела в его душе эти намерения, — в конце концов, он их внешне вроде бы никак не проявлял. Он даже немного боялся ее, как в самом начале.

Но никуда не ушел. Ненадолго отвернулся и теперь, надувшись, глядел в окно на сплошную массу уже темных гор, которые сегодня казались ему зловещими и враждебными. Слушал сопение младенца, которое через какое-то время прекратилось. Наступила тишина. Наконец Бен Ата

осторожно повернулся и увидел, что Эл-Ит мирно сидит и держит на коленях уснувшего ребенка. Теперь она смотрела на мужа доброжелательно и даже приветливо.

— Подойди, посмотри на сына, — она говорила шепотом.

Бен Ата охотно подошел и встал на колени возле ее кресла, чтобы лицо оказалось на уровне ребенка. Оба улыбались. Она сняла с младенца распашонку, освободила ему ручки и ножки. Родители вдвоем детально рассмотрели тельце ребенка: ручки, ножки, каждый пальчик.

Аруси оказался настоящим крепышом. Судя по всему, он вырастет высоким и крупным. На голове у малыша уже был мягкий клок блестящих каштановых волос.

— Фигура будет твоя, — прошептала Эл-Ит, — но лицом сын пошел в меня, — глаза у него наши, как в нашей стране.

Потом она снова осторожно облачила ребенка в одежду, оставив открытым только личико, и предложила:

— А теперь подержи его на руках.

Бен Ата стиснул зубы от невероятной глобальности задачи, взял маленькое создание на руки и встал, улыбаясь с гордостью, что у него полу-

чилось.

— Теперь пройдись, держа его на руках, — прошептала Эл-Ит, она сама сияла от восхищения, полностью доверяя мужу.

Бен Ата немного походил по комнате, а когда решил, что пора отдать ребенка матери, она сказала:

— Нет, нет, подержи мальчика еще. Думай о нем. Пусть малыш чувствует, что папа тут, с ним.

Бен Ата понял и поступил так, как она сказала. Позже, когда они немного перекусили, — потому что обоим казалось, что они не ели как минимум неделю, — и малыш тоже снова поел, Эл-Ит положила ребенка в общую постель, между родителями, настаивая, что это необходимо в эту ночь.

— Чтобы он узнал нас обоих, — объяснила она.

И так они провели эту ночь, спали крепким здоровым сном, и ребенок между ними, и Эл-Ит почувствовала, что снова возрождается, потому что Аруси наконец получил духовную пищу от своего отца.

И та ночь была просто чудесной для Бен Ата, который почувствовал, что его допустили разделить обычаи Зоны Четыре и ее образ мыслей, к

чему, как он знал, он должен стремиться — ради блага своего народа.

Но следующий день оказался совсем другим. Прежде всего, снова вернулись многочисленные женщины, наводнили все помещение. И, видя, как они многозначительно улыбаются при взглядах на отца, — можно подумать, он совершил Бог весть что невероятное, — Бен Ата задумался о других детях, которых произвел на свет! А потом, Эл-Ит, оставаясь наедине с мужем, желая поделиться с ним радостью материнства, стала не той желанной женщиной, — она была утомленной и взволнованной, и даже опять показалась Бен Ата безобразной, как вначале. И ему пришлось признаться себе: чтобы вновь увидеть жену прекрасной, нужно вспомнить ее во время той памятной поездки через леса, которая теперь уже стала очень далеким прошлым.

И хотя Эл-Ит, казалось, занималась только ребенком — весь день, каждую минуту, — она все время искала мужа глазами: где он, что делает?

А и правда что он делал? Мечтал, как бы поскорее улизнуть. И в полдень Бен Ата все же отправился к своим войскам, а вслед ему несся ее резкий обвиняющий голос — в котором звучал отзвук стыда за себя: Эл-Ит и впрямь было

неудобно, а муж об этом знал и ей сочувствовал.

Кроме того, ему хотелось встретиться с Дабиб. Бен Ата не мог себе это объяснить, да и не старался. Он оправдывался тем, что хочет получить подробный отчет о родах от главной повитухи, но, в сущности, ему было наплевать на то, как проходили роды, по большому-то счету. Он отыскал Дабиб, которая в тот день ни разу не пришла к Эл-Ит, вечером в ее собственном доме. Бен Ата возвращался с военных игр, где он, конечно, был главнокомандующим, а Джарнти поручил заниматься всеми организационными вопросами. Бен Ата и Дабиб, убедившись, что дети спят, — теперь он разделял опасения женщины, ибо ему пришлось ощутить, что такое ответственность и житейский опыт, — сразу кинулись в постель, где оба получили большое удовольствие. Дабиб немного поплакала и попричитала, что она грешница, и более того — что и он такой же, как все мужчины, — но поскольку Бен Ата наслушался подобных упреков за свою жизнь, в том или ином выражении, то он не обратил на это никакого внимания. Сверх всего, он сроду не умел чувствовать себя виноватым, может, в силу врожденной бесчувственности или же из-за отсутствия должного воспитания.

Поэтому утром Бен Ата отправился на маневры, и спокойно смотрел в глаза Джарнти, и отдавал ему приказы как король своему генералу, и не возвращался до вечера. То есть, в общей сложности, его не было два дня. Он предполагал, что Эл-Ит вся изойдет на брань.

Но вместо этого она надела платье, которого муж до сих пор на ней не видел, — из розовой тафты. Волосы она причесала, как степенная женщина, что ему не очень понравилось. Да и выбор платья ему показался неудачным, оно, как ему почудилось, выражает плотское начало, — и в нем Эл-Ит выглядела слишком пухлой. Он догадался, что жена старается быть красивой для него, и это его огорчило, ибо Эл-Ит показалась ему еще более непривлекательной: он считал, что неприлично совокупляться с женой, пока она еще не оправилась от родов. Но, когда ребенка накормили и уложили спать, — не на их брачное ложе, а в колыбель рядом, — он все же овладел Эл-Ит, потому что она стала просто неузнаваемой: эта женщина буквально впивалась в него, она молила, но при этом была агрессивна, и все потому, что чувствовала себя пристыженной.

У Бен Ата возникло ощущение, что Эл-Ит не очень-то его хочет, а все, что она делает, — не из

личной потребности, а просто надо, чтобы муж что-то ей доказал, — ей или себе, Бен Ата точно не знал. Тело жены показалось ему бесчувственным и вялым, и он не мог избавиться от воображаемого зрелища родов: тело Эл-Ит распростерто, раскрыто, а все из-за ребенка, который теперь спит рядом в своей колыбельке, и младенец казался ему в этой прорехе на теле невероятно громадным. И, входя в Эл-Ит, Бен Ата мысленно неотступно видел выталкивающегося наружу ребенка. Это вызвало в нем только ужас. Он этого ребенка просто возненавидел.

При первой же возможности Бен Ата отвернулся и сделал вид, что спит, и тут же действительно уснул, напоследок подумав, что теперь Эл-Ит вызывает у него только жалость. Хочется взять ее на руки, как ребенка, и приласкать. Но, очевидно, ей было нужно совсем другое.

Ее же сжигал стыд. Эл-Ит никогда раньше не позволяла себе такого, просто не была на подобное способна. Она не узнавала себя в этой раздраженной женщине с резким голосом, которая испытывала ревность. Да, Эл-Ит однажды случайно услышала это слово от одной женщины, уж и не помнит, в связи с чем, — ведь часто так бывает: услышишь слово где-нибудь мимоходом,

а потом, в определенный момент оно откроет тебе некую истину, — и поняла, что испытывает именно ревность. А ведь раньше Эл-Ит никогда не ревновала. И даже не подозревала, что такое может быть. Если бы дома ей рассказали о подобном чувстве, она бы просто не поверила.

Все же она оделась так, как никогда до сих пор не одевалась, и даже не чувствовала желания, — и все для того, чтобы привлечь Бен Ата, — так хотелось, чтобы он провел ночь с ней. Чего ради?

Эл-Ит лежала без сна, прислушиваясь к глубокому дыханию мужа и легкому прерывистому дыханию сына, слушала негромкий бой барабана, доносящийся из парка, и желала она только одного. Чтобы он перестал наконец бить и освободил бы ее.

Утром Бен Ата небрежно бросил несколько фраз о Дабиб, которая почему-то не явилась, и Эл-Ит сразу поняла, что произошло. В каком-то смысле она разгневалась: как это несправедливо и нечестно; ее обманули, ей нанесли ущерб, — словом, испытала такую сложную гамму чувств, что другая часть ее души оценила это состояние как безумие. Чувства так разрывали ее, что Эл-Ит даже обрадовалась, когда Бен Ата убрался к своим войскам. А когда появилась Дабиб, королева

поцелуем успокоила ее, что принесло душевное спокойствие им обеим. Эл-Ит просто не могла воспринимать себя в роли тюремщика, обвинителя и собственника.

И, кроме того, она поняла, что была неправа, желая дать своему ребенку то, что в ее стране все дети получают по праву рождения. Здесь Аруси получит питание только для плоти, а остальное — только то, что сможет дать ему мать, *уже* дала, поскольку она родом из Зоны Три. Но мальчик не получит духовной подпитки отцов, это она уже поняла. Ничего тут не поделаешь. И, вероятно, она была неправа, упрекнув в тот первый вечер Бен Ата.

Встречалась она теперь с мужем очень редко. Он проводил в войсках сперва сутки напролет, позже — целые недели. Эл-Ит слышала — но не стала у него выяснять, — что он задумал настоящую войну против Зоны Пять. Если Бен Ата все же появлялся поздним вечером и заваливался к жене в постель, она давала ему понять, что устала, или даже что предпочитает спать на кушетке в своей комнате, из опасения, что у ребенка будет беспокойный сон и он ему помешает. Между ними теперь возникло отчуждение, они чувствовали себя как люди, которых обстоятельства

обрекли на совместное пребывание, но твердо решили соблюдать взаимную вежливость.

Эл-Ит даже было не интересно, пользуется ли Дабиб снова благосклонностью ее мужа. Она решила не думать об этом, потому что бесконечно презирала то существо внутри себя, у которого мог возникнуть подобный интерес.

Мальчик рос здоровым и сильным, и мать уже подумывала об отлучении его от груди.

Именно в это время Эл-Ит увидела сон. Как будто она сексуально возбуждает Аруси. Он был одновременно и маленьким мальчиком, и подростком, и молодым человеком, и сон доставил ей неизмеримое удовольствие и ощущение *правоты*, потому что эти отношения — самые сильные из интимных отношений, какие только можно проявить самым естественным образом. Но одновременно Эл-Ит испытывала во сне сильные сожаления, потому что это действие освобождало сына от нее и он уходил к другим женщинам. И еще она испытала ощущение ответственности, потому что это не был вовсе не позорный проступок, а ритуал и необходимость, одобряемая всеми. Проснувшись, Эл-Ит поняла, насколько огромен контраст между *тем* миром, в котором для женщины было нормально самой знакомить сына

с сексом, и миром *этим*, где такой акт считался невообразимым, ужасным, безнравственным. И Эл-Ит, казалось, что она бесконечно находилась в каком-то промежуточном мире, где ничто не было реальным, ничто не имело смысла.

Когда она увидела Дабиб — та поднималась по холму из лагерей через кусты, хватаясь за их верхние ветки, чтобы ощутить аромат листьев, то на фоне веселой и энергичной основательности этой женщины Эл-Ит показалась себе извращенкой, ей стало стыдно за свой сон, атмосферу которого она никак не могла отбросить.

Эл-Ит сидела на полу на большой красной подушке, а сын лежал рядом на синей и спал. На лице Дабиб, как обычно, сияла ласковая улыбка — она была искренне рада видеть их обоих. Потом, как всегда зоркая, она заметила, что Эл-Ит чем-то озабочена, и, сложив руки на груди, оперлась с озабоченным видом на центральную колонну: вся ее поза говорила об ожидании приказа и готовности услужить своей королеве.

— Дабиб, — обратилась к ней Эл-Ит, — я видела очень тревожный сон.

— Не беспокойтесь, госпожа, — голос Дабиб был, как обычно, успокаивающим, словно у доброй няни.

— Присядь-ка, Дабиб. Боюсь, ты так никогда и не научишься воспринимать меня как друга, все считаешь себя служанкой?

Дабиб присела на краешек брачного ложа, потому что у нее просто не получалось сидеть на полу.

— Представляешь, мне приснилось, что мой сын вырос, будто ему уже около семи лет. И одновременно младенец. И я — в общем, передо мной стоит задача обучить его сексу. — Эл-Ит напряглась, с трудом выговаривая эти слова. Зоне Четыре свойственно такое ханжество…

Но Дабиб, казалось, восприняла ее слова совершенно спокойно, хотя и нервно взглянула на задернутые портьеры арки, ведущей в апартаменты Бен Ата.

Не раз бывало, что он, неожиданно вернувшись домой, работал над своими военными планами.

Бен Ата действительно заметил Дабиб, когда она поднималась по холму, и слышал, что рассказывала ей Эл-Ит. И теперь он возник в арке и облокотился о притолоку, издали глядя на женщин. На лице его застыло отрешенное выражение.

Дабиб, не скрывая намерения исчезнуть, вскочила с тахты, но Эл-Ит кивнула ей, велев сесть

обратно.

— Бен Ата, я видела необычный сон.

— Я это уже слышал.

Бен Ата раздражала дружба жены и любовницы. Он часто сокрушался: надо же было так влипнуть, он вообще-то всегда играл по правилам и соблюдал осторожность. Лучше бы они не были знакомы… не знали бы друг о друге… или пусть бы Эл-Ит устроила сцену и выгнала Дабиб ко всем чертям… да что угодно, только не эта омерзительная женская дружба.

Он обрадовался, когда Дабиб вскочила на ноги и хотела исчезнуть, а равнодушие Эл-Ит — именно так он воспринял ее поведение — казалось ему оскорбительным, неприличным.

И он спросил:

— Ну, Дабиб, что скажешь? У тебя, я вижу, есть ответ!

— Я сама несколько раз видела такой сон, Эл-Ит, — призналась Дабиб, хоть и смущенно.

— Ну-ка, расскажи! — нетерпеливо попросил Бен Ата и покраснел.

Услышав это, Эл-Ит улыбнулась:

— Вот и поймала я тебя, Бен Ата! Значит, не одна я такая извращенная!

— Я же не назвал тебя извращенной. — Он сразу

начал защищаться.

Она засмеялась.

— У меня такие сны бывали с каждым сыном, — а у меня их четверо, — продолжала Дабиб, неловко смеясь. — В первый раз я думала, что спятила, а теперь знаю…

— *Что* знаешь?

— Поговорила с женщинами, оказалось, что все через это прошли. Это снится, когда ребенок еще очень мал, но во сне он может оказаться любого возраста. Обычно лет около семи или двенадцати.

Теперь Бен Ата отошел от арки, ведущей в его апартаменты, прочно задернув на ней портьеры, как бы подчеркивая, где находится граница, и прошелся к аркам, выходящим на лагеря у подножия холма. Там и встал в своей типичной позе: руки заложены за спину, ноги широко расставлены. Весь его вид говорил о том, что он сильно оскорблен, но возражать не намерен, а молча вытерпит.

— Интересно, откуда берутся такие сны?

— Почему вдруг такой вопрос, Эл-Ит?

— Но ведь у тебя, несомненно, в жизни не было подобного опыта, Дабиб, я права?

— Боже, как вы можете такое говорить! Как вы,

должно быть, нас всех *презираете.* — Дабиб не на шутку обиделась.

— Да пошутила я, только и всего.

— Спроси ее, Дабиб, спроси, может, это принято у них в Зоне Три, — посоветовал Бен Ата, все еще стоя к женщинам спиной. Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал добродушно.

Эл-Ит, из жалости к мужу, сказала примиряющим тоном, что пока она не увидела этого сна, ей такая мысль никогда в голову не приходила.

Бен Ата не смог удержать быстрого вздоха облегчения и сменил позу, как будто сбросив с плеч тяжелый груз.

— Надеюсь, ты не вообразил… Ох, Бен Ата, ты меня уже знаешь так давно, а до сих пор способен придумывать про нас самое невообразимое!

— А что тебя удивляет? Я-то не забыл, что ты запросто можешь черт-те что отмочить, и тебе ничуть не будет стыдно, у вас в порядке вещей такое, что я сочту безнравственным. Ну, я-то, понятно, варвар, что с меня взять!

— А ты поверь мне на слово.

Слушая эту перепалку, Дабиб быстро переводила взгляд с одного на другого, как всегда, радуясь, что супруги не ссорятся, а только обмениваются репликами, потому что при их ссорах она очень

огорчалась, подспудно считая себя виноватой. Хотя бы отчасти.

— Смешно слышать от вас эти слова, Эл-Ит, — вмешалась она. — Как раз на прошлой неделе одна наша женщина, у нее не так давно родился первенец, тоже видела этот сон, и она, хоть и очень смущалась, все-таки рассказала его подругам, и не помню кто сказал точно такую же фразу: «Интересно, откуда берутся такие сны?» Мы, конечно, постыдились бы обманывать, да нам подобное и в голову не придет, такое и не выдумаешь, — но эти странные сны видим все.

— Вероятно, это записанный в подсознании опыт далекого прошлого, — предположила Эл-Ит.

— Не хотелось бы мне думать, что такое допускали у нас в зоне, — добродетельно сказала Дабиб. — Боже упаси. Ничего в этом нет хорошего, верно? Даже думать не стоит.

— Не знаю, — ответила Эл-Ит. — Вот это-то меня и заинтересовало. Такой был приятный сон, но дело не в этом: трудно его понять потому, что это было похоже на ритуал. Как будто это долг, мне предписанный… и только сейчас, проснувшись, я сообразила, что это нехорошо.

Бен Ата буквально зарычал:

— Ты бы хоть в присутствии короля постыдилась! Разве можно говорить такие вещи вслух!

— А что такого? У короля ведь тоже была мать! — возразила Эл-Ит, и Бен Ата снова зарычал, а Дабиб запротестовала:

— Ой, госпожа, пожалуйста, не надо.

— Да брось ты, вечно ты меня удивляешь. Вам не понять, но некоторые вещи повергают меня в недоумение. Вот, например, как это так получается, что ваши женщины всегда с удовольствием считают своих мужчин или врагами, или безнадежными идиотами, или инфантильными юношами?

И Дабиб, и Бен Ата молчали; упрямое молчание — излюбленная тактика тех, кто не желает отвечать и хочет сохранить при этом свои позиции.

— Представляю, если я увидела бы такой сон в Зоне Три… Честно скажу, все мы о нем говорили бы, обсуждали, что он может значить, сразу полезли бы в архивы и обратились к историкам, — задействовали бы все резервы. И что-нибудь непременно отыскали бы. Нам бы и в голову не пришло держать его в секрете от мужчин, рассказать только женщинам.

И снова наступило молчание. Потом Бен Ата сказал обиженным хриплым голосом, все еще

стоя к ним спиной: мол, он просит прощения за свою отсталость, но привыкать к таким передовым идеям надо долгое время.

— Пожалуй, я лучше соглашусь, пусть меня считают идиотом и инфантильным юнцом. — С этими словами он обернулся к ним, с улыбкой подошел к тахте, твердо решив улыбаться и проявлять доброжелательность, а не взрываться от раздражения, хотя внутри у него все кипело.

Рассудив, что: «семь бед — один ответ», он даже сел на тахту возле Дабиб, и они весьма гармонично смотрелись рядышком, а Эл-Ит сидела на полу с ребенком и улыбалась им. Все трое были в душе возмущены, но сдерживались.

— Может, этот сон прилетел сюда из Зоны Пять? — вымолвила наконец Дабиб. — Мы все знаем, на что способны те дикари.

— Никогда ничего подобного о них не слышал, — возразил Бен Ата, думая, что у него вообще-то никогда и не было возможности услышать подобное, ибо он интересовался исключительно сражениями и трофеями.

— Но откуда-то этот сон взялся, — настаивала Эл-Ит, — раз он подспудно заложен в головах женщин этой Зоны. Причем такой яркий, что и я теперь, оказавшись тут у вас, тоже увидела этот

распространенный сон. Значит, что он хранится где-то в закоулках и твоего подсознания, Бен Ата.

— Ну уж раз тебе хочется так думать, Эл-Ит…

И все принужденно засмеялись. Момент был непростым для каждого. Бен Ата старался преодолеть свои подозрения: сон просто ерунда, ему было не пережить этого триумвирата — вот они сидят втроем все вместе, с виду так близки и приспособились друг к другу.

А Дабиб понимала, что виновата, но утешала себя тем, что не она инициатор адюльтера, не она добивалась знаков внимания со стороны Бен Ата, и не ей отказывать своему королю. Ну а раз Эл-Ит по-прежнему относится к ней приветливо и доброжелательно, значит, не обвиняет ее ни в чем.

А Эл-Ит охватила ревность. Но не в примитивном смысле. Она чувствовала, что одинока. И увидев их вместе, своего мужа и женщину, к которой он неравнодушен, сидящих напротив нее, со схожими фигурами, похожих друг на друга своей выносливостью и долготерпением, невольно почувствовала, что она тут лишняя, исключена из их компании. Где-то в глубине души Эл-Ит горько плакал ребенок, о существовании которого она до сих пор не подозревала: «О-о, меня не любят, я тут лишняя, они любят друг друга больше, чем

меня».

«Когда я уеду отсюда, — думала Эл-Ит, — Дабиб останется с моим мужем, и я даже буду этому рада, потому что не хочу, чтобы Бен Ата был одиноким. Все правильно, между ними много общего, а я для них обоих чужая…» Сердце королевы терзала тоска. И все же она улыбалась по возможности доброжелательно.

— Эл-Ит, — обратилась к ней Дабиб, — у нас этот сон воспринимают так, что ребенка пора отнимать от груди.

— Вы так толкуете этот сон?

— Да. Если мы еще не отлучили от груди наших мальчиков, то когда матери приснится этот сон, тогда сразу отлучаем. Это значит, что внутренне, хотя ты этого и не знаешь, вы с сыном уже больше не единое целое. Он почувствовал себя мужчиной.

— Отлично, тогда я так и сделаю.

Дабиб поднялась и ушла в покои Эл-Ит, тактично оставив супругов вдвоем. А Бен Ата, немного подождав и бросив одно-два замечания о том, что у сына здоровый вид, извинился и ушел: хватит с него на сегодня этой ужасной нервотрепки. Дабиб, Эл-Ит, опять Эл-Ит, Дабиб — и все снова и снова. И отчасти Бен Ата ушел и потому, что

боялся, вдруг Эл-Ит снова захочет потащить его в постель, а по некоторым причинам он этого совершенно не хотел.

Так что вскоре король Зоны Четыре спустился с холма и попозже, уже ночью потопал к дому Дабиб. К тому времени Бен Ата уже весь издергался, постоянно думая о сне Эл-Ит.

Сон казался ему ужасным и сам по себе, но хуже всего было то, что так легко прозвучало в устах Дабиб: оказывается, этот сон приходит ко всем женщинам. Это прозвучало так, будто все опасности, которые он связывал с Зоной Три, — оказавшиеся в целом улыбчивым предательством, которое невозможно ни исключить из жизни, ни осудить, поскольку более точное суждение о них дают каким-то загадочным образом *Они,* Надзирающие, — как будто эти опасности тут, рядом, заключены в Дабиб, причем от них не избавишься уже никогда. Теперь для него половина населения его собственного королевства, женская половина, оказалась темным опасным болотом, из которого могли выскочить чудовища. И эта опасность вдруг совершенно внезапно предстала перед ним: теперь Бен Ата даже с сожалением вспоминал о своей предыдущей жизни, в которой никогда не задумывался о женщинах

вообще. Он поймал себя на том, что надеется, когда Эл-Ит наконец уедет, обрести свое прежнее состояние ума, вновь стать здравомыслящим, — но боялся, что этого уже не будет.

Дабиб в ту ночь по его просьбе рассказывала о всяких разных женских снах, поверьях, приметах, только вскользь намекая на природу их секретных сборищ, и Бен Ата чувствовал себя рядом с ней невероятно спокойно и комфортно. Хотя вообще-то, обе эти дамы — Эл-Ит и Дабиб — основательно его вымотали! Кто бы мог подумать, что Дабиб, простая солдатка, женщина хоть и красивая, но вполне заурядная, здоровая, пристойная, вдруг окажется таким источником раздражения, как будто на параде ощутил вдруг комочки трав под рубашкой, — и сделать ничего не можешь, остается только улыбаться. Где же ему теперь искать истинную тайну, истинную поддержку, истинное забвение, источником которых его недавно научили считать женщину? Он больше не верил, что ему может встретиться такая женщина, которая не втянет его вдруг в проблемы, не заставит мыслить и углубляться куда-то в историю, в далекое прошлое… «Откуда берется тот или другой сон?» — оказывается, женщины обсуждают между собой такие вопросы,

но никогда не рассказывают мужчинам, о чем думают, чем интересуются. Так размышлял Бен Ата, лежа рядом с Дабиб в эту и другие бессонные ночи, в течение всего того времени, когда между ним и Эл-Ит как будто возникла невидимая преграда.

Эл-Ит тем временем отлучала ребенка от груди, она стала тревожной и вновь ощутила прилив энергии.

В Зоне Четыре ей не хватало деятельности. У себя от мужчин привыкла делать очень многое, чем только не занималась! Здесь она не могла придумать для себя никаких других занятий, кроме обновления гардероба, но тут ей было невозможно развернуться как личности. Эл-Ит начала заказывать новые наряды городским портным, — этим хотя бы стимулируя швейное производство в Зоне Четыре. Она снова стала стройной и пылкой, и ей потребовались наряды, соответствующие этой новой Эл-Ит, — какой она воспринимала себя и какой ее видели женщины, шутившие, что скоро наступит время для очередной беременности.

Но Эл-Ит чувствовала, что второй ребенок — это не то, чего от нее ждут Надзирающие. О нет, она исполнила свое предназначение… и все же

барабан бил безостановочно: а, может, и правда, согласно высшему замыслу, у Бен Ата должен родиться еще один ребенок?

Однажды поздней ночью к ней явился Бен Ата, увидел жену, и его снова потянуло к ней: Эл-Ит ему показалась совершенно незнакомой. И она, конечно, вовсе не отказывала ему и не препятствовала. Наоборот, она почувствовала, что страстно желает его. И это было для нее новым ощущением: Эл-Ит объяснила его тем, что часами ежедневно работает над своей внешностью, примеряя платья того или иного фасона, выгодно подчеркивающие грудь или ноги, или руки, укладывала волосы по-разному под опытным присмотром Дабиб, которая с восторгом помогала королеве обрести прежнюю красоту. Если отдаешь все силы совершенствованию собственной внешности, причем постоянно вдохновляешься одной мыслью — привлечь мужа, — тогда, вероятно, этих усилий достаточно, чтобы вызвать бешеное желание. Все логично: причина и следствие, результат. Сколько затратишь сил — столько и получишь в ответ… так рассуждала Эл-Ит.

А Бен Ата, наслаждаясь красотой жены, тем не менее заметил ей:

— Помнишь, как у нас с тобой все раньше бывало?

— И как же? — спросила она, хотя прекрасно все помнила сама.

— Неужели забыла… — Сейчас ему казалось, что тогда все это происходило у них подолгу, конца было не видно, вспоминалось теперь как потерянный рай. Тогда Эл-Ит была другой — веселой, нежной и смешливой, но в то же время этим отгораживала от благодарного Бен Ата свой мир, который, как он знал, был омрачен неизвестным, трудным, грозил различными опасностями. — Эл-Ит умела быть утонченной и легко, как бы танцуя, переходить от одного удовольствия к другому, до тех пор, пока уже невозможно было оставаться порознь, и тут следовала вспышка, сжигавшая их обоих, а теперь… в каком-то смысле это больше уже не повторялось. Да и как оно могло повториться, если у них были разные подходы к самому акту соития?

— Ну, так как же было у нас тогда? — деловым тоном спросила она. Хотя сама прекрасно все знала.

— Ты тогда была другой.

— А сейчас?

— Теперь — я словно тебя пропахиваю. Да, я

тебя вспахиваю!

— Ну да, — выдохнула она, содрогнувшись. — Кто спорит, ты пашешь. Мне это надо, просто очень. Ты должен это делать. Пойми.

— Да разве я жалуюсь, — добродушно сказал Бен Ата, оценивающе оглядывая ее с головы до ног. — Ты не подумай, что я жалуюсь.

— Как раз пожаловался!

— Создается такое впечатление, будто тебе надо, чтобы я тебя стер в порошок. Чтобы тебя унизили. Ты только лежишь и стонешь, а я… все пашу и пашу.

— Ну да. Ну да. Вот теперь, Бен Ата, я так возбудилась, так… Сейчас просто взорвусь. Мне надо, чтобы ты… меня заполнил. Просто… сделай это. Прямо сейчас. Ты должен. Мне это необходимо.

И он это сделал. Бен Ата входил в нее долго, настойчиво, все глубже и глубже, пока она не застонала и не отключилась под ним.

Но это было совсем не то, что ему помнилось по прошлому опыту, не те волшебные ощущения, которые превосходили все, что он до того в своей жизни испытывал с женщинами, и теперь у него иногда мелькали сомнения, а было ли это вообще.

Но оно было. И именно с ней, с Эл-Ит. Чудесное

взаимопонимание на тонком уровне, касание в ответ на касание, взгляд в ответ на взгляд, каждое желание вызывало ответную реакцию и затрагивало такие струны, которые, как ему казалось, они уже теперь совершенно утратили.

Может ли быть, что эта отчаявшаяся и такая требовательная к нему женщина — та самая смешливая Эл-Ит, которая научила его плотским радостям, о которых до нее он не имел представления?

— Почему мы не можем стать такими, какими были тогда? — все спрашивал и спрашивал он.

— Но ведь тогда я только что приехала *оттуда,* Бен Ата.

— Но ты ведь все-таки оттуда! Или откуда?

— О нет, Бен Ата, я больше не оттуда. Уверяю тебя, я уже не оттуда.

И она уцепилась за мужа обеими руками, как будто тонула и ее мог спасти только он — активными действиями.

У Эл-Ит было такое ощущение, что если Бен Ата сейчас не сотрет ее в порошок, не сокрушит, не собьет с ног, не проникнет в нее глубоко, не снимет с нее напряжение, она просто лопнет, сойдет с ума. А почему — не имела ни малейшего понятия. Это все Зона Четыре! И никуда от нее

не деться.

И тем не менее Эл-Ит все время прислушивалась — не умолк ли барабан, полная надежд, что когда-то же он замолчит, рано или поздно она сможет ускакать обратно в свою страну, снова стать самой собой.

Наступит такой день, барабан смолкнет, и она будет свободна.

Эл-Ит даже представила себе, как, восстановившись в атмосфере прохладного свежего воздуха, обретя свой истинный облик, она сможет потом опять встретиться с Бен Ата, и у них снова будет *всё это,* — именно то, о чем муж вспоминал с таким восхищением.

Но, хоть ее и обуревали эти мысли, Эл-Ит не верилось, что подобное хоть когда-то осуществится.

А потом случилось вот что.

Как-то утром Бен Ата оставил свое войско и поскакал вверх по холму, но не обнаружил Эл-Ит в павильоне и отправился искать жену в парк. И увидел ее там вместе с ребенком на противоположном берегу длинного пруда, на круглой белой платформе-помосте. Его отделяла от них только завеса брызгающей воды, барабанный бой бил Бен Ата в уши. Позади Эл-Ит стеной стояла

вода — это плескали фонтаны овального пруда. В воздухе витал аромат лавров. В лучах солнца блестела влажная зелень парка. Солнечный свет, казалось, лился отовсюду. По всему парку разносилось эхо барабанного боя. И там, в самом центре этого золотого сияния и барабанного боя, находилась Эл-Ит. Аруси лежал рядом с матерью на подстилке из сине-белой ткани. Казалось, от нее самой исходил ослепительный свет. Из-под задравшегося желтого платья виднелись загорелые ноги и тонкие руки. Эл-Ит наклонилась над ребенком, очень сосредоточенная, в этот момент для нее исчез и он, Бен Ата, и весь мир. Он даже не старался ступать потише, но топот его тяжелой солдатской походки заглушался шумом барабана и плеском воды в фонтанах, и Бен Ата сумел приблизиться незамеченным. Он стоял совсем рядом, но Эл-Ит его не замечала. Она сосредоточилась и вся ушла в созерцание сына. Ребенок размахивал крошечными ручками и ножками, довольно ворковал, греясь в лучах материнского обожания. И Бен Ата с горечью в сердце ощутил свою неуместность. Казалось, Аруси излучал радость жизни и любовь. Эл-Ит прикоснулась к его ножкам, обхватила их ладонями и стала поглаживать, водя по ним руками вверх и вниз.

Она всматривалась в личико малыша, для чего наклонялась низко, так пристально, придирчиво, с такой заботой, какой Бен Ата раньше в ней не замечал. Уж на него-то она никогда так не смотрела! Бен Ата стоял там, буквально затаив дыхание, твердо решив понять, что она делает, — потому что знал: ему это необходимо, иначе его буквально задушит ревность. — Эл-Ит стянула с ребенка одежду, оставив его совершенно голым. Он был белокожим, и рядом с энергичной загорелой матерью выглядел медлительным и неуклюжим. И Бен Ата был вынужден неохотно признаться себе: ему была подсознательно неприятна нагота сына. Хотя одновременно, он испытывал и любопытство, источник которого был ему не понятен. Что тут может быть любопытного? Ему казалось, будто его подсознание протестует, говорит нет… мальчик был прекрасно сложен, нормальный здоровый ребенок. Бен Ата внимательно рассмотрел его гениталии, — как он и предполагал, они были копией тех, какими обладал он сам. Но при их виде он почему-то сильно смутился. Зачем это она так обнажила ребенка?

Эл-Ит строгим взглядом придирчиво осмотрела тельце своего сына, пристально, стараясь не пропустить ничего, ни одной складочки или

ямочки… и все поглаживала малыша, и водила вниз и вверх по его ручкам и ножкам. Душа Бен Ата заныла, он остро ощутил свое одиночество… Будет ли она трогать гениталии ребенка? Он в испуге ждал. Но Эл-Ит этого не сделала. Вообще во время этого осмотра мать как будто искала доказательства чего-то, — на этой мысли с удивлением поймал себя Бен Ата. И тут Эл-Ит прижалась лицом к тельцу ребенка и засмеялась, а он схватил мать за волосы, изо всех сил лягался и тоже смеялся. Наблюдая эту идиллическую сцену, Бен Ата сказал себе, что с ним-то она не обращается с такой радостью, не прижимается лицом к его-то животу… он вообразил себе на миг прикосновение ее ресниц к своему телу, и испытал отчаяние пополам с гневом. Но *все же* вспомнил один случай, когда Эл-Ит была такой с ним в постели, — правда, очень давно. Да, это у них было, но, увы, все в прошлом. Сейчас она только и умела, что цепляться за мужа и беспомощно к нему приникать, как бы моля о спасении. Мать перевернула малыша на животик, и тот силился подняться на коленки, но не сумел, а Эл-Ит все продолжала свой долгий ритуал любовного осмотра или служения. Или это было страстью? Она осторожно положила указательный палец

под коленку малыша, как будто отыскивая пульс. Затем осторожно взяла в ладони его маленькие ягодицы. Поцеловала малыша в затылочек. Она поглаживала плечики ребром ладони. И она, словно бы, полностью загородила ребенка от всего мира, словно свою собственность, когда наклонилась над ним: гибкая, смуглая молодая девушка в своем солнечном платье, волосы ее на солнце переливались радугой. И этот крупный бледнокожий младенец, казалось, не имел с ней ничего общего, выглядел самозванцем — и Бен Ата подозревал, что это неправильно, видел какое-то даже извращение в том, что Эл-Ит владела им и обращалась с ним так, как он только что наблюдал… А ведь она до сих пор так и не заметила мужа. Хотя он стоял теперь прямо над ней, и падавшая от него тень доходила почти до края круглой белой платформы. На которой, как теперь ему казалось, он и Эл-Ит совокуплялись сотни раз. Эта каменная кладка была декорацией для их любви, давно, когда-то в прошлом…

И вдруг Аруси, все старавшийся подтянуть под себя коленки, чтобы опереться на них всем своим весом, добился своего — коленки больше не выскальзывали из-под мальчика, они его удержали, и он поднялся на четвереньки, как маленькая

белая собачка, подумал Бен Ата. И задохнулся, переполненный эмоциями. До чего уязвим этот крошка! Ну да, его можно убить, просто схватив и бросив головкой вниз на белый мрамор. Пока он размышлял таким образом, ребенок схватился за волосы Эл-Ит, подтянулся — и встал на ножки. Глаза у Бен Ата покраснели от ярости. Но он взял себя в руки, успокоился и, когда обрел способность видеть, увидел, что Эл-Ит с улыбкой смотрит на него.

Бен Ата ее улыбка показалась наглой. Эта женщина вовсе не чувствовала своей вины! А ведь она столько раз предала его, тысячу раз предала.

Эл-Ит все еще улыбалась теплой затаенной улыбкой, которая, вне всяких сомнений, относилась к малышу, а не к нему, Бен Ата! Она протянула руку, прикоснулась ребром ладони к его колену, как только что дотрагивалась до колена малыша. Бесстыжая, подумал Бен Ата, ощущая это ее прикосновение как удар, воспламенивший его. Эл-Ит улыбалась. Она хотела, чтобы муж сел рядом с ней и ребенком и разделил бы их любовный ритуал. «Да она считает, что ни в чем не виновата и абсолютно права», — с изумлением подумал Бен Ата… И, не обращая никакого внимания на ребенка, он схватил жену в охапку и

поволок было в павильон.

— Бен Ата! — запротестовала она. — А как же малыш, его нельзя тут оставлять.

На ее крики тут же явилась Дабиб. Она выскочила из-за колонн павильона, догадавшись, что ей надо забрать ребенка под свое попечение. На лице Дабиб играла понимающая улыбка: будучи весьма проницательной, она все уже поняла. Бен Ата отвернулся, инстинктивно желая скрыть от чужих глаз свои интимные отношения с Эл-Ит. Но Дабиб знала свое место. Когда король тащит свою законную супругу на брачное ложе, верная служанка должна нацепить соответствующую маску.

В павильоне Бен Ата опустил Эл-Ит на пол. Она весело смеялась. Он тоже засмеялся. Весь его гнев уже прошел, как по волшебству, от прикосновения к легкому теплому сильному телу жены, пока он ее нес в своих руках. Они стояли про обе стороны большой тахты, настороженно следя друг за другом, в веселом противостоянии, как фехтовальщики накануне поединка. Сейчас они были на равных. Равновесие… их соитие теперь настроено на совсем другое, а не на ту любовь, которая совсем недавно реализовывалась как «супружество, освященное узами законного бра-

ка». Легкость, импульсивность… тактичность.

И сегодня все прошло, совсем как «всегда в то время, давным-давно», — как определил для себя Бен Ата.

А потом они заснули и одновременно проснулись в кромешной тьме. Как будто излечившись от какого-то ужасного и неестественного отчуждения, которое долго причиняло им боль, а теперь вдруг ушло, позволив им дышать вместе легко и мирно.

А вокруг стояла тишина.

Слышно было, как в парке плещется вода.

Какая тишина… она их, казалось, заполняла, обволакивала, затягивала в себя.

Тишина была полной: барабан прекратил бить.

Они мгновенно выпрямились, глядя друг на друга, и не то вздохнули, не то застонали:

— О нет, нет, нет, — забормотал Бен Ата, прижимая Эл-Ит к себе.

И она запустила обе руки в его волосы, притянув голову мужа к своей груди, но тут же оттолкнула ее… Все тело ее сотрясали рыдания.

Бен Ата обнял жену и стал ее укачивать. Они укачивали друг друга. Они встали рядом на колени на тахте, опираясь друг на друга и цепляясь

друг за друга, в большом горе. Они взяли в ладони лица друг друга и смотрели друг другу в глаза, как будто там ища объяснения этому неумолимому приговору.

Расстаться именно *теперь*... нет, это невозможно. И именно в эту минуту вошла Дабиб с ребенком на руках, и, кашлянув, тихо сказала:

— Тут сообщение для вас обоих.

При этих словах Бен Ата и Эл-Ит разъединили объятия и сели по разные стороны тахты, уже будучи разделены и зная, что сейчас им скажет Дабиб, не сомневаясь, что этот приговор будет окончательным, что им обоим его не вынести... об этом им сказали частые удары сердец.

И на лице Дабиб тоже было написано потрясение. Она была огорчена за них. И в то же время ее это вдохновляло.

— Кто принес это сообщение, Дабиб? — спросил Бен Ата.

— Какой-то ребенок.

— Он чей, не знаешь?

— Никогда не видела его раньше. И было темно. Я не успела его разглядеть, он сразу сбежал с холма.

Наступило молчание. Они слышали дыхание друг друга, прерывистое от испуга. А Дабиб про-

должала:

— Прежде всего прошу меня простить — за то, что должна вам сообщить.

— Прощаем, Дабиб.

— Госпожа, вам надо вернуться в Зону Три… но вы наверняка уже и сами догадались, потому что барабан умолк.

— Да, это правда.

— А вы, господин, — повернулась Дабиб к Бен Ата, — должны… должны… жениться на той даме, которая управляет страной на востоке от нас. На королеве Зоны Пять.

Эл-Ит соскользнула с кушетки и села, опустив голову на руки, заставляя себя дышать ровно.

— И это все? Что-нибудь еще написано в этом сообщении? — спросила она.

— Не все. Там еще говорится про ребенка — он остается здесь. У нас. Но вы будете видеться с сыном. Ежегодно по шесть месяцев.

Услышав это, Эл-Ит застонала и бросилась лицом вниз на тахту, замолотила себя кулаками по голове.

Бен Ата уставился на вестницу новостей, показавшихся ему в тот момент просто ужасными, хотел с ней заговорить. Но в конце концов лишь беспомощно встряхнул головой, а Дабиб удали-

лась с ней, вся в слезах.

Стало быть, пришло время расстаться.

Всю ночь супруги провели в крепких объятиях, плакали, старались утешить друг друга.

А утром оба напряженно ждали — вдруг опять заговорит барабан, надеясь, что с наступлением света произойдет чудо. Но стояла тишина, слышался только плеск воды.

И вскоре вошла Дабиб с ребенком, передала его Эл-Ит, которая некоторое время, совсем недолго сидела, держа сына на руках, рассматривая его, поглаживая его ручки и ножки; и ее прикосновение и взгляд были хоть и не равнодушные, но уже как будто отсутствующие. Она даже не поцеловала ребенка, просто передала его обратно Дабиб, которая, конечно, горько плакала.

Бен Ата, повернувшись к женщинам спиной, стоял, глядя в окно на свои лагеря.

— Прощай, Бен Ата, — строго, сухо, почти холодно сказала Эл-Ит. И вышла в парк, где ее ждал Йори.

Вот так Эл-Ит и уехала от своего ребенка, от приютившего ее дома и от своего мужа, Бен Ата.

Теперь, возвращаясь верхом на своем любимом коне к высотам Зоны Три, она была уже совсем не той Эл-Ит, которая в последний раз уезжала

по этой дороге от Бен Ата. Эл-Ит даже не вспоминала себя тогдашнюю. Помнила только, что радовалась своему отъезду. Неужели такое было? Да, она уезжала из этой заболоченной страны, с таким облегчением, как будто ее выпустили на свободу из заточения.

Но тогда ее встретили дома как изгнанницу. И теперь Эл-Ит думала только об одном: ее тело стало сплошным сгустком горя, которое она не могла переварить, и ей ничего не стоит соскользнуть с коня в канал и там, не ропща на судьбу и не жалуясь, утонуть. Подняв взгляд к залитым лунным светом горам, покрытым искрящимся снегом, Эл-Ит почувствовала, что у нее никогда не будет сил снова подняться на эту высоту. Что ждет ее в Зоне Три по возвращении? Кажется, вспомнила она, в последний приезд ее никто тут не любил и не ждал; более того, она сама не только не ощущала себя частью этой страны — она казалась себе тут невидимкой. Можно ли теперь вот так просто въехать обратно в свою прежнюю жизнь, как будто всех последних событий никогда и не происходило?

И через какие-то полгода она снова вернется по этой же дороге — и что увидит? Что ее муж женат на той незнакомке — королеве с востока.

Но это просто невозможно. Ни она, ни Бен Ата не могли этого допустить… как он *мог* жениться на той девушке, кто бы она ни была? Ведь сейчас они — Эл-Ит и Бен Ата — связаны такими тесными супружескими узами, что стали единым существом в двух лицах.

И все же он теперь *должен* жениться на ком-то другом, и Аруси, их мальчик, будет расти наполовину сиротой. Но разве такое может быть? Как это допустили? Надзирающие, конечно, ошиблись, неправы в своих суждениях… так здраво рассуждала Эл-Ит, направляя коня шаг за шагом ближе к границе. И то уже хорошо, что на этот раз она не забыла щит. Без него она не смогла бы въехать в свою страну. Ну, ведь она теперь превратилась в обитательницу этой зоны, и не может вспомнить ту Эл-Ит, которая жила в Зоне Три. Но вспомнить надо. Она попробует…

Всю долгую темную ночь едет Эл-Ит, вокруг нее блестят каналы, а впереди мерцают белые пики вершин Зоны Три. Конь несет ее медленно и осторожно. И всю ночь по ее лицу текут слезы.

Такой она изображена на картине. Такой была и в действительности.

Когда Эл-Ит опомнилась, оказалось, что она уже давно едет по территории своей страны. Она толь-

ко теперь вспомнила о правилах безопасности при пересечении границы, но невостребованный щит так и болтался у ее стремени, да и вообще — почему она в седле? Эл-Ит спрыгнула на землю, отшвырнула щит и седло, немного поговорила с Йори, который, подняв голову, принюхивался и тихонько ржал — приветствовал запомнившееся ему место. Она не испытала никаких болезненных ощущений, когда пересекала границу. В свете утренней зари горные пики показались ей родными, а не как вчера вечером — труднопреодолимыми и неприветливыми.

Эл-Ит стояла неподвижно и наблюдала, как светлеет небо, ощущая, что в голове опять неторопливо появляются мысли, о которых она давно позабыла. Она обрадовалась им, как старым друзьям: «Ах, вы тут! Я и забыла про вас! Привет!» От многого она отказалась, когда уехала туда, в низинную страну Бен Ата, — и все же боль по нему не проходила.

Эл-Ит немного побродила по краю степи среди низкорослых кустов и папоротников, и Йори следовал за хозяйкой. Теперь она терпеливо ждала, когда же вернется ее прежняя сущность, когда она вновь обретет себя. Эл-Ит хотела выбросить из памяти, забыть ту глубоко тоскующую женщи-

ну Зоны Четыре. Но происходило что-то совсем другое: вскоре она уже вспоминала свое пребывание в Зоне Четыре спокойно и бесстрастно, как бы со стороны. Она знала об этой стране все, она ее понимала — и видела даже ту Эл-Ит, какой она была в Зоне Четыре. И могла смотреть на нее без отвращения или сожаления.

Эл-Ит снова вскочила на Йори и медленно поехала вперед, в спокойной уверенности, что вернется домой, уже вновь став самой собой и частью своей страны. Она оторвалась от своей зоны и сейчас чувствовала себя сторонним наблюдателем, путешественником, но не частью родной земли.

Понемногу Эл-Ит становилось страшно. Ладно, скоро кто-нибудь встретится, и по их реакции она все поймет… и вскоре так и произошло. Появилась группа всадников с гор, они помахали ей и прокричали приветствия. И ускакали своим путем. Но не назвали ее по имени. Итак, она для них уже не невидимка. Но еще и не Эл-Ит.

Она переехала через перевал, где ей встретилось множество разных людей, но никто не обратился к ней как к Эл-Ит, хотя все приветствовали ее с обычной вежливостью, и она отвечала тем же.

Скача по своей прекрасной стране, Эл-Ит узнавала каждый поворот дороги, каждый промелькнувший мимо горный пик, чувствуя себя легкой, словно сухой лист. Какой-то долей сознания она понимала, что происходит, и обретала смирение, похожее на сдерживаемое горе.

Эл-Ит не рассчитывала, что ее примут назад в ее прежнем статусе. Она чувствовала, что теперь возникла граница между нею и окружающим. Она утратила чувство радостного единения с землей, с лесом и воздухом, которым обладает каждый житель ее родины, вот почему она всегда сразу понимала их и всё, что ей следовало понимать про своих подданных, ведь она и была ими. Но теперь Эл-Ит больше не была и частью Зоны Четыре, и не будет снова уже никогда: что за жизнь ей предстоит — ездить туда на шесть месяцев, знать, что придется вернуться обратно сюда, — и навещать сына и мужа, женатого на этой чужестранке, с которой ей еще придется познакомиться, — нет, даже обдумывая эти перспективы, Эл-Ит понимала, насколько она теперь отдалилась от себя прежней. И теперь она обречена навечно оставаться посторонней, чужой повсюду, куда ни придет.

Добравшись до дворца, Эл-Ит сама отвела коня

на конюшню, и работавшие там мужчины и девушки вначале уставились на нее с сомнением, потом пошептались и снова стали разглядывать подозрительную женщину. Она сильно изменилась, и они не могли ее узнать. Они обрадовались, когда незнакомка оставила им коня и ушла.

Эл-Ит поднялась в свой дворец по большой лестнице, миновала комнаты, где люди жили без нее своей, вполне уютной жизнью, и прошла в свои покои. И сразу поняла, что они ей уже больше не принадлежат. На ее низкой кушетке теперь явно спал кто-то другой. В больших шкафах висели чужие одежды.

Она села в нишу у окна и стала ждать сестру, которая, скорее всего, теперь заняла ее место. И теперь она сестре не нужна.

Вскоре пришла Мурти и ничуть не удивилась — потому что вся эта история, как она была задумана Надзирающими, и не должна вызывать удивления. Но Эл-Ит увидела по тому, как задергалась мышца на лице сестры, что ее приезд создал проблемы для Мурти.

Сестры посидели вместе у окна, понаблюдали за небом, потемневшим к вечеру, и постарались найти общий язык. Но Эл-Ит ничего не могла поведать сестре о своем опыте проживания в

Зоне Четыре.

Теперь она принадлежала той зоне. Так Эл-Ит поняла по реакции сестры, когда сообщила той, что каждые шесть месяцев ей придется уезжать туда, к своей семье… которая ей больше не семья! И так же реагировали все, с кем она встречалась в последние дни. Они узнавали ее как Эл-Ит, свою королеву. Вернее, она была их королевой, — но теперь ее место заняла Мурти. Для подданных она уехала, ее отослали Надзирающие, невидимые правители их жизни, и она уедет снова. Для них она теперь чужая. И в этом Эл-Ит убедилась по тому, как люди смотрели на нее, говорили с ней. Она теперь подолгу стояла перед зеркалом, часами — чтобы уловить в своей внешности перемены, которые говорили всем, что она больше не гражданка своей собственной страны. Но ей-то казалось, что она ничуть не изменилась. Ну, может, чуть-чуть… стала более земной женщиной, что ли? Нет, есть другое слово; оно пришло Эл-Ит в голову, когда она ездила по стране мужа: «приземленный». Это относится к людям тяжелым, не излучающим света, недалеким. В которых не было и в помине легкой теплой живости ума, присущей ее народу. Не тогда ли и она сама стала приземленной? Недалекой? Эл-Ит покружилась

перед зеркалом, оглядывая себя сбоку, сзади. Наклонилась к зеркалу, стараясь увидеть себя словно бы со стороны… разглядеть выражение глаз, когда она расслаблена или сосредоточена… Нет, слово «недалекая» точно к ней не применимо. Но она заметила в себе какую-то угловатость, худобу. Где ее былая улыбчивость и быстрота реакции, — присущие ее народу, который теперь больше не ее народ? Всё ушло безвозвратно.

Мурти, обнаружив сестру у зеркала, сразу поняла, что ее беспокоит, подошла и встала рядом. Обе вместе смотрели на ее отражение.

— Что со мной? — прошептала Эл-Ит, глядя на Мурти глазами, полными слез.

— Ох, Эл-Ит, ты так далеко ушла от нас… слишком далеко. — И это было все, что *могла* сказать Мурти.

Они немного поплакали вместе, в своей оконной нише. Но уже все изменилось. Вскоре Мурти надо было возвращаться к своим обязанностям — прежним обязанностям Эл-Ит. И Эл-Ит знала, что ее не попросят ни снова взвалить их на себя, ни даже разделить.

А что же «мужья»? Ее вторые половинки? Бродя по комнатам своего бывшего дворца, по своим прежним местам конных прогулок, по улицам

своего города, Эл-Ит их встречала, ей радовались, ей рассказывали новости — но какие новости могла в ответ сообщить им?

Если бы ей пришлось рассказать соотечественникам о своем браке с королем-воякой, они бы ей просто не поверили.

Таким образом связи с ними тоже оказались разорваны. Как и связи с «ее» детьми. И Эл-Ит невольно призадумалась, что же означали когда-то эти связи и узы, если теперь кто-то другой занял ее место и по ней вовсе не скучают. Правда, дети сперва искренне ей радовались: «Эл-Ит, Эл-Ит, где ты была все это время?» И толпились вокруг нее.

Но, поскольку она стояла молча, не в состоянии ответить, ибо в голове были только мысли о той темной болезненной связи с Бен Ата и сыном, из которого вырастет — скорее всего — генерал армий Зоны Четыре, дети вскоре потеряли интерес к ней, неподвижной и отчужденной, и вернулись назад, к тем женщинам, своим другим матерям, в том числе и к восхитительной, милой Мурти.

— Я тут не своя! А где же я своя? — в отчаянии шептала Эл-Ит, путаясь в своих воспоминаниях о прошлом. — И все повторяла про себя слова Мурти: «Ты так далеко ушла от нас… слишком

далеко…»

А в один прекрасный день Эл-Ит поднялась на плоские крыши, а с них — вверх по маленькой винтовой лестнице и оказалась высоко, в башне, откуда, разворачиваясь во все стороны, видела снежные вершины своих гор, а вдали — бледно-голубую даль Зоны Два.

Теперь Эл-Ит день за днем ходила сюда, с радостью созерцая эту синеву. А вскоре отправилась в конюшню, забрала верного Йори из компании других животных и, сказав Мурти только одно — что ей не сидится на месте и она хочет попутешествовать в одиночестве какое-то время, — направилась на северо-запад. По дорогам и тропам, по которым, конечно, не раз ездила в прошлом. Мимо мелькали люди, лица которых она узнавала — но они ее, казалось, забыли. Эл-Ит видела деревни, фермы и города, сравнивала их с крайней бедностью страны своего мужа. Вот бы показать их ему! Какое тут изобилие! Какая уверенность во всем! Какие здоровые миролюбивые лица… в памяти Эл-Ит мелькнули бледные от недоедания лица бедняков Зоны Четыре, и в какой-то момент люди, которых она видела вокруг, показались ей откормленными и пустыми.

Ее это поразило и испугало. Разве так можно!

Разумеется, она вовсе не желала своим соотечественникам каких-то лишений, неизбежных в стране, ведущей войны. Чем плохи эти лица — румяные, спокойные, улыбчивые. Неужели она хочет видеть на их домах дырявые тростниковые крыши, хочет, чтобы их дороги, вымощенные и ухоженные, были изрезаны колеями или залиты грязью? Нет, ничего не пожелала бы она им из того, что видела там… но, страстно о чем-то мечтая и стремясь сама не зная куда, Эл-Ит удивлялась, как же так вышло, что эти местные жители, ее народ, вот так, в спокойной сытости, прожили всю свою жизнь, довольствуясь тем малым, что имеют.

Позади остались знакомые ей регионы, конь теперь с трудом продвигался вперед, вверх по крутой заброшенной дороге, к гребню, на котором некогда имелся перевал. Она знала, что тот перевал ведет к горному проходу в голубых горах… Услышав, как Йори задышал медленно и хрипло, Эл-Ит вспомнила, что он уже состарился, и соскользнув на землю, пошла рядом, положив руку на его шею. Конь с любовью обратил к ней взгляд, и интересуясь, что же так гонит его хозяйку, почему она все движется вперед без отдыха. Возможно, он хотел спросить, не пора ли

ему уже пожить на покое, среди друзей, в своей конюшне… Эл-Ит похлопала Йори по шее. Похвалила, назвала своим единственным другом, и так вместе они шли все выше и выше…

Впереди была только синева, одна синева, и вдали тоже проглядывала лишь сплошная синева, но Эл-Ит все надеялась, что по мере приближения синева рассеется. Но этого не произошло. Повсюду сиял мягкий синий свет — в том числе и впереди, где дорога заворачивала за груду камней, и этот голубоватый воздух, казалось, манил их вперед. Там холмы были фиолетового цвета, а растения имели синеватый оттенок. Над поворотом дороги впереди небо казалось синим не только издали: воздух повсюду был синим сам по себе. Деревья окутывал редкий фиолетовый туман.

Такого воздуха, как тут, Эл-Ит никогда не встречала. Она заметила, что и сама дышит так же хрипло, как конь. И мысли потеряли всегдашнюю четкость. Как будто способность мыслить отнял этот синий обман. Но в чем же тут обман?

Эл-Ит осторожно оглянулась. Она твердо знала и помнила, что за этой синевой неизбежно проявится что-то другое, так же, как желтые язычки пламени всегда вырастают из своего основания — синих огоньков. Но пока она видела только

синеву — своими глазами. Возможно, для других глаз, настроенных более тонко, чем у нее, этот мир, через который Эл-Ит продвигалась, проявится, как прыгающий язычок пламени. Многоцветным ярким пламенем, вырастающим из тусклого синего основания… Йори остановился, повесил голову и задрожал. Эл-Ит предложила ему вернуться назад до того места дороги, где он почувствует себя хорошо, вот там пусть ее и дожидается. Она вернется скоро… и смотрела ему вслед, когда Йори повернулся и медленно, неловко побрел назад, благодарный за то, что хозяйка его отпустила, но не умея выразить свою благодарность галопом или легким аллюром. А когда конь скрылся из виду, Эл-Ит продолжила свой путь и вошла в Зону Два. Хотя она, конечно, не знала, в какой момент началась эта зона. Она предполагала, что для перехода из Зоны Три в Зону Два потребуется какой-то щит или другие специальные устройства, однако шла себе и шла безо всякой защиты. Эл-Ит подумала, что она ведь идет не по приказу… что может быть естественней? Почему люди не осмеливаются иногда заходить сюда или даже сделать эту зону частью своей жизни? Почему обитатели Зоны Три живут себе и никогда не задумываются о соседях, с кото-

рыми у них нет даже границы…

Вообще-то Эл-Ит чувствовала себя очень странно… неужели заболела? Вроде нет. Но как-то ей не по себе.

Спотыкаясь, она пробиралась сквозь густой синий воздух и дышала с трудом. Воздух был похож на подсиненное молоко или на… по крайней мере, это был какой-то сжиженный воздух… воздух, близкий к жидкости… со своим весом, с более светлыми и более темными участками… он сворачивался и колебался… приняв вид облака, воздух совершал тысячи прерывистых движений… воздух был… каким же он был?

Эл-Ит упрямо шла вперед.

Она ничего не ощущала. Опомнившись долгое время спустя, женщина увидела, что находится одна на огромной равнине, воздух здесь был таким же синим, но легким и искрящимся. Все здесь было чужим для нее. Эл-Ит не знала эту землю — если вообще можно было считать землей это кристаллическое, но одновременно и жидкое вещество, державшее ее на своей поверхности, хотя оно перемещалось, оползало и противилось ее передвижениям. Эл-Ит никогда раньше не видела этих деревьев, растений, которые скорее напоминали язычки пламени. И ее удивляли эти

небеса, бурно-кипящего розового цвета. Но самое странное — ее не покидало ощущение, что она все-таки знает это место, оно ей знакомо почему-то — здесь она чувствовала себя как дома, хотя ничего тут не узнавала.

Эл-Ит знала, что не надо придавать значения ощущаемым ею вибрациям и колебаниям, это всего лишь реакция организма на непривычные раздражители — вытягивание и сжимание. Она знала, что не стоит полагаться на мысли, которые всплывали у нее в голове, как клочки или обрывки — облака? — все это было порождением чужого ей места. И все же она, Эл-Ит, знала это место. И ждала, что — кто-то, что-то? — за ней придет. Зачем? Объяснить? Предупредить? Дать совет? А может, ей все просто снится?

Эл-Ит осталась на том месте, где оказалась. Хотя теперь и не имело значения, будет ли она сидеть неподвижно или попытается нажать на невидимый барьер или преграду, чтобы ее пропустили… она уже перешла всякие границы, раз уж вообще оказалась здесь.

Но кто-то должен прийти.

Эл-Ит казалось, что вокруг нее, над ней, — всюду были люди, — скорее, даже не люди, а сущности, кто-то невидимый. Она оказалась в

центре какого-то скопления, ее видели, наблюдали за ней, но она никого видеть не могла. Хотя они явно были тут. Она их *почти* увидела. Почти: в тусклой синеве этого разреженного воздуха они казались дрожащими язычками пламени — большими и маленькими, слабыми и сильными, устойчивыми и колеблющимися. В какой-то миг Эл-Ит увидела их — почти. А потом все исчезло, и вновь совсем ничего не было.

Но вот голоса: не правда ли, голоса она слышит? Вернее сказать, слышит лишь шепот, отголоски звука. Это чуть нарушило тишину этой страны, но когда Эл-Ит напряглась, желая расслышать, все звуки как отрезало, и она на какое-то время будто оглохла. А когда напрягла зрение, чтобы увидеть, у нее в глазах потемнело. В конце концов Эл-Ит, измученная усилиями понять то, к чему не была готова, уснула, а когда проснулась, вокруг был совершенно тот же ландшафт, пустой и населенный толпами невидимых сущностей, которые, казалось, толкали ее, шептались о ней. Но теперь Эл-Ит получила знание, которого у нее не было перед тем, как она провалилась в сон.

Ибо во сне ее научили тому, что ей следует знать: «Эл-Ит, Эл-Ит, ты не права, это не твой путь, иди назад, Эл-Ит, ты не можешь прийти к

нам сюда этим путем… уходи, возвращайся туда вниз, иди, иди…»

Эл-Ит собралась, встала и, шатаясь, побрела назад из хрустального воздуха этой равнины с ее бурно кипящими розовыми небесами в густой синий туман, который ее окружал — или охранял — и двинулась вниз, обратно по длинной дороге.

Эл-Ит знала, что должна сюда вернуться по-другому. Подготовившись. Но как?

По мере того, как она спускалась все ниже, ум ее прояснялся, и она вспомнила о своем друге Йори. По какой-то причине у нее больно сжалось сердце. Эл-Ит просто обезумела от беспокойства… мысленно она видела, что он умирает, мертв: конь ждал ее, звал, хотел попрощаться, — и вот за очередным поворотом дороги она вышла из синей страны, свет сменился на обычный, и тут она увидела Йори — он лежал на придорожной траве. Она побежала к нему и успела — он с трудом поднял голову, по-дружески взглянул на хозяйку, мол, прощай, Эл-Ит, — и умер.

Она посидела рядом с ним на теплой чистой траве этого высокогорного перевала. Почувствовав неожиданный порыв ветра, подняла голову, не сомневаясь, что это пролетает орел, — но огромная птица уселась на дереве почти над ее

головой. Оглядевшись, Эл-Ит увидела орлов и других хищных птиц, они расселись на скалах и деревьях и даже на земле.

Подождав, пока остынет тело ее друга, Эл-Ит убедилась, что душа его отлетела, и тогда поднялась на ноги и обратилась к птицам:

— Ну, давайте, забирайте Йори и верните, верните его на нашу землю. — Сказав это, она, не оглядываясь, пошла одна вниз по перевалу.

Когда Эл-Ит добралась туда, где воздух стал мягким, — уже совершенно знакомым воздухом ее страны, — она отыскала небольшой ручеек и уселась на берегу. И вспоминала, как давным-давно — или так ей теперь казалось, — они с Йори вот так же сидели вместе в ожидании у ручья, и у нее заболело сердце. Сердце вообще стало сплошным комком боли, потому что Эл-Ит не переставая думала о Бен Ата, который — как она предполагала — уже обручен и вскоре женится на этой своей новой даме.

А она осталась совсем одна.

Всю ночь Эл-Ит просидела там, изумляясь блеску звездного неба, вспоминая небо Зоны Два, которая так близка, доступна, всего за несколькими поворотами дороги, но там на небе звезд нет вообще, так ей показалось из короткого знаком-

ства. А если звезды там и есть, то совсем другие. Другой формы и облика. Нет, конечно, там должны быть звезды, ведь мы все сделаны из звезд, они нами управляют — пусть Эл-Ит их не увидела, но они должны там быть… Теперь Эл-Ит поняла, что пробыла там довольно долго: она поднималась на перевал вместе с Йори ранней весной, когда повсюду была свежая трава, птицы строили гнезда, а теперь уже наступила зима, травы пожухли, вода в ручье превратилась в лед.

В Зону Два Эл-Ит внесла с собой здравый смысл Зоны Три и, конечно, Зоны Четыре, чьей подданной теперь была. Тем не менее она пыталась понять, оценить — найти подход к тому невероятно утонченному миру, но, увы… Кто скажет, что Эл-Ит могла бы там увидеть, будь у нее другой настрой, будь у нее более тонкая психика? Какими кажутся те бушующие розовые небеса кому-то другому, уроженцу той страны? Возможно, вовсе даже не бурлящей летящей массой пламени пурпурно-перламутрового цвета. А вдруг, то, что она видела, было *именно* звездами, просто ее глаза оказались не настроенными их увидеть! Эти звезды Зоны Два — когда-нибудь Эл-Ит их *все-таки* увидит, так же, как сегодня видит свои, тут, над головой, — дружеские, знакомые звезды

ее собственной жизни, холодные, морозные, огромные, зимние звезды Зоны Три.

И этими своими новыми глазами Эл-Ит вскоре она увидит то мерцающее, холодное пламя, что подпитывается этой синей основой, которую единственную пока она в состоянии воспринять… и она увидит…

Эл-Ит сидела на берегу холодного ручья, под сверкающими звездами, обхватив руками колени, чтобы хоть немного согреться. В конце концов она задремала или впала в транс, и перед ее глазами, на краешках ресниц заплясали призраки и символы, которых она никогда не встречала в жизни. И Эл-Ит казалось, что в этом сне перед ней предстали невидимые сущности Зоны Два — как же много их тут было! И насколько они все разные! И до чего же прекрасные, и какие незнакомые! — она знала их всех, или нет? Казалось, стоит только протянуть к ним руки и попросить: «Это я, Эл-Ит, Эл-Ит, впустите меня к себе…»

Но барьер между ними был прочным, и этим барьером была сама сущность Эл-Ит — топорная, неповоротливая.

Каких только призраков она не насмотрелась в ту ночь! Некоторые показались ей знакомыми, словно Мурти или ее дети. Другие явились прямо

из старых сказок, из песен, из легенд: сказители тоже описывали их так, будто были лично с ними знакомы! А может, и были, думала Эл-Ит, раскачиваясь под звездами взад и вперед, чтобы хоть немного согреться: жгучий холод пронизывал ее до мозга костей. В сказаниях иногда говорится: «И тут явился карлик с огромным горбом… или прекрасная девушка, сотканная из ветра…» — в этом месте слушатели обычно думают, что это такая фигура речи, но на самом деле все эти сказители — или их предшественники — видели все *своими глазами:* и непропорциональных уродливых карликов, которые живут высоко в горах, и представителей расы настолько утонченной, что эти люди легко могут проходить сквозь стены, и таких, которые чувствуют себя как дома в пламени или в потоке ветра… И вот еще что. Пожалуй, эти сущности настолько воплощены в самосознании низших зон, что материализуются при воспоминании о них или когда о них рассказывают сказители — вот и к ней они сейчас явились, словно живые, предстали перед мысленным взором Эл-Ит как воплощенное совершенство, такие далекие, — вот она их видит, но не может дотронуться. Среди них были незнакомые животные из старинных легенд, были и знакомые.

Кто знает, а вдруг, когда Эл-Ит наконец окажется снова в Зоне Два, подготовившись трезво и должным образом, она встретит там своего верного Йори, но уже в ином, измененном облике… так размечталась Эл-Ит в ту холодную ночь, когда сидела сгорбившись, свернувшись в клубочек на заиндевелой траве.

***

И тут я должен сделать отступление и объяснить вам кое-что, — конечно, я не могу говорить только от своего имени, ибо буду выступать и от лица других сказителей тоже. Вот Эл-Ит сидела на траве и видела сны о нас, сказителях, творцах песен, задумывалась — а видим ли мы в действительности то, о чем рассказываем… и что бы мы на это сказали?

А ведь Эл-Ит в тот момент, когда дрожала от холода, обхватив руками колени, а в ее голове толпились причудливые сущности, и сама была сказителем, творцом баллад, летописцем. Скажете, ничего подобного — она же королева. Неужели, по-вашему, каждый из нас, кто называет себя летописцем или творцом песен, королевой или фермером, не может одновременно быть страстным любовником, нежной матерью, другом животных? Мы — это видимое и зримое воплощение целого, которое состоит из отдельных частей. Да, Эл-Ит была королевой почти всю свою жизнь… и сущность Зоны Три выразилась в ней в этом облике… королевы. Но в то же время

она была матерью, другом, любительницей животных. А когда Эл-Ит отправили в Зону Четыре, что в нашем понимании равносильно вторжению Зоны Три туда, там она представляла собой жену Бен Ата, королеву той страны, защитницу Йори, друга Дабиб… Хорошо, но о чем говорят все эти ипостаси, аспекты, проявления? Только об одном: *все мы* в разные моменты жизни есть то, чего от нас потребовала необходимость. Я здесь откровенно рассказываю о том, что было самым главным уроком моей жизни, излагаю истинную суть того, что я познал. Я не только летописец Зоны Три, вернее я летописец лишь отчасти, поскольку разделяю с Эл-Ит ее статус королевы, когда описываю ее. Я вместе с ней становлюсь женщиной (хотя вообще-то я мужчина), когда пишу о ее женственности; то же самое относится и к Дабиб. Я выполняю роль Бен Ата, когда мысленно призываю его и пытаюсь вызвать к жизни его образ. Я… но в данный момент я тот, кто…

И правильно мы, летописцы, боимся, описывая те разделы нашей истории (нашего естества), в которых речь идет о зле, пороке, невежестве, сами приобщиться к этим порокам. Я лично наблюдал это с содроганием. Самые безгрешные поэты начинают писать о безнравственности, о силах зла,

известных им лишь понаслышке, — и те входят в их жизнь. Я утверждаю — ибо лично это видел, сам наблюдал… нет, ни в коем случае нельзя относиться к таким вещам легкомысленно. В этом есть какая-то тайна, мне недоступная: при отсутствии некой инакости или даже — патологии, без ужасной оборотной стороны не срабатывает энергетика в любой области — будь то здоровье, здравый смысл, философия, — просто *не сможет* сработать. И скажу вам более: добродетель — то, что мы в нашей обыденной повседневной жизни называем этим словом: нормальность, приличность — все это ничто, если нет скрытых сил, постоянно ей противодействующих, некоей теневой стороны. Эти скрытые силы сдержанны и умеренны. Я же не стал рассказывать многого о тех аспектах страны Бен Ата, из-за которых ее считают империей зла не только восточные соседи, но и сами местные жители. Просто не хочу об этом говорить. Надеюсь, все мы знаем, до каких крайностей способны довести нужда и лишения: как правило, они порождают подлость, злобу, жестокость, скудость духа… конечно, есть исключения, когда из лишений вырастают сострадание и уступчивость. Бедность народа Бен Ата породила чудовищ, — как того и следовало ожидать.

Мы не знаем, какая сторона темных сил проявилась в нашей Зоне Три. Возможно, летаргия? Застой, который тревожил нас, пока Эл-Ит не освободила нас от него? А что касается Зоны Два — нет, мы не можем даже попытаться ее себе представить. Все же нет сомнений, что и в тех, высших сферах есть своя темная сторона, и кто знает, возможно, очень темная и страшная, хуже, чем можно себе вообразить, на основе нашего ограниченного опыта. Очень высокие зоны должны быть уравновешены наличием очень низких… и даже подпитываться от них, но к этой мысли мне трудно привыкнуть, да и не об этом я собирался рассуждать. Мне такое не по зубам. Я всего лишь скромный летописец, мое дело — зафиксировать события… так что я сейчас сообщаю вам только то, что Эл-Ит видит во сне Зону Два; в этом сне она сама и воплощает Зону Два, пусть даже в очень слабом и приблизительном виде. Когда Эл-Ит вообразила себе безупречных, порожденных огнем сущностей этой зоны, это сразу приблизило ее к ним; а когда она подумала о нас, летописцах, она стала как бы отождествлять себя с нами… Вот и я теперь, комментируя мысли Эл-Ит на эту тему, хочу разъяснить свою собственную мысль: Эл-Ит есть я, я же есть Эл-

Ит, и каждый из нас, где бы он ни находился, представляет собой то, что о себе думает и кем себя воображает. Не больше и не меньше. Мы — тусклое основание для самых прихотливых изысканных язычков разноцветного пламени. Всю ночь Эл-Ит снились люди знакомые и незнакомые, существа реальные и воображаемые. Она видела и не видела какие-то события и явления, которых не пережила в своей жизни.

Утром, сильно тоскуя по Бен Ата и по Йори — но понимая, что тоску эту непременно надо подавить, забыть, уговаривая себя, что неприлично так страдать из-за человека, который вряд ли вообще о ней помнит, — Эл-Ит заставила себя подняться, прошлась, разминая затекшие руки и ноги, и решила отыскать какую-нибудь деревеньку, где можно перекусить.

И по дороге она бормотала:

— Мне надо поискать вот что — песню. Должна же такая найтись. Песни и сказки, их рассказывают, поют, передают из уст в уста…

О, если бы с ней тут был Йори, чтобы не идти пешком…

— Я поскачу, неся свое гремящее сердце, через равнины, — бормотала она. — Вот именно. Мое сердце поскачет, грохоча… да. Вот именно. Мое

сердце…

Когда Эл-Ит добралась до какой-то деревеньки и спросила, нет ли здесь постоялого двора, то в глубине души надеялась, что ее узнают и пригласят в дом, у ворот которого она остановилась. Но бывшую королеву не узнали, приняли за попрошайку — неслыханное дело, встретить такого несчастного: в этой стране людям вообще было непонятно, как человек мог оказаться в состоянии крайней бедности. Эл-Ит дали кусок черствого хлеба и посоветовали заняться делом, предложив на выбор работу на фабрике по огранке драгоценных камней или на складе, где заготавливают на зиму фрукты и орехи. А еще, если у нее хватит сил, — тут хозяйка дома критически оглядела худую и плохо одетую нищенку, сомневаясь, подойдет ли она в батрачки, — можно ухаживать за лошадьми и коровами.

Эл-Ит предпочла работать с животными: она чистила их, кормила, выгуливала вдоль полей по тропинкам.

Временно поселившись в деревне, она с надеждой и радостью ждала вызова в Зону Четыре. Потому что с момента отъезда оттуда уже прошло шесть месяцев.

Эл-Ит знала, что тем или иным способом ей обя-

зательно дадут знать, что время пришло, так что нет необходимости что-то делать самой, остается только ждать и быть наготове.

***

А теперь вернемся на полгода назад, к тому моменту, когда Бен Ата оказался один в павильоне, где они с Эл-Ит так любили друг друга. Получив приказ, она ускакала, не оборачиваясь, — хотя слезы струились по ее лицу.

Бен Ата был не так одинок, как Эл-Ит: у него была Дабиб, к тому же Надзирающие оставили ему маленького сына.

Дабиб внесла в комнату Аруси, Бен Ата положил ребенка на тахту, немного поиграл с ним, даже вполне сознательно стараясь воспроизвести манеры Эл-Ит, хотя не умел ощутить те радость и понимание, свидетелем которых оказался во время суеты у фонтана. В его душе была только жалость, потребность защищать малыша. Но, к счастью, рядом была Дабиб, которая в полном смысле слова заменила ребенку мать. Аруси не должен почувствовать отсутствия родной матери, ни в коем случае… так решил Бен Ата, когда взял своей огромной ладонью крошечную ножку. Он наклонился, всмотрелся в лицо сынишки, в его глазенки, которые, как определила Эл-Ит, бы-

ли «глазами Зоны Три». И в самом деле с личика сына на него смотрели глаза Эл-Ит, но в них не светилась ее душа. Поняв это, Бен Ата ощутил равнодушие к ребенку. Внезапно осиротевший, каждой клеточкой своего тела он чувствовал, что Эл-Ит увезла с собой половину его души. Где взять силы и мужества, чтобы выполнить очередной приказ Надзирающих?

Хорошенькое дело — жениться на королеве Зоны Пять, этой варварской и отсталой страны! Что от него требуется? Где ее полагается поселить? Она сама прибудет сюда? Или ему снова придется посылать солдат, чтобы они доставили сюда недовольную и злобную женщину, вынужденную разделить его жизнь? Разделить с ним постель, по крайней мере. А ведь сколько ему пришлось приложить усилий, чтобы приспособиться к великой королеве Зоны Три! В той борьбе он практически обессилел! И как раз сейчас, когда у них с Эл-Ит как будто наступило в отношениях какое-то равновесие, возникло взаимопонимание, которое исключало его жестокость к жене (теперь Бен Ата осознал, что и через это они с ней прошли) и ее звериную жадную потребность в нем, — потому что он был просто не в состоянии совместить такое потребительское, как ему казалось, отно-

шение с нежными чувствами, — так вот, именно сейчас, едва лишь наступило равновесие в их отношениях, а главное — в акте совокупления, которое теперь опять стало чудом деликатности и страсти одновременно, она уехала. И все, конец.

Теперь Бен Ата казалось, что он хотел лишь одного — и сейчас, и тогда, и всегда — просто сидеть возле Эл-Ит, держать ее лицо в своих ладонях, смотреть в глаза жены, в которых было все, что он считал необходимым постичь, наконец… в глаза, которые научили его всему, а не в эти бессмысленные детские глазенки.

Дабиб держалась поблизости, чтобы вовремя уловить, что от нее потребуется. Почувствовав настроение короля, она подошла и забрала у него ребенка. Она смотрела на него по-дружески, молча обещая, что на нее он может положиться во всем и всегда.

Потому что Дабиб его любила, да, по-настоящему. И Бен Ата это знал. В каком-то смысле она была ему женой.

А как же ее законный супруг Джарнти? Неужели он отнял у своего лучшего генерала жену? До появления Эл-Ит такие мысли были бы невозможны для Бен Ата. Он не сидел бы часами в бездействии на краю неубранной постели, от

которой исходил одурманивающий запах кожи и волос Эл-Ит, размышляя, что такое жена, что такое муж… что *значат эти слова?* Надо же, как он изменился, превратившись из жестокого солдата, похотливого варвара — именно так он себя теперь оценивал, — не задумываясь, хватавшим какую-нибудь несчастную бабенку, чтобы ее поиметь и никогда больше о ней не вспоминать, и в человека *женатого.* И все это благодаря Эл-Ит. А сейчас он проводит ночь с Дабиб, женой Джарнти, которая его любила и полюбила его маленького сынишку не меньше, чем своих родных детей, — детей Джарнти. До чего же все сложно. И зачем ему надо *жениться на королеве Зоны Пять?* Здесь была какая-то тайна, слишком много тайн. Бен Ата не в силах был это все уразуметь. Будь рядом Эл-Ит, он бы ее об этом спросил, и она бы засмеялась и облила бы его презрением, а потом бы объяснила, если не словами, то глазами и телом.

Ох, Бен Ата измучился до глубины души, был растерян и опустошен. Пока он предавался горестным раздумьям, Дабиб уложила ребенка спать, принесла Бен Ата ужин с солдатской кухни, поставила тарелку перед ним и встала рядышком, сложив на груди руки. Ему было стыдно прояв-

лять слабость в ее присутствии.

— Что же мне делать, Дабиб? — спросил он ее, и она ответила:

— Надзирающие подсказали тебе, в прошлый раз, с Эл-Ит, они и сейчас обязательно подскажут. Жди и наблюдай.

Она осталась с ребенком на всю ночь в покоях Эл-Ит, пока Бен Ата в тоске бродил по комнатам, и так продолжалось несколько дней. Мысленно он был с женой, размышляя о том, как ее встретили в родной стране, и, конечно, думал о ее «мужчинах» и «мужьях», которые, несомненно, предъявят на нее свои права. И все же к Дабиб он так и не подошел. Они втроем, вместе с Аруси, жили в павильоне и ждали указаний. Которые все не приходили.

А военные действия между тем вовсю разворачивались: пришла депеша от Джарнти, что обстановка на границе с Зоной Пять требует его присутствия.

Бормоча, что, видимо, он только на это и пригоден, Бен Ата облачился в свое солдатское обмундирование и поскакал к границе.

Но все он делал без души, по обязанности. По дороге король смотрел на бедные деревеньки и унылые города и все думал, как бы изменить

страну к лучшему.

Прибыв в лагерь, разбитый вдоль границы, Бен Ата для порядка устроил смотр войскам и удалился в свою палатку. Отличная была у него палатка: ослепительно белая, расшитая золотом; с двумя отсеками — в одном он спал, а в другом — в импровизированной гостиной — стояли письменный стол, хорошее крепкое кресло, которое сопровождало его уже во множестве кампаний, и сундук. У входа не было охраны: Бен Ата гордился тем, что может обойтись без оной.

Поздней ночью он облачился в черный плащ, известный всем как одеяние короля, — он даже пошутил как-то в разговоре с Джарнти, что честь отдают не ему, а плащу, — и отправился в одиночестве бродить по лагерю. Ряды солдатских палаток казались бесконечными: они покрывали длинный высокий гребень, нависший над границей враждебных соседей. Часовые один за другим замирали и бдительно присматривались, а затем, узнав короля, вытягивались во фрунт и замирали, пока он не пройдет. Конца не было этому лагерю… сколько же человек спит тут, сейчас, готовых к бою, который, по всей видимости, должен был состояться завтра, хотя Бен Ата убей не мог вспомнить почему.

Из-за чего вообще, собственно, разгорелась эта конкретная война? Ах да, конечно, спорная территория: она тянется от этого гребня до вон того, на котором что-то темнеет — как будто скопление мух. Солдаты Зоны Пять не ночевали в уютных палатках, они завернулись в плащи — сделанные, кстати, из звериных шкур. Им не готовили нормальную солдатскую на походной кухне, а вместо этого вручали мешочки с сухофруктами и сушеным мясом. Бен Ата поймал себя на том, что завидует их командующему: он не заморачивается заботами о подвозе провианта, о полевой кухне; и у них нет там всей этой кутерьмы — устанавливать и разбирать палатку, регулярно кормить солдат и мыть алюминиевые миски трижды в день… Но все это чушь, жители Зоны Пять — настоящие варвары, какая у них может быть армия, если в ней даже женщины воюют наравне с мужчинами; хотя, встречаются иногда бабы похлеще мужиков…

И так Бен Ата бродил между бесчисленными палатками в мягком свете луны, унылая фигура… и унылое настроение… Он вспоминал все то, что знал о Зоне Пять, чтобы создать себе хоть какое-то представление об этой женщине, на которой он, как предполагалось, вскоре должен жениться.

До чего же не вовремя эта война… Сколько все-таки у него солдат… Зачем ему такая многочисленная армия?.. Он вспоминал разговоры на эту тему, которые вел с Эл-Ит. И с Дабиб, кстати, тоже.

«Нет нужды отправлять посольство в нашу страну. Разве у вас тут, в Зоне Четыре, нет всех тех же ремесел и искусств, что у нас? Просто вы их не практикуете. Вы их не развиваете. Да это и невозможно, ведь все ваши мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти только и делают, что играют в войну?» — Это, разумеется, говорила Эл-Ит.

«Но, Бен Ата, разве ты сам не понимаешь? В деревнях и городах совсем не осталось мужчин. Одни старики, женщины, инвалиды и дети. Мальчиков воспитывают женщины. А когда им исполняется десять-одиннадцать лет, их забирают в военные школы — где они попадают в общество таких же мальчишек. Их там настраивают против родных матерей и сестер. Ты же ведь наверняка и сам это видишь, Бен Ата? Неизбежно мальчики настроены против женщин, иначе и быть не может: женщины их воспитали на свой лад, а им надо стать мужчинами, — в них так много женского… Ты создал в нашей стране

нацию солдат. Мужчины относятся к женщинам не ласково, а презрительно и жестко!» — Это уже речи Дабиб.

«Послушай, Бен Ата, ведь твоя страна очень богата. В ней всего не меньше, чем у нас, — а воды сколько! Но ведь к природному богатству необходимо приложить человеческий труд».

«Возможно, так и есть, Эл-Ит».

«Что значит *"возможно"*, Бен Ата! Да так оно и есть! Как ты не понимаешь! Вашим женщинам одним не справиться, а мужчины вечно играют в военные игры. И поэтому ваши богатства так и остаются в земле и в горах, и еще в головах тех, кто прекрасно знает, что нужно делать. Почему бы тебе не обратиться к умным людям? Если человек догадался отрезать для лямки шлема полоску кожи от плохо выделанной шкуры, этот человек наверняка сумеет сделать и седло, раз уж вы настаиваете на применении седел. А если какая-то женщина сумела сварить терпкое пиво для лагерных пиров, значит, у нее умелые руки и интуиция ей подскажет, как изготовить прекрасные вина и ликеры. Да, это так, Бен Ата, — у твоей страны есть большой потенциал».

«Ну да, это вам там все дается просто и легко, вот вы и разжирели от безделья». — И началась

ссора.

Ладно, допустим, завтра он отправит по домам — ну, скажем, — половину своих солдат? Люди отправятся во все концы его бедной страны и займутся… чем? Земледелием, искусствами и ремеслами. Вчерашние солдаты отремонтируют крыши, выкопают канавы, вспашут поля как следует. Урожай наполнит амбары, и женщины начнут делать запасы на зиму… и больше он не увидит этих скукоженных несчастных лиц, когда отправится в поездку по стране. Да, завтра же он обсудит эту идею с Джарнти — хотя как это сделать… вряд ли стоит ждать поддержки в этом вопросе от боевого генерала, который с шести лет состоит на воинской службе. Нет, эту идею надо подать под каким-то иным соусом. Сделать вид, будто роспуск половины армии каким-то образом в перспективе пойдет ей на пользу… — так рассуждал Бен Ата, шагая к своей палатке, которая красиво белела в темноте, возвышаясь на небольшом пригорке.

Бен Ата вошел, поплескался в тазу с водой, уселся, завернувшись в плащ и вытянув вперед ноги. Сидел, думал. Думал он об Эл-Ит. Сейчас ему казалось, что она раскрыла перед ним сокровища мысли и опыта, которыми он мог воспользо-

ваться, обратить в свою пользу, — но выпустил из рук эту возможность. Как много она знала! Как многому могла его научить — а теперь все ушло. Потому что сердце подсказало Бен Ата, что это конец, что, когда она вернется на свои шесть месяцев, их отношения будут другими. Нет, конечно, нет! Его вынудили жениться на Эл-Ит, и он сперва возненавидел эту идею, но в итоге полюбил королеву Зоны Три, а теперь без нее не может — нет, он вовсе не ропщет, кто же жалуется или ропщет на решения Надзирающих, им виднее, — но когда он предположительно женится на той, другой женщине, наверняка история снова каким-то образом повторится. Так что ему не стоит ждать, что Эл-Ит прискачет к нему обратно и они вновь заживут вместе с сыном в павильоне. С этим все кончено.

Интересно, а можно иметь одновременно двух жен? Жить в павильоне с двумя женщинами? Такого он себе не мог представить. Эл-Ит — не Дабиб, у которой повиновение в крови. А тут еще явится эта дикарка, эта королева… Ну хоть бы Надзирающие намекнули, как ему осуществить этот новый брак.

Как там говорилось в их последнем сообщении, доставленном неизвестным мальчишкой: каж-

дый год Эл-Ит будет проводить шесть месяцев со своим сыном. До сих пор Бен Ата не сомневался: Эл-Ит вернется сюда, в Зону Четыре. Он знал, что и она так же поняла эти слова. Но вдруг они оба ошиблись? Его потрясла мысль: а вдруг сына у него отберут, на шесть месяцев, отошлют в Зону Три? В нем вскипела яростная ревность, все в нем кричало: НЕТ… но попробуй сказать Надзирающим *нет*.

Ну, допустим, решил он, в этом есть определенный смысл: Аруси получит возможность изучить все жеманные манеры Зоны Три, а впоследствии поделиться своими познаниями с Зоной Четыре… Так и сидел Бен Ата в своей палатке, погрузившись в себя и предаваясь меланхолии, мешая мысли новые и старые. Внезапно клапан палатки откинули, и двое солдат-разведчиков втолкнули внутрь молодую женщину, которая задыхалась и царапалась злобно, как дикий кот, выпустивший когти.

Солдаты ухмылялись, как и положено в таких случаях. Оба встали, сложив руки на груди, у выхода из палатки, ожидая, что король выскажет им свою благодарность. Он натянуто улыбнулся, поблагодарил их, не забыв, как положено, ухмыльнуться и многозначительно хмыкнуть,

обменялся с ними понимающими взглядами и бросил разведчикам горсть монет, которые носил в кармане плаща специально для таких случаев.

Молодую женщину швырнули на пол палатки, и ей было никак не подняться. Солдаты ушли. Первой мыслью Бен Ата было — что ей неудобно лежать, может, даже больно. Он готов был кинуть под незнакомку шкуры, чтобы ей было помягче, и даже разрезать связывающие пленницу путы. А потом сообразил: вот удобный случай для высокоморального поступка. Он был в своем праве изнасиловать девицу. И, что хуже, это было его долгом, хотел ли он того или нет. До сих пор не было случая, чтобы не хотел, — или, скорее, он об этом не задумывался. Теперь задумался, мрачно вспоминал, какие эти девицы из Зоны Пять всегда бывали пыльные и шероховатые на ощупь. И еще Бен Ата думал об Эл-Ит, о Дабиб и о той случайной женщине, с которой провел ночь, когда у него родился сын.

Похоть легонько трепыхнулась в нем, он даже облизнулся — но вообще-то ему не очень-то хотелось.

Бен Ата заметил, что девица не старается освободиться.

Он быстро взглянул на нее и отвел глаза. Деви-

ца была великолепна: высокая, статная, грива светлых с золотистым отливом волос откинута с лица на спину. У пленницы были бешеные, ярко-серые глаза, как у всех женщин Зоны Пять, и сильные длинные руки и ноги. На ней были надеты брюки из грубой кожи и облегающий жакет из меха.

Бен Ата было неловко разглядывать женщину в упор, она же спокойно смотрела на него своими смелыми глазами и ждала.

Он просто не мог изнасиловать это дикое существо, напоминавшее ему охотничьего сокола. С другой стороны, если пленницу развязать, она убежит, и тогда он станет посмешищем для всей армии.

Бен Ата кинул на женщину взгляд исподтишка, чтобы она не заметила его слабости: он хотел убедиться, не слишком ли жмут оковы. Казалось, они совсем не врезаются в ее запястья и щиколотки.

Не будучи уверенным, какие действия предпринять, Бен Ата так и сидел, завернувшись в свое черное одеяние, глядя прямо в темную ночь, поскольку солдаты забыли пристегнуть клапан палатки. Слабый приятный ветерок влетел в палатку и поворошил распущенные волосы девушки, — Бен Ата это заметил, хоть и не смотрел

на нее прямо.

Он снова думал об Эл-Ит, которая увезла с собой его старое измученное сердце и ничего не оставила взамен. Как ему жить дальше, получеловеку: не солдату, но и не миротворцу, не холостому и не мужу, ибо он потерял жену, и даже не настоящему отцу, потому что, похоже, сына могут ежегодно забирать в Зону Три на полгода… эти сообщения от Надзирающих… они были не то чтобы двусмысленны, но приходилось ждать, как развернутся события, чтобы их правильно интерпретировать.

Кто же он теперь? Что ему теперь делать?

И тут Бен Ата осенило, что именно так же бедняжка Эл-Ит, видимо, страдала, сидя в своем дворце в ожидании прихода его солдат, которые должны были силой отвести ее к мужу. Она знала, что ее жизнь, ее образ мыслей, ее права, ее привычки — буквально все — у нее отнимут, разрушат, перестроят и дадут ей взамен в мужья какого-то варвара, и она ничего не могла с этим поделать.

Вот и он, Бен Ата, теперь ничего не мог сделать.

Эл-Ит стала жертвой его жестокого *варварского* обращения — да, теперь он был готов произнести

это слово… И что, неужели придется все этот повторить с королевой этой примитивной зоны?.. Но тут ему в глаза бросилось кое-что, чего он не заметил ранее, хотя и смотрел постоянно краешком глаза в сторону пленницы. Он чуть повернул голову и заметил на ее великолепных руках тяжелые золотые браслеты, а на ногах варварские, но прекрасные золотые украшения, усеянные самыми разными драгоценными камнями; на пальцах блестели кольца, опять-таки из золота, а одно было особенно тяжелое и вычурное, — такое могло символизировать определенный общественный статус или власть. На крепкой белой шее девушки висела на золотой цепи массивная печатка.

Под влиянием наития он спросил:

— А ты случайно не королева Зоны Пять?

— Ну да, — ответила пленница.

И тут Бен Ата захохотал. Он вообще-то не был расположен смеяться, но это недоразумение оказалось настолько кстати, оно произошло так вовремя и попало прямо в точку, — в глубине души именно чего-то такого он и ждал. Да уж, от судьбы не уйдешь, и ему оставалось только смеяться. И она тут же засмеялась вместе с ним, показывая свои прекрасные крепкие зубы.

Так и вышло, что когда на заре проснулся лагерь, солдаты, оказавшиеся поблизости от палатки короля, первыми услышали смех Бен Ата и вторящий ему смех незнакомой женщины; она, — и эта новость сразу облетела весь лагерь, — была пленницей, которую разведчики приволокли накануне с противоположного гребня и швырнули в палатку короля, чтобы его развеселить.

— Эта парочка вовсю развлекается, — говорили друг другу солдаты с восторгом и завистью, как всегда принято у подчиненных.

Ну а когда через какое-то время стало известно, что это не простая женщина, королева Зоны Пять, которую захватили в плен, и что она собирается замуж за их короля, то естественное негодование солдат из-за того, что сражения сегодня опять не будет, перешло в веселье и пиршество.

На противоположных гребнях Зон Четыре и Пять целую неделю обе армии плясали и пировали. Солдаты ходили друг к другу в гости, устраивали самые разные совместные набеги и вылазки, и даже представители несчастного местного населения, ради такого случая познакомились намного ближе. Потому что, следует заметить, обе эти страны, которые воевали не

одно столетие, все же практически ничего не знали друг о друге.

Однако в палатке короля происходило вовсе не то, что представлялось буйному солдатскому воображению.

Оковы, естественно, были немедленно сняты с королевы, ей принесли легкие закуски, и возле его палатки для нее установили еще одну — почти такую же красивую и удобную.

Похоже, королеву нисколько не оскорбило, что утром ее взяли в плен и заставили пережить унижение, втолкнув в палатку и бросив на пол, как мешок битой дичи. Бен Ата, который прежде всего был солдатом, заподозрил, что в этом есть какой-то скрытый подвох. И действительно, королева, еще до того, как обглодала поданного ей второго жареного цыпленка, очень охотно исповедалась и при этом в свойственной ей манере красавица так хохотала, что едва могла усидеть в кресле; — как выяснилось, она специально дала захватить себя в плен потому, что хотела попасть к королю Зоны Четыре — она первая об этом заговорила — и поскорее выйти за него замуж.

Бен Ата узнал от нее, что его солдаты совершенно не умеют соблюдать секретность, что ее бойцы без труда заранее узнали все, что те собираются

сделать, задолго до намеченного выступления, что дисциплина, порядок, воинская точность его армии, которыми Бен Ата так гордился, способна вызвать у противника только смех. Король почувствовал себя задетым.

— Но если дело обстоит именно так, — поинтересовался он с ледяной вежливостью, — почему же война между нашими странами не закончилась давным-давно?

— А зачем ей кончаться? — парировала королева, раздирая остов уже объеденного цыпленка и отыскивая остатки мяса на костях. При этом она облизывала пальцы и так чавкала, что жених был буквально ошарашен.

Потом последовала долгая и дружеская дискуссия между этими двумя вечными антагонистами, из которой Бен Ата узнал многое. В целом… стиль, манера их сосуществования уже установилась, и ей предстояло такой оставаться еще некоторое время.

Ваши, так звали королеву Зоны Пять, сидела развалившись, откинувшись в кресле, не стесняясь зевала, поднимала руки, чтобы потянуться, и болтала ногами, как будто кресло, в котором она расположилась, было камнем на склоне холма или, может, конем, — и эта явная неспособность

сдержать свою дикость даже придавала женщине своеобразную прелесть. Она постоянно хохотала, причем весьма добродушно посмеивалась над Бен Ата, над его манерой говорить, думать — но ей все было к лицу.

Но, чем больше Ваши *щеголяла,* как ему казалось, этой своей беззаботной и чувственной самонадеянностью, тем более чопорным становился тон Бен Ата: король напоминал себе о долге и о самодисциплине.

Он сумел увидеть себя в этой сцене со стороны, глазами, конечно, Эл-Ит, — в этом и заключался ее дар ему. Конечно, до знакомства с ней он бы лишь потихоньку ухмылялся.

Бен Ата подозревал, что лучше бы ему трахнуть ее сразу, уложить женщину в постель, как требовал заведенный у них порядок: именно на это Ваши и рассчитывала. Король прекрасно понимал, что одной из причин ее возбужденного и оживленного поведения была нервозность и даже неуверенность в себе. Возможно, Ваши чувствовала презрение со стороны этого мужчины, которого она, конечно, не могла считать малодушным, потому что уже сказала, что часто видела его во главе войск с какого-то тайного места на склоне холма и которого сама находила

привлекательным.

Теперь, конечно, уже не было смысла швырнуть красотку на землю и поскорее покончить с этим делом, именно в таких словах сформулировал Бен Ата эту мысль и отбросил ее по размышлении. Но все же эта женщина была чертовски привлекательна. Но Бен Ата не знал, как себя с ней держать теперь, когда нормальный порядок вещей не был соблюден. И его инстинкт ничего не подсказывал, потому что он ведь, в конце концов, женат, у него есть Эл-Ит, и это уже само по себе является препятствием для соития с этой королевой, которая ему пока никто.

Бен Ата рассудил, что, вероятно, неизбежное следует отложить до самой процедуры вступления в брак — который, как Ваши заявила, должен быть заключен поскорее, и тогда состоится брачная ночь по всем правилам. Но до того, Бен Ата знал, он обязан каким-то образом себя проявить. Королева Зоны Пять, как ему уже сообщили, награждала солдат-победителей неких местных соревнований тем, что она допускала на ночь в свою палатку, и от него будут ждать, что выступит не хуже, чем любой из них. И Бен Ата сообразил, в те мгновения, когда Ваши, рассуждая о его достоинствах как воинских, так и прочих, бросала

на него безотчетно долгие прохладные пренебрежительные взгляды, — ей было абсолютно чуждо чувство смущения, — что она в нем усомнилась. И в то же время женщину смущало выражение его лица: непроницаемого, сдержанного, типичное лицо обитателя Зоны Четыре, как она это уже для себя сформулировала.

Они увлеченно обсуждали военные вопросы, и каждый защищал свою позицию… то есть, по сути дела, защищал себя, потому что за долгие столетия затянувшегося противостояния ни одна из сторон не добивалась хоть каких-то значительных успехов.

И стало очевидно, что и Зона Четыре, и Зона Пять совершенно одинаково воспринимали эту войну: как свой долг, как суровую необходимость, но с чего это всё пошло — никто и не упомнит.

Война — конечно, в их варианте — для королевы и ее народа была образом существования. Для них это была возможность испытать себя, сохранить свою честь и самоуважение, она была их главным развлечением.

Почему же теперь Ваши вдруг захотела положить конец этой войне?

В ответе на этот вопрос она темнила, причем так бесшабашно и откровенно, что Бен Ата раз-

веселился, как при общении с умничающим ребенком.

Всего за несколько дней общения он составил картину вполне убедительную, на которую, как он понял, можно ориентироваться.

В Зоне Четыре полагали, что Зона Пять — страна пустынь, поросших редким кустарником, по которым несколько кочевых племен таскают свои палатки и гоняют стада в поисках скудной еды и воды. Такое представление возникло у жителей его королевства потому, что с их стороны были видны только скалы, пески и кустарники, и других людей, кроме кочевников, они никогда не встречали. Но эти песчаные пустоши были только одной частью Зоны Пять. К востоку лежали роскошные пастбища, поля, деревни и даже большие города — этот край, разбогатевший и уязвимый, оказался не в силах защитить себя от Ваши с ее всадниками. Тут надо сказать, что власть досталась ей не по наследству, хотя Ваши была дочерью мелкого вождя, ей пришлось побороться. Она объединила и возглавила союз нескольких племен, провозгласивших ее королевой. Война с Зоной Четыре продолжалась, как всегда, но Ваши вскоре поняла, что глупо тратить на нее силы: гораздо разумнее грабить

зажиточных крестьян. А потом, когда фермерские хозяйства были подавлены и повиновались новоиспеченной королеве, ее банды оборванцев, которые могли неделями питаться молоком своих кобылиц и небольшими пригоршнями сухого провианта, принялись терроризировать города. Ваши собрала представителей всех регионов Зоны Пять на большое совещание, и в присутствии всех них короновалась, официально став королевой.

Почему ее заинтересовала Зона Четыре? Она мечтает о власти над великим множеством племен, собирается вымогать дань с этих жалких безногих личинок — горожан, намерена захватывать то, что ей понадобится, или то, чего захочется просто из прихоти.

Какое место занимает в этом плане брак с Бен Ата?

Ваши чуть прищурила свои великолепные серые глаза, на лице красотки появилось такое выражение, будто она готова откровенно исповедаться, она призывно и соблазняюще улыбнулась… но Бен Ата сразу понял, что брак для нее не имеет особого значения, разве что может гарантировать покой на границе и свободу для нее.

Поздними вечерами, когда он отпускал Ваши — конечно, со всей возможной вежливостью, — в свою палатку, он отважно выносил ее презрительный насмешливый взгляд, хотя и подозревал, что это его самообладание станет предметом всевозможных шуток и глупых песенок, когда королева Зоны Пять вернется к своему народу для подготовки свадебного пира.

Потом он долго лежал без сна в темноте, подложив руки под голову, думал. Об этой варварке, с которой он обещал себе в будущем самые разные удовольствия, предполагая получить тем больше удовлетворения от того, что она не ждет от него ничего особенного.

Бен Ата думал об Эл-Ит, и ему казалось, что она где-то поблизости витает, в воздухе его палатки… и его обуревала злость. Он знал, что навеки попал в плен если не к ней, то к ее государству, ее образу мыслей — так что никогда уже не совершит необдуманных поступков. Он об этом вовсе не жалел, нет. Однако сейчас где-то в глубине его сознания застряла мысль, что Эл-Ит его околдовала — вот, небось, торжествует, зная, что его новая невеста в эту минуту потешается над женихом в своей палатке.

Он больше не был прежним Бен Ата, который

никогда не сомневался, как поступить; но и поступать в духе высокоразвитой цивилизации тоже еще не было ему доступно. Его положение было промежуточным, и он был ужасно неуверен в себе.

Вспоминая Эл-Ит, которую в глубине души все-таки считал колдуньей, он задумался о Надзирающих и впервые попытался поставить себя на их место… Ну да, конечно, глупость, и возможно, наказуемая. Но ему было не остановиться. Бен Ата был уверен, что начал понимать в общих чертах суть их замыслов относительно Зоны Пять, но не Зоны Три, — эти-то оставались для него совершенно непостижимыми. Он думал, что «на Их месте» он бы ни за что не позволил этим дикарям — обитателям пустынь — грабить и совершать набеги. Например, все золотые украшения Ваши были украдены из городских ювелирных мастерских. Серые меха, которые так выгодно оттеняли ее белокурые волосы, тоже вовсе не созданы ее ремесленниками, а украдены с рынков. Все женщины кочевых племен щеголяли теперь в золоте и драгоценных камнях, и даже лошадей украшали золотые уздечки, а собак — золотые ошейники. За каждой группой палаток следовала одна специальная палатка-склад,

доверху загруженная кипами шелков и тонкого полотна и одеждами для пиров, а они закатывали пир после каждого налета. Кочевая жизнь не была теперь такой тяжелой и полной лишений, как раньше, зато потворство желаниям выросло неимоверно. Бен Ата предупредил Ваши, что вскоре ее собственные племена станут такими же изнеженными и разложившимися, как те горожане, которых они презирают. Но королева Зоны Пять, как всегда, отвела глаза в сторону, и улыбка ее была неуверенной всего долю секунды, после чего она тут же откинула голову назад и с вызовом ответила:

— Это мы-то изнеженные? Что за глупость! Сам увидишь, какие мы изнеженные!

И незадолго до брачного пира он и на самом деле увидел.

Черные палатки покрыли, казалось, чуть не половину пустыни, но они стояли не сплошь, а группами, — в этом и заключалась суть характера жителей пустыни: уединение и разобщение. Их табуны коней насчитывали тысячи голов. На блюдах зачастую подавали целую овцу или теленка, а иногда двух или трех. Как будто вся долина стала одним большим пиршественным столом, и Бен Ата с сопровождавшими его всад-

никами были подавлены таким приемом. Еще до того как невеста уехала готовить своих подданных к этому браку — Бен Ата не сомневался, что им будет представлено зрелище, затмевающее его пир, — король Зоны Четыре начал готовиться к состязаниям, надеясь переиграть всех ее чемпионов. Когда-то он был прекрасным наездником, но уже очень давно никому не демонстрировал своего умения. Было время, когда никто не мог положить его на лопатки, — но опять же, все это было давно. Со всех концов Зоны Четыре были приглашены самые искусные всадники и борцы, и Бен Ата доверился их мастерству. После долгих упорных занятий он вновь чувствовал себя непобедимым, как в далекой молодости.

Бен Ата был в душе уверен, что сумеет победить всех ее чемпионов по борьбе, — так и вышло. На открытой площадке за пределами многочисленных черных палаток, на глазах у множества зрителей — женщин, детей, всадников во главе с королевой, Бен Ата легко раскидал дюжину борцов, одного за другим, а это были настоящие силачи.

Королева этого не ожидала, — как обычно, не сумела скрыть свои мысли: на лице у Ваши отразилось разочарование, и она откровенно

надулась, поздравляя жениха с победой.

Он понял — теперь она надеялась взять реванш на скачках. Конь Бен Ата был лучшим в королевстве, но, сидя в седле в ожидании сигнала (сигналом был дикий улюлюкающий вой женщин) и рассматривая соперников, Бен Ата поневоле усомнился. Все они были гибкие и тонкие, как кнут или змея, и все буквально выросли в седле, научившись ездить верхом раньше, чем ходить. Но его утешала одна мысль: Надзирающим — как он понимал их роль — нужно, чтобы непременно победил он, а если так, он выиграет. Так и произошло. Скачка была очень долгой, утомительной, по многомильной пустыне, в жаркий пыльный день, когда солнце стояло в зените, но Бен Ата постоянно казалось, что его несет какая-то высшая нервная энергия, которой его постоянно подпитывали. Он оставлял за собой соперников одного за другим и первым вернулся на то место, откуда стартовал.

Теперь королева не дулась, а задумалась и даже, казалось, готова была повиноваться ему. Закон требовал от нее оказать почести этому мужчине — теперь ее мужу по праву победы, — а расчеты подтверждали ее инстинкт.

Ваши и мысли сперва не допускала, что победа

будет за Бен Ата, и хотя ничто не могло предотвратить брака, который был необходим ей самой, ей очень хотелось великодушно преподнести себя в дар жениху, одновременно выразив свое презрение.

Как требует обычай, новобрачных провожала к их брачной палатке целая толпа — воющие женщины и всадники, которые скакали верхом вокруг палатки и прыгали через нее до тех пор, пока королева не завопила изнутри палатки очень громко, отпуская всех, — таков был ритуал, этим она давала знать своему народу, что мужчина оказался на высоте.

На самом же деле, Бен Ата, по-прежнему настаивавший на своих честно завоеванных правах — вновь сказался опыт общения с Эл-Ит, — твердо заявил невесте, что, пока эти ее дикари не ускачут подальше, он не намерен ничего делать, после чего спокойно присел на огромную кучу ковров, доводя ее до истерики подробнейшим рассказом о недавних скачках.

Когда он наконец был готов приступить к выполнению ее ожиданий, выяснилось именно то, в чем Бен Ата ни секунды не сомневался: Ваши проявила так же мало деликатности, как он когда-то, при первой встрече с Эл-Ит. Сперва новобрачная

даже возмутилась, решив, что муж по какой-то совершенно необъяснимой причине не приступает прямо к делу, уклоняется, а потом поняла, что ей просто не за что презирать Зону Четыре.

Так или иначе, эти двое вступили в брак; празднества, пиры, а также скачки и борьба тянулись целый месяц. Детей зачинали десятками, и королева Ваши объявила, что она тоже беременна и что этот ребенок будет залогом серьезности их альянса с Зоной Четыре. Отчасти это было сказано, чтобы успокоить молодого мужа, а отчасти, чтобы поторопить его — пусть скорее возвращается домой, потому что она рвалась поскорее заняться любимым занятием — вновь совершать набеги на богатые регионы Зоны Пять.

Но Бен Ата вовсе не спешил уезжать отсюда.

Он-то был настоящим королем, получившим власть по наследству, и ему захотелось провести в стране жены кое-какие реформы. Что совсем не входило в ее планы. Ваши считала, что Бен Ата хочет сделать жизнь ее народа такой же тусклой и упорядоченной, как в его собственном королевстве. Он не одобрял ее мародерских замашек, критиковал ее планы постоянных грабежей налетов и предупреждал супругу денно и нощно, что если она не изменит своих привычек, то очень

скоро превратится в вождя армии дегенератов, живущих только на потребу своей утробы…

И вот что интересно: споря об этом с Ваши, Бен Ата вполне отдавал себе отчет в том, что в Зоне Четыре дела обстоят далеко не лучшим образом. А сам он разве думал о благе своего народа? Да никогда! Три четверти своей армии он распустил по домам, отправив «в бессрочный отпуск» — велев повышать уровень жизни в деревнях и городах. А принесло ли это людям счастье? Джарнти захандрил, потом стал просить и даже умолять восстановить все, как прежде — он не понимал таких реформ, он тоже был убежден, что эта ведьма из Зоны Три сглазила их короля. И, конечно, он сразу догадался, что это за «бессрочный отпуск». Армии теперь не получали должного содержания… Джарнти подозревал, что Бен Ата потерял интерес к воинской славе Зоны Четыре. Он много чего подозревал — но поскольку всю жизнь голова его была занята только военными проблемами, он был не в силах следить за ходом мысли короля. Ему оставалось довольствоваться допросами Дабиб, и все, что он от нее услышал, только подтвердило его страхи. О многом думал тогда Бен Ата.

Зона Четыре, уже повернувшись к миру и

изобилию, должна была стать законопослушной, так он решил. Никакой анархии! Никакого послабления дисциплины, которую Бен Ата уважал всем сердцем.

С другой стороны он убеждал Ваши не отказываться окончательно от кочевого образа жизни в дикой пустыне, только прекратить воровать и грабить других. Но если бы она под нажимом Бен Ата вернулась к традиционной жизни своего народа, это привело бы — так он рассуждал, — к упорядоченной анархии. В пределах каждого племени или группы родственных племен, было сильно развито чувство долга по отношению к своим, люди были фанатично преданы друг другу, вплоть до того, что могли принять смерть. Человек, заявивший, что соплеменник его защитил, мог в случае необходимости попросить сохранить жизнь этому человеку и был обязан всегда отвечать тем же, если к нему обратятся. У этих диких племен было развито понятие об абсолютной чести, доверии, самопожертвовании, — но между определенными группами и племенами, не было предела обману, предательству, бесчестью, вероломству. Племена без зазрения совести воровали друг у друга скот, птицу и даже женщин, с которыми, правда, потом, всегда обращались не

хуже, чем с соплеменницами; вообще женщины у кочевников были свободные, гордые, имевшие все права и привилегии. В то же время они могли запросто перерезать горло друг другу за украденную овцу или заколоть мужчину, спящего на песке, завернувшись в свой драный плащ, ради воды, которая была у него с собой. И все-таки такой образ жизни Бен Ата посоветовал своей супруге предпочесть нововведениям, благодаря которым армии ее бойцов буквально бесчинствовали по всей Зоне Пять, загребая все, что им попадалось под руку.

Все относительно, утешал себя Бен Ата, неспособный до конца поверить в свою роль. И, удивляясь сам себе, продолжал убеждать Ваши, повторяя все тот же аргумент: *здоровый* образ жизни в пустыне гарантирован до тех пор, пока племена соблюдают умеренность; отсутствие комфорта людям только на пользу.

До чего же ему порой хотелось посоветоваться с Эл-Ит. Интересно, она бы удивилась? Или усмехнулась? Спросила бы, как он такое надумал? Делает ли он то, что должен, этого ли от него ждут? Что думают о нем Надзирающие — довольны ли им?

В отсутствие Ваши, пока она распоряжалась

своим государством, Бен Ата завел привычку сидеть в одиночестве среди песчаных дюн или в своей палатке и думать. Не сделал ли он что-то неправильно? Но все, казалось ему, идет как бы по некоему невидимому, но эффективному плану. Может, от него требуется еще что-то, чего он не выполнил? Бен Ата был готов поверить, что упускает какие-то очевидные и явные возможности. Так он грустно размышлял, и иной раз Ваши, застав мужа за этим занятием, могла, в свою очередь, тихонько присесть рядом, и тогда зачатки мысли зарождались в ее головке. Она раньше не могла себе представить, что можно уважать такого человека, как Бен Ата, и все же она его уважала: признавала, что муж намного выше нее самой, хотя никому в этом и не признавалась.

Ваши помнила, как Бен Ата предупреждал, что ее народ превращается в дегенератов, да. А ведь он оказался прав, только неточно понял причины. Она и сама среди них наблюдала бездействие и развинченность, и ей это не нравилось.

Ваши думала, что, когда он уедет в свою страну, ей будет не хватать его советов. Бен Ата флегматичен. Он нетороплив. Но далеко не глуп. Да, они уравновешивали друг друга. Это так. Ну, возможно, она потом к нему приедет — в конце концов,

у них же будет ребенок. Оба не сомневались, что родится девочка: Ваши — потому, что сила ее дикой женственности могла породить только свое подобие, Бен Ата — потому что чувствовал такую же уверенность и совместимость, когда они с Эл-Ит ждали сына. Он сказал жене, что эта их дочка станет королевой как Зоны Четыре, так и Зоны Пять, но будет править только вместе с Аруси, ничего при этом не пояснив. Бен Ата вообще предпочитал неопределенность в выражениях, так что у Ваши возникли подозрения. Если замышляется предательство — значит, самое место заняться набегами и грабежами, — все ее мысли текли в одном направлении; Ваши представляла себя матерью правительницы этой благополучной зоны, которая лежит на западе от ее страны, и одновременно мечтала о грабежах. Кроме того, племена, обитающие на границе со страной Бен Ата, рассказали своей королеве, что его гарнизоны по-прежнему стоят вдоль всей границы, и это заставило ее задуматься, уж не умеет ли ее муженек часом читать мысли других. Признаться, Ваши уже строила планы набегов на Зону Четыре, — только иногда, конечно, не часто, и больше с целью напомнить себе об — увы! — запретных удовольствиях. Потом она, разумеется,

возместит убытки и всё объяснит: приграничное население так привыкло совершать туда набеги, что за одну ночь им не перестроиться.

И вдруг Бен Ата бросил ее. Однажды ему приснился заветный павильон и бой барабана. Проснувшись утром, он оперся локтем о подушку, выглянул через клапан палатки наружу, но там ничего не было видно, кроме песчаной бури и тускло-желтого солнца. Он все еще слышал мысленно барабанный бой, — который пульсировал во всем его теле как отзвук потери и горя. Бен Ата вскочил, наскоро обнял жену, вызвал солдат и умчался, даже не отдавая себе отчета, что делает.

После его отъезда Ваши просидела одна-одинешенька в палатке много дней, и ее мысли не сильно отличались от мыслей Бен Ата в тот момент, когда ему было приказано расстаться с Эл-Ит. От этого брака Ваши не ждала ничего, да и не хотела ничего, — она, пожалуй, не могла назвать замужество приятным, потому что ей пришлось освоить слишком много нового. И все же она сильно изменилась, почувствовала, что отдалилась от жизни своего народа, ощутила ответственность, хотя и непонятно какую и почему. Казалось, что за все свои дела, за все свои решения ей придется держать ответ — но перед

кем? Бен Ата говорил о каких-то Надзирающих. Кто они такие? Откуда он знает об их существовании? Ваши было неуютно от ощущения, что за ней наблюдают и следят, и даже, как муж предположил, руководят ее поступками. Бен Ата ей говорил, что Зона Четыре — еще не конец света, есть Зона Три, и одна из его женщин была как раз оттуда родом. А за Зоной Три есть другие страны, известные ему лишь по названиям.

В ее народе говорили и даже слагали песни о том, что королева горюет. Она не возражала. Хотя вовсе не была опечалена отсутствием Бен Ата. Ваши как раз была рада — он висел на ней гирей, тяжестью, от которой она не могла избавиться, чтобы стать опять самой собой. Она мечтала лишь об одном — вновь сделаться прежней, такой, какой она была до той ночи, когда ее бросили в палатку, где сидел в задумчивости солдат Бен Ата. Она и не знала, что есть такое понятие — думать. И вовсе не хотела думать! Ваши была вполне довольна своей жизнью до того, как муж познакомил ее с этим ужасным занятием — медленным погружением в раздумья…

А Бен Ата, доскакав до павильона, встретил там своего сына в окружении нянек, которыми командовала Дабиб.

Мальчик уже начал ходить. Первой мыслью Бен Ата было: не посадить ли сына на коня перед собой и не проехаться ли туда-сюда перед армиями, — но о каких армиях теперь можно говорить.

Дабиб как будто вполне освоилась с новыми порядками. Джарнти по мере сил поддерживал боевой дух в оставшихся войсках.

Бен Ата подумал, что надо бы ему потом проехаться по стране, понаблюдать, как изменилась жизнь после возвращения мужчин, с появлением мужского творческого начала.

А пока что он отправился с сыном в парк, где били фонтаны. Они уселись, Аруси у отца на руках, на круглую белую мраморную платформу. Бен Ата поднял его личико так, чтобы сын мог смотреть на горы родной страны своей матери, Эл-Ит, и заговорил с мальчиком о Зоне Три, и том, как однажды он поедет туда и узнает, как люди там живут.

Дабиб наблюдала за ними в окно, и вскоре уже вся страна узнала: король учит сына смотреть вверх. В Зоне Четыре давно прекратили наказывать тех, кто смотрел на заснеженные вершины, и все вполне законно глазели вверх на запрещенную страну, которая больше не каза-

лась недосягаемой. И церемонии свои женщины проводили бурно и триумфально, и впервые мужчины присоединились к ним. Этот новый дух, воцарившийся во всей зоне, радовал Бен Ата, от этого ребенок становился крепким и уверенным в себе. Но Бен Ата все ждал барабанного боя, который слышал во сне, барабан же молчал.

Бен Ата начал строить планы съездить в Зону Три вместе с сыном, чтобы повидаться с Эл-Ит. Но на это не было Приказа — о чем ему напомнило укоризненное молчание Дабиб. Следует ли понимать так, что ему, Бен Ата, запрещены поездки в Зону Три? Но ведь сыну надо увидеться с матерью…

Он заметил, что Дабиб с группой женщин активно готовятся к путешествию, и, не спрашивая, понял, куда они собрались. Он, король, который не так давно мог упечь почти всех их в тюрьму или приказать носить в наказание шлемы, услышал, что женщины собираются съездить в Зону Три — навестить его жену, — и Аруси тоже повезут с собой.

Разумеется, Бен Ата потребовал у Дабиб объяснений.

Она ответила, что все они — разумеется, женщины — считают, что их место там и они имеют

право поехать, поскольку именно они так долго хранили и *сохранили* древнее знание.

А что, разве у них есть разрешение? Был Приказ Надзирающих? Прислали гонца?

Но Дабиб твердо стояла на своем, уверенная в своей абсолютной правоте, так что спорить с ней было бесполезно. Бен Ата и не стал. От своих намерений ему, таким образом, пришлось временно отказаться и смириться.

Когда Аруси исполнилось два года, женщины уехали, взяв его с собой. Их отъезд был хоть и неофициальным, но событием, так что устроили целую церемонию проводов — на болотистом лугу, где некогда проводились демонстрации военной мощи страны. Толпы лиц обоего пола выкрикивали и распевали женские песни, которые теперь стали известны повсеместно; народ не скрывал своей гордости этими дальновидными прогрессивными соотечественницами, которые, казалось, изменились даже внешне — в полном соответствии с переменами, наступившими в обновленной Зоне Четыре.

В поездке участвовали двадцать женщин, в основном среднего возраста. Они были в платьях, сшитых по фасонам, скопированным с нарядов Эл-Ит. За время ее пребывания в их стране в Зоне

Четыре появилось немало новых тканей, новых красителей утонченных оттенков и таких методов шитья, о каких местные портные раньше и не подозревали. Все путешественницы, распустив по плечам волосы, гордо и самоуверенно, с вызовом глядели в глаза своих не особенно довольных мужей, смеялись от радости, что удалось собраться всем вместе. Все как одна ехали верхом без седел и уздечек. Они были не такими опытными наездницами, как Эл-Ит, и зрители выражали сомнение, но в итоге у них все получилось. Все они были настолько уверены, что их ждут не дождутся в Зоне Три, что вначале даже отказались взять щиты или хотя бы защитные броши и зажимы, но когда начался подъем к границе, Дабиб вынуждена была поставить перед собой щит, после чего и другие последовали ее примеру.

Компания была как на подбор: все крепкие, стройные, красивые дамы. Малыш сидел на седле перед Дабиб, они взяли с собой и других ребятишек, потому что, как заявили женщины, дети «должны получить возможность освоить новый образ жизни».

Они поднялись высоко и оказались в атмосфере сверкающего воздуха Зоны Три, никаких сложностей акклиматизации не заметили, правда, стали

слишком оживленными. Им удалось пересечь широкую степь до наступления ночи, пока не задул суровый восточный ветер.

Оказавшись на середине перевала, при подъеме на плато, путешественницы остановились в большой гостинице и попросили приютить, объяснив, что едут к Эл-Ит. Местные жители столпились, чтобы поглядеть на них, и так стояли и не уходили, пока женщины не вошли в гостиницу, а их коней не отвели в конюшню.

Путницы были уверены, что им оказан особый прием, поскольку упомянули Эл-Ит. Но вскоре поняли, что Эл-Ит тут ни при чем, — ее имя явно не произвело никакого впечатления на хозяев гостиницы, — а хороший прием просто здесь норма, поэтому их и встретили так любезно.

Но в оказанном им приеме они не почувствовали тепла, скорее, к ним отнеслись прохладно, безразлично.

Путешественниц усадили за очень длинный широкий стол в главной комнате, их внимательно обслужили, а местные посетители этого заведения наблюдали за ними со своих мест, хоть и с любопытством, но нельзя сказать, чтобы неучтиво. Женщины из Зоны Четыре говорили и смеялись очень громко, встряхивали головами,

отбрасывая волосы назад, и преувеличенно ласково обращались друг к другу, но в душе они стали терять уверенность в себе. Чего, собственно, они ждали? Конечно, радости, будто они вернулись к себе *домой* из некоего изгнания. Все долгие месяцы, готовясь к этой поездке, именно так они себя и ощущали — изгнанницами, возвращающимися домой. Они быстро нашли утешение: «Ужо погодите, вот встретимся с Эл-Ит — и все пойдет по-другому», — на самом же деле они поняли, какими неотесанными кажутся местным жителям, и их это унижало. Самые лучшие, утонченные, самые смелые представительницы их страны тут выглядели неловкими и неуклюжими. Ну, это мы как-нибудь переживем, решили они, ведь, в конце концов, можно и потерпеть ради благой цели.

Их взволновала обстановка, в которой они оказались, и они сразу же, с первых шагов начали понимать, чего всю жизнь были лишены в своей стране.

Конечно, и у них, там, есть всевозможные гостиницы и постоялые дворы. И некоторые, на первый взгляд, не очень уж отличаются от этой, где они остановились. Но когда путницы слегка успокоились, расслабились, обрели способность видеть и воспринимать, вот тогда и пришло

понимание.

У них в любой гостинице тоже есть большая общая комната, с камином, креслами, столиками… вроде бы никакой разницы, но, не войди они в *эту* комнату, они бы и не заметили отличий, по крайней мере, сразу — да в чем же? В деталях. Тут ко всему был заметен индивидуальный подход. Все было сделано с выдумкой, с любовью.

Например, огромная каминная полка была искусно украшена резьбой, причем с таким юмором, — рассматривать одну только эту полку можно было бы до ночи. Там стояли не только скамьи, но были также кресла, кушетки, бюро, табуреты, а на креслах лежали вышитые подушки, и эти вышивки были просто замечательные, настоящие произведения искусства, как каминная доска, и словно бы сулили вечер, полный увлекательных рассказов и песен. За столом еду им подали на фарфоровых тарелках, о существовании таких они и не подозревали, сроду ничего подобного не видели, тарелки были прекрасны. Конца не было новым впечатлениям — не говоря уж об ужине; каждая из них, будучи опытной хозяйкой, сразу поняла, что этот ужин намного превосходит то, что у них дома подают королю.

Вот куда они попали — в страну, где царит

мирный образ жизни. Конечно, у них дома тоже произошли в последнее время большие изменения, удивительные, вдохновляющие, — наконец толком починили крыши, перестроили дома — заменив их каменными или добротными кирпичными, а поля, — и те, где раньше росли тростники и скакали лягушки, и те, которые были усеяны камнями и сорняками, — теперь были вспаханы и засеяны. Вот, говорили они себе, вот что значит, когда в стране мир.

Их поселили в двух-трехместных номерах, но ни одна из них так и не уснула в ту ночь, — они восторженно обследовали лоскутные одеяла и подушки, коврики и даже сами кровати: такую элегантность и прочность они и представить себе не могли. Они бегали из комнаты в комнату по лестничным площадкам, возбужденные, как дети, прибывшие с ними, ахали, старались удержать в памяти все, что видят, пока не пришел хозяин гостиницы с вежливой просьбой не мешать спать другим постояльцам.

Утром, после завтрака, к которому они не привыкли и не подозревали, что такое положено человеку есть по утрам, путешественницы все вместе отправились в конюшню, ожидая новых чудес. И вышли оттуда, в унынии вздыхая и шеп-

ча друг другу, что многие жители Зоны Четыре не отказались бы пожить в таких условиях, какие тут предоставлены лошадям.

И, огорченные, поехали они дальше, под нависающими снежными вершинами, которые, казалось, смеются над путницами — по мере их приближения все отдаляются. Они бесшумно проезжали мимо встречных, ожидая приветствий, и постепенно их энтузиазм и возбуждение остыли. Женщины ехали не спеша, потому что хотели увидеть все, что можно, и в полдень остановились в небольшом городке, на границе каменного плоскогорья, где паслись животные. Это были крепкие животные: чувствовалось, что за ними хорошо ухаживают и не изнуряют тяжелой работой.

Они оказались в городе с каменными высокими домами, некоторые — аж в десять-двенадцать этажей. Но дома были не типовые — явно построены по индивидуальному заказу: такие широкие, многоугольные, с далеко протянувшимися крышами, на которых, как снизу было видно, сидели люди — отдыхали, любовались горами и возвышенностями. Стены домов были разрисованы квадратами, овалами, кругами, которые блестели и отражали небо и даже облака и пролетающих

птиц — как будто в них собрана вода и каким-то удивительным образом там удерживается… а в прошлую ночь, в другой гостинице, их поразило зеркало, — не сам факт наличия зеркала, уж это-то у них в стране есть, но путешественницы не могли себе представить, что из зеркал можно делать окна, оправы и пропорции которых невероятно гармоничны, что смотреть приятно, или что зеркалами можно декорировать весь город, так что кажется, будто небо составляет часть стен домов или вода разлита по стенам и крышам… Они в изумлении стояли на небольшой озелененной центральной площади и, открыв рот, глазели… чувствуя себя неотесанной деревенщиной. И снова они остановились в гостинице, которая настолько отличалась от вчерашней, что они даже сперва не поняли, что это гостиница. Крытые, расположенные на разных уровнях террасы окружали большой центральный холл, съемная крыша из листового стекла в данный момент была поднята. На террасах за столиками сидели посетители, неторопливо ели и пили, вокруг них играли дети. Заснеженные горы, окружающие плато, отражались в стекле, и создавалось впечатление, будто горы, снега и зимние небеса составляют неотъемлемую часть их жиз-

ни. Казалось бы, ничего особенного — просто люди отдыхают, но это зрелище, тем не менее, ошарашило их бедные души. И вроде нет ничего такого особенного: вот мужчина объясняет мальчику, как правильно вести себя за столом; вот женщина улыбается мужчине — мужу? Если это и муж, то явно не такой, какие у них там, в Зоне Четыре! — но в целом путешественницам показалось, что над всем здесь сияет какой-то чистый ясный неяркий свет, и каждая ощутила тоску, которую иногда испытываешь во сне: горькое ощущение своей чужеродности в этой жизни.

Обитатели Зоны Три получали от жизни удовольствие, испытывали радость существования. Или нет, слово «радость» тут не годилось. Дабиб напомнила подругам, что Эл-Ит, по крайней мере, в первое время после приезда к ним, была точно такой же: в ней чувствовалась эта же внутренняя раскрепощенность, внутренняя свобода. Именно это сразу и поразило ее, Дабиб, с первого взгляда: великодушие и способность ощущать внутреннюю свободу. Но это нельзя назвать *удовольствием, радостью существования* или, скажем, восторгом: после той первой встречи с Эл-Ит Дабиб унесла с собой, в свой скудный домишко, пугающее, но одновременно торже-

ствующее убеждение, что счастье возможно. Но сила духа Эл-Ит происходила из чего-то другого… Откуда?

То, что они наблюдали, духовное начало этого зрелища, называлось не «удовольствие» или «счастье», эти слова — как бы далеки они ни были от них, жителей Зоны Четыре, — отражали, по их теперешнему мнению, что-то ничтожное и даже презренное, — нет, они ощущали в этом зрелище что-то, от понимания чего были бесконечно далеки.

Путешественницы получили сильный щелчок по носу, и это было для них мучительно. Разрыв между тем, что они увидели, и тем, к чему Зона Четыре может надеяться хоть когда-то прийти, — исчислялся сотнями лет. Да, конечно, это вопрос времени, но в каком-то другом измерении, более высоком, более тонком. О да, Зона Четыре может построить у себя такие же высокие дома, и даже отделать зеркалами стены, если им показать, как это делается. Они смогут обучиться производить необыкновенную посуду. Не проблема обрядить слуг в одежду из ткани, в которую будут вплетены абсолютно новые рисунки. Сложность в ином: им придется впитать многое такое из другого измерения, о чем они только сейчас начали за-

думываться. Да вот, не будем далеко ходить за примерами: как просто и легко, без напряжения, тут обслуживают посетителей, — сразу ясно, что посетитель и официант — равные партнеры, — сколько лет потребуется Зоне Четыре, чтобы прийти к такому полному равенству, при котором каждый чувствует себя личностью, если классовые перегородки, и ранги, и уважение к чинам — *раболепство,* — давно впечаталось у них в самые глубины души? Даже такая мелочь, подмеченная в Зоне Три, казалась невероятно отдаленной от них: непостижимая дружеская улыбка и доброжелательный тон девушки-официантки, поинтересовавшейся, какое блюдо они предпочтут.

Путницы покинули гостиницу или, скорее, сбежали из нее, гонимые ощущением собственной неполноценности, и ускакали из города, построенного из очаровательного яркого камня, в конструкции которого неотъемлемой частью входили и небо, и вода, и снег, и свет, и горы. По пути они постоянно оборачивались и поднимали повыше Аруси и других детей, чтобы ребятишки запомнили все, что произвело на них впечатление, — и чтобы у них, в глубине души осталось знание о Зоне Три, которым им надо будет поде-

литься с соотечественниками.

К вечеру они въехали в Андарун и, поспрашивав дорогу, добрались до небольшой площади с деревьями и садами. Сгрудившись на широких белых ступенях дворца, путешественницы попросили отвести их к Эл-Ит.

Ответом им были любопытные, но не враждебные взгляды.

После долгого ожидания к ним по ступеням медленно спустилась какая-то молодая женщина.

Одна лишь Дабиб сразу поняла, что перед ними сестра Эл-Ит, о которой та часто вспоминала, потому что внешне эта женщина была точной копией Эл-Ит, только белокожей и белокурой.

Дабиб, потрясенная всем, — и этим чудесным прекрасным дворцом, его легкой элегантной конструкцией, с балконами и аркадами, стенами, выкрашенными в пастельные тона, — была готова упасть на колени и целовать руки могущественной госпоже. Но поняла, что здесь так не принято.

Услышав имя Эл-Ит, Мурти понимающе кивнула и кратко ответила:

— Ее тут нет.

Женщинам стало ясно, что это конец: они догадались, что вряд ли найдут то, что ищут.

— Вот ее сын. — И Дабиб вывела вперед ребенка. Мурти взяла на руки Аруси, — все сразу поняли, что она привыкла иметь дело с детьми, — и повторила:

— Моей сестры тут нет.

— Эл-Ит больше не королева?

— Кажется, вы меня не поняли. Теперь ее обязанности выполняю я, если вас это интересует. А Эл-Ит найдете вон там… — И Мурти указала на северо-запад.

Путешественницы поняли, что от нее они больше ничего не узнают.

Когда они уже повернулись, чтобы уйти, Мурти крикнула им вдогонку:

— Вы, собственно, зачем приехали?

И тут женщины смутились и покраснели, им стало неловко, потому что они и сами уже не раз задавались этим вопросом. Мурти хотела знать, по какому праву они тут, а ведь Бен Ата предостерегал их перед отъездом.

— Спросите-ка у моей сестры, что вам надо делать. — И с этими словами Мурти вернула ребенка Дабиб и взбежала обратно по ступеням во дворец.

И снова женщины оказались в гостинице. Теперь они были подавлены, у них даже появились

дурные предчувствия, хотя все сдерживались. На этот раз их накормили и устроили на ночлег бесплатно, потому что платить им было нечем. Теперь, думали бедняги, нам придется вернуться домой и рассказать, что мы увидели в Зоне Три, и даже если нам поверят, толку от этого никакого не будет. Все равно ничего не изменится, даже если объяснять и твердить до посинения, что, если прекратить тратить все доходы от богатых земель на военные нужды, тогда вся их страна станет богатой и процветающей, привлекательной и цивилизованной. А ведь в Зоне Четыре достаточно и природных богатств, и умных голов, и умелых рук… надо только все разумно организовать и запастись… терпением.

Гостиница, в которой они заночевали на этот раз, располагалась в центре огромного парка. Помимо основного здания тут были еще и маленькие симпатичнее домики. Всех женщин поселили в один домик, им принесли ужин. В тот вечер они уже не ощупывали покрывала на кроватях или ручки дверей, а пошли погулять. До сих пор наши путешественницы были убеждены, что парк, в котором находились павильоны Бен Ата и Эл-Ит, тот самый, с фонтанами, — самый величественный и красивый в мире, но теперь

поняли, что, по сравнению с Зоной Три, это настоящее убожество.

Так прошло несколько дней. Они не спеша ехали и наблюдали за окружающим, стараясь держаться и не впадать в самоуничижение, а ночевали всегда в самых разных гостиницах, и им казалось, что конца нет самым разнообразным развлечениям, на любой вкус: чего только не предлагали в этой стране путникам.

Куда бы они ни приехали, они повсюду спрашивали, где найти Эл-Ит, и иногда смущали людей своим вопросом. Похоже, что Эл-Ит тут забыли. Хотя, как правило, им отвечали весьма расплывчато: «Говорят, она где-то там».

И вот женщины все ехали и ехали, пока не оказались у подножия гор: в них имелся проход, за которым клубился синий туман.

Как-то под вечер они проезжали через некую деревеньку, не собираясь останавливаться в ней, но все же поинтересовались у жителей, не знают ли они, где Эл-Ит, и им ответили, что ее можно найти в конюшне.

Там они ее и обнаружили. Она как раз пригнала с пастбища табун коней. Увидев женщин из Зоны Четыре, она удивилась. Но встретила их приветливо. Взяла сына на руки, и на лице ее

отразились одновременно такое счастье и такое горе, что им все стало ясно.

Потому что теперь путешественницы уже окончательно убедились, что им не следовало сюда приезжать.

Так или иначе, цель была достигнута: они отыскали Эл-Ит, хотя им тут даже негде было переночевать, эта деревушка была слишком мала, и в ней не оказалось постоялого двора.

Эл-Ит отправилась к хозяевам и испросила позволения для своих гостей переночевать хотя бы в саду, под открытым небом, ведь был конец лета. Им разрешили, и еще разрешили есть все фрукты, какие захотят.

Так и получилось, что двадцать женщин вместе со своими собственными детишками и сыном Эл-Ит провели на ночь прямо на траве фруктового сада, под теплым небом.

Надо сказать, что в ту ночь женщины впервые с тех пор, как уехали из дому, попали в знакомую им обстановку — почти знакомую. Потому что в Зоне Четыре не было таких богатых садов, и даже некоторые фрукты были им неизвестны.

Гостьи рассказали Эл-Ит о новых порядках в Зоне Четыре, о ее бывшем муже, постаравшись как можно тактичнее упоминать о новой ко-

ролеве, известной им по слухам, с которой Бен Ата, что ни говори, все-таки проводил немало времени. Они рассказывали о том, что их страна уже почти преодолела нужду, что теперь склады и амбары потихоньку наполняются урожаем. Во всех подробностях описывали, как рос малыш Аруси, который в этот момент спал на коленях Эл-Ит, и чем он болел.

Но только долгое время спустя они заговорили о самой Эл-Ит, спросили, что она тут делает, — изгнанница из своей прежней жизни. Потому что они уже все поняли и сделали определенные выводы.

Они сами всей душой жаждали попасть в эту страну, Зону Три, поэтому прекрасно поняли, что для Эл-Ит так же естественно всем сердцем хотеть оказаться в стране более высокого порядка, вход в которую легко увидеть, стоит только поднять голову.

И странным казалось этим женщинам, что они сидят тут, на низкой душистой траве, и вместе с Эл-Ит смотрят вверх, как когда-то, давно уже смотрели на удивительные горные вершины Зоны Три. Они чувствовали себя не готовыми и не вправе еще оказаться даже в этой стране, в Зоне Три, тогда как она уже досыта ею наелась и

рвалась куда повыше. Они все это поняли. Хотя и не могли представить себя на месте Эл-Ит.

Этот сюжет особенно любят наши художники: при этом они обязательно украшают свои картины изображением полной желтой луны, располагая ее рядом с головой Эл-Ит или чуть позади. Иногда еще изображают очаровательный полумесяц и парочку ярких звезд на небе. И часто добавляют большого павлина, от мерцающего хвоста которого сад наполняется загадочным светом.

Но в целом это все-таки соответствует действительности, и я подробно рассказываю об этом сюжете потому, что это последняя реалистическая, доподлинно известная нам сценка из жизни Эл-Ит. Потому что дальше остается только строить догадки.

Мы все это время говорили о том, что Эл-Ит была великая и любимая народом королева, а потом она вдруг… нет, вовсе не отвернулась от своей страны. Она от нее не отреклась. Хотя проще и драматичнее было бы считать, что да, отреклась. Но все было гораздо сложнее. И, если взглянуть на картину, то создается такое впечатление, будто душа Эл-Ит уже живет, хотя бы частично, *где-то там.* И это — суровая правда. Слишком сухая.

Даже оскорбительная; приходится поверить, что эта особа все больше презирала сердечность и удовлетворенность обыденного существования, хотя, если смотреть на Эл-Ит со стороны, непредвзято, вроде бы нет никаких внешних проявлений ее внутренних изменений и духовного роста, — точно так же непосвященный и не подозревает, что происходит внутри кокона. Но мы сознательно смягчаем некоторые факты, и это необходимо, это простительно нам, авторам песен, летописцам и портретистам.

Например, вспомним о ее коне Йори. Эл-Ит не вернулась в Зону Четыре, и это установленный *факт.* Никогда больше не бил барабан для нее. Она прислушивалась долгое время, и — ждала, и боялась услышать, — считала, что сделала ошибку, уехав сюда, перейдя на эти высшие уровни, спряталась от ответственности. Но, в конце концов, утешала она себя, всегда можно уехать. И в глубине души Эл-Ит искренне тосковала по мужу. Но все эти ее противоречивые надежды и желания так ни к чему не привели. Потому что на самом деле случилось нечто совсем иное, и гораздо позже: после многочисленных превратностей судьбы ее сын надолго приехал с визитом в Зону Три. Однако ему в основном пришлось

проводить время с Мурти. Так были обмануты ее ожидания… или надежды… а может, никаких ожиданий и надежд и не было, потому что Эл-Ит чувствовала все больше и больше, что ей никто ничем не обязан.

Одно из наиболее популярных изображений Эл-Ит — как она скачет вниз в Зону Четыре, и в седле перед ней сидит мальчик, уже лет шести. Бен Ата, улыбающийся и на все готовый, изображен где-то на заднем плане, так что на картине доминирует ее фигура. Они ведут за собой группу детей, уроженцев Зоны Четыре, которые возвращаются из учебной поездки в Зону Три. На картине эти ребятишки смахивают на маленьких дикарей, с готовностью воспринявших укрощение. Эл-Ит сидит верхом на Йори. Нет, ее любимый конь изображен не точно, — художники постарались внести некоторые изменения в его облик, чтобы их не осудили. Можно сказать, что Йори вовсе не умер: есть такие смерти, которые сознание обывателя не воспринимает как реальность. И, конечно, тысячи коней стали называть его именем.

Еще один персонаж воспроизведен в виде, далеком от реальности, — это Дабиб, ее почему-то чаще всего изображают в виде профессиональ-

ной сказительницы. Хотя на самом деле все было иначе.

Ранним утром, когда почти все женщины уснули и Эл-Ит дремала, свернувшись клубочком в траве, Дабиб, которой печаль не давала заснуть, тихонько напевала про себя:

Мое сердце громко бьется,
И через равнину скачет,
Я смотреть назад не стану
На того, кто горько плачет.
Там вдали осталось тело,
В мягкой нежится постели,
А я верхом на гордом звере
Только в эту скачку верю.
Научусь любить я голод
И суровый встречный ветер,
Пусть ускачет сердце в горы,
Позади оставив тело…

— Что это ты поешь? — Эл-Ит выпрямилась, стряхивая с себя сон.

— Это новая песня.

— Понятно, я ее еще не слышала. Откуда она?

— Она из пустыни. Из Зоны Пять, — извиняю-

щимся тоном сказала Дабиб.

— Вот откуда… — Эл-Ит опустилась на колени и наклонилась вперед, крепко сцепив руки перед грудью.

И Дабиб не могла не улыбнуться:

— Ох, до чего ты сильно изменилась, Эл-Ит!

Она никак не могла удержаться, не напомнить Эл-Ит, какой она впервые приехала туда, к ним, — как будто это воспоминание могло повлиять на настоящее.

Как будто улыбчивость и обаяние той королевы могли послужить упреком нынешней Эл-Ит, стоявшей сейчас на коленях на траве, на фоне снежных пиков необитаемых гор, — немолодую исхудавшую женщину, которую, казалось, сжигало изнутри невидимое пламя.

— Спой ее еще раз! — попросила Эл-Ит.

— Но, Эл-Ит, их песни не такие, как у нас в Зоне Четыре. Ты ведь знаешь наши песни — их можно исполнять в разное время, существуют разные варианты текста, но мы знаем все эти слова. Некоторым мы учим детей, куплет за куплетом. А некоторые — предназначены только для девочек, и мы предупреждаем, что они нарвутся на хорошую порку, если изменят хоть один звук в слове. Да, у нас так. А в Зоне Пять, как они рассказали,

песни создаются прямо в пути. Они скачут по своим пескам — говорят, ужасное место, сплошная сушь, воды не хватает, и так жарко, что можно спечься дочерна, — а мы все жалуемся, в нашей Зоне Четыре, правда? У них там — страна ящериц, у них там змеи под каждым камнем, бывает, отряхиваешь юбку — а на ней скорпион. Да, прости, я отвлеклась, вернемся к песне… у них едет целое войско всадников, все вместе, и один споет строчку, другой подхватывает и добавляет еще одну, — так они и скачут, создавая песню буквально на ходу, иногда скачут так день и ночь. А во время пиров, они устраивают состязания, вручают призы тем, кто сумеет лучше остальных составить песню, пока сидят за столом. Кто-то бросит фразу, все равно какую, скажем, типа «Вот мы тут сидим в центре фруктового сада», хотя нет, у этих бедняг и в помине нет фруктовых садов, сплошные пустыни. Эта песня пришла к нам, когда солдат, сопровождавший Бен Ата, вернулся в родную деревню. И стала популярной по всей Зоне Четыре. Мы все ее поем. Но я бы не удивилась, если бы в Зоне Пять вдруг сказали, что сами они ее уже начисто забыли. Они ведь постоянно придумывают что-то новенькое.

— Это, наверное, пришло *оттуда,* — шептала

Эл-Ит, — *оттуда.*

Решили, что женщины побудут здесь еще несколько дней, но в качестве платы за свое пребывание им придется помочь в сборе урожая.

Эл-Ит с сыном и Дабиб поднялись верхом на перевал, за которым была синева. На полпути Эл-Ит спешилась и показала Дабиб белые кости в траве.

Все трое постояли в клубах синего тумана. Дабиб его испугалась. Ей было трудно дышать. Мальчик, крепкий и смелый, казалось, был на грани слез, но не позволил себе заплакать.

— Бен Ата говорит, мужчины не плачут, — заявил он матери и няне.

Эл-Ит предложила, чтобы Дабиб и Аруси остались тут и подождали ее.

— А сама я поднимусь. Я с каждым разом прохожу все дальше… Теперь могу оставаться там подольше. Но сегодня не задержусь…. Ох, Дабиб, если бы только знала, как я хочу туда, как жажду быть допущенной…

— Мне ли не знать, Эл-Ит!

Дабиб и Аруси уселись возле крепких белых костей, и женщина стала рассказывать мальчику о самом добром и ласковом коне на свете. Так они и сидели, пока не вернулась Эл-Ит. Казалось, она

отсутствовала не так долго, но Дабиб видела по ее глазам, как далеко она ушла от них.

Эл-Ит уселась рядом, посадила сына на колени, наклонилась, заглянула ему в глаза и покормила мальчика тем, что принесла с собой из Зоны Два.

— Забери это с собой, — шептала она. — Отнеси это своему отцу. Внеси это в Зону Четыре — корми, укрепляй, питай, терпи…

— Что же ты там такого увидела? — спросила Дабиб.

— *Видеть-то* я не могу ничего. Но с каждым разом понимаю все больше и больше… Там есть существа, как пламя, как огонь, как свет… как будто там ветер становится огнем, пламенем… синева там олицетворяет истинный свет, Дабиб, и если я закрою глаза, — и тут она действительно закрыла глаза, — я вижу образы, картины, отражения… невероятно высокие и прекрасные, Дабиб, они не как мы, мы для них просто… они нас жалеют и помогают нам, но мы просто… — Приблизительно так она лепетала.

— Ясно, — вздохнула Дабиб.

Она была удручена. Дабиб видела, что Эл-Ит, которую она любила всем сердцем и которую считала своей сестрой, своей хозяйкой, своим другом, уже ускользала из родной страны, чтобы

подняться в высшие сферы, тогда как она сама готовилась вернуться вниз, вниз, вниз, — и Дабиб чувствовала себя обреченной.

Вернувшись в сад, она сказала женщинам, что пора уже возвращаться домой, и они не спорили. Дабиб сказала Эл-Ит, что должна оставить ребенка у себя, и на лице у матери отразилось страдание.

— Прости меня, — приуныла Дабиб, — не знаю, как так вышло, я почему-то была уверена, что нам надо всем прибыть сюда, — а теперь понимаю свою ошибку… Что это нашло на меня? Я сделала тебе лишь хуже, да, все мы это поняли.

Расставание сына и матери было очень тягостным. Аруси, как взрослый, молча переживал свое горе. А когда Дабиб поскакала прочь, очень крепко держа его, и ее слезы закапали на его кудрявую головку, мальчик даже не обернулся к матери, которая с помертвевшим лицом смотрела ему вслед.

Женщины, которые возвращались теперь домой, совсем не напоминали тех, что еще совсем недавно поднимались сюда из своей низменной страны: они упорно хранили молчание и, казалось, избегали быть замеченными.

Местные жители смотрели на гостей из Зоны

Четыре весьма критически, а в гостиницах их принимали вежливо, но пренебрежительное отношение хозяев трудно было не заметить.

Конечно, они совершили ошибку, поехав без подготовки, но слишком уж жестокой оказалась расплата. Те из наших соотечественников, кто видел тех женщин, неизменно вспоминали их дурно воспитанных и неотесанных. И сама их поездка воспринималась как крайне несвоевременная. Жителям Зоны Три казалось, что от них было гораздо больше вреда, чем от тех наглых и придурковатых солдат, которые в самом начале приехали забрать Эл-Ит. А еще нам очень не нравилось, что путешественницы приехали сюда в исключительно женской компании, так же, как солдаты-мужчины приехали тогда без женщин. У нас такое не принято. Порицали в них все их одежды, которыми они так гордились, их прически, словом все, и это усугубило наше плохое отношение к Эл-Ит: народ к тому времени сильно разочаровался в бывшей королеве, полагая, что она повредилась в уме в результате своего брака. Все мы снова и снова обсуждали этот альянс и чувствовали себя неуверенно: начались даже сомнения в непогрешимости Надзирающих — похоже те сделали ошибку или

допустили небрежность, позволив людям неточно интерпретировать свой приказ. Нам такие мысли были в новинку, и в нашей зоне возникло беспокойство, начались брожения.

Отчеты, которые представили женщины Зоны Четыре по возвращении, не нашли применения в родной стране. Никаких реформ, естественно, не последовало. Многие не поверили их рассказам о высоком, утонченном, изысканном образе жизни в Зоне Три. Люди просто не понимали, о чем они говорят. Женщины не рассказывали ничего, что бы не соответствовало истине, но в Зоне Четыре не было аналогов, сравнение с которыми могло бы объяснить простому народу то, что они повидали. Их рассказы об интерьерах, об оформлении зданий, о продуманности всей жизни «там, наверху» дали в Зоне Четыре неожиданный результат: расцвели всех сортов топорность и безвкусица. Бен Ата даже пришлось издать специальный закон, запрещающий излишества, и в обществе появились несогласные, протестующие: мол, почему им это можно, а нам нельзя?

Впервые началась критика и этого брака, и ребенка, — кстати, наследника обеих зон, хотя еще не все это поняли. Эл-Ит осудили за высокомерие и капризность, и общественное мнение теперь

повернулось в пользу новой супруги, которая приехала с визитом и жила у Бен Ата в павильоне. Народ всей зоны смеялся над сплетнями, которые обслуга приносила из павильона. Новая королева давала жизни старому Бен Ата! Она была как безумная, это точно! И разговоры такого рода шли народу на пользу, потому что приятно ведь чувствовать себя выше этих «поедателей песка», пришедших «оттуда снизу», — это ведь проще, чем ощущать свою бестолковость и неполноценность на фоне Зоны Три, а именно такие чувства возникали после прочтения отчетов побывавших там женщин.

Когда Дабиб уже была на своей территории, скакала вверх к павильону, а малыш, сидя перед ней, все еще горевал, вцепившись в луку седла, она увидела, что павильоны пусты. Няньки разошлись по домам, а Бен Ата вместе с ее мужем, Джарнти, занимался реорганизацией армии.

Увидев это, она отнесла Аруси к себе домой, пусть поиграет с ее собственными детьми. Она знала, что для ребенка эта непродуманная поездка, что ни говори, оказалась травмой, и ему надо было ощутить ласку и надежность близкого человека.

Бен Ата вернулся, услышал голоса женщин и

отыскал Дабиб и Аруси. Сын его узнал, но, казалось, отнесся к нему недоверчиво, ибо отец вечно внезапно появлялся и исчезал.

Ребенок постарше увел Аруси из комнаты, и Дабиб осталась наедине с Бен Ата.

Дабиб похудела, взгляд у нее был страдающий, какой-то отрешенный. Бен Ата решил, что она прекрасна: она теперь чем-то неуловимо напоминала ему Эл-Ит.

Они мирно посидели вдвоем в пустой комнатке, которую до сих пор никак не затронул дух нового времени, охвативший уже Зону Четыре. Оглядывая голые стены, Бен Ата принял решение сделать что-нибудь, как-то прикрыть эту пустоту, даже не понимая, что его собеседница повидала такие чудеса и такую красоту, что стала навеки невосприимчива ко всему, что бы он ни задумал, и что, по ее мнению, ничто тут не заслуживает никаких хлопот и усилий.

— Я была абсолютно неправа, — смело сказала Дабиб, глядя королю прямо в глаза.

— Да, похоже на то.

— Бен Ата, ты просто представить себе не можешь, как там чудесно… — И она разговорилась: с трудом, с болью, но было просто необходимо поведать Бен Ата о том, что там видела. Однако

Дабиб добилась только одного: ему стало ясно, что она перенесла в Зоне Три душевную травму.

— Ну, а что Эл-Ит? — взмолился он. — Как она? Как она тебе показалась?

И в ответ Дабиб глубоко вздохнула и покачала головой.

— Боюсь, мне это трудно объяснить. Видишь ли, мы сами ничего не поняли… но, Бен Ата, как мне показалось, что-то с ней не в порядке. Не все женщины со мной согласны — некоторые считают, что Эл-Ит права, она же всегда была для нас непостижима, верно?

— Да что с ней не в порядке, Дабиб?

— Такое впечатление, будто ее наказали. Уж не знаю, кто и за что… мы, видишь ли, встретились с ее сестрой. Ох, и наглая и бездушная дамочка, можешь мне поверить, Бен Ата!

— Это Мурти-то наглая и бездушная? — запротестовал он, вспоминая рассказы Эл-Ит о сестре, которую она считала своим вторым «я».

— Я ведь уже сказала — там быстро понимаешь, насколько они превосходят нас, а в чем, — нам просто никак не понять… но, клянусь тебе, Мурти настроена против Эл-Ит. Во всяком случае, страшно рада, что сестры нет рядом.

— А где *же* она?

Наконец Бен Ата вытряхнул из Дабиб все, что сумел, и получил представление о Зоне Три. Под конец он согласился, что — не им судить, что происходит с его бывшей женой.

Его очень расстроило непривычное состояние духа Эл-Ит. И то, что она изменилась — «О, ты бы ее не узнал! Она, как говорят, очень далеко ушла от нас, Бен Ата, и мы не можем даже сообразить, в какую сторону».

Но тут же он забеспокоился о Дабиб — ведь и Дабиб он тоже по-своему любил.

Но теперь Бен Ата даже не приходило в голову чмокнуть ее в щечку или в шейку, а потом, невзирая на ее протесты, завалиться с ней на лежанку, забаррикадировав дверь сундуком, чтобы не вторгались детишки.

Он придвинул стул, взял руки Дабиб в свои, погладил ее по волосам и держал в объятиях все время, пока она плакала. Так они и сидели. Наконец Дабиб вспомнила, что пришло время кормить детей. В том числе и Аруси. Они договорились, что на какое-то время малыш останется жить у нее, чтобы чувствовал, что его любят, что он член ее семьи.

Вот так Бен Ата утешал Дабиб. Впоследствии он часто ее навещал, чтобы повидаться с сыном,

еще послушать об Эл-Ит, обсудить, что им делать дальше.

Король рассуждал следующим образом: если Эл-Ит не намерена приехать сюда, значит, он сам вполне может съездить к ней.

Но так ничего из этого и не вышло. Барабан молчал. И не приходило ниоткуда никаких указаний. Ребенок, который, в конце концов, был наследником обоих королевств, рос в семье хотя и доброй, но простой женщины.

И все-таки барабан загрохотал, но — ради Ваши. Она не хотела приезжать сюда. И мужу надо было съездить за ней самому. Супруги вернулись с двойным эскортом — отрядом ее диких всадников пустыни и пехотинцами Бен Ата. Кочевники рыскали вокруг, дикими криками и воплями выражая свое удивление и неприязнь к этому благополучному, но очень скучному, с их точки зрения, королевству, а солдаты Бен Ата флегматично шли маршем, глядя прямо перед собой.

Пока Ваши пребывала возле Бен Ата, ее люди объездили всю его страну, потому что им не по душе было сидеть на одном месте. Они много чего порассказали женщинам, которых соблазняли, и ослепленным их блеском подросткам, и их рассказы вызвали брожение в обществе, привели

к переменам. Так что к тому времени, когда Ваши вернулась в свое государство, в Зоне Четыре сформировалась группа молодежи, которым удалось буквально вырвать у Бен Ата разрешение поехать вместе с ней и обучиться авантюрной жизни в пустыне.

А дальше — дальше не происходило ничего. Эл-Ит так и не приехала. И о Бен Ата Надзирающие тоже словно бы забыли. И Дабиб, и король подозревали, что всему виной неудачная самовольная поездка женщин. Оба с трудом терпели неизвестность.

Невеселые это были для них дни! И все-таки в масштабах всей страны наступили новые времена — волнующие, захватывающие, потребовавшие от всех большой затраты сил и даже жертв…

Особенно это касалось тех мужчин, в основном пожилых или средних лет, для которых смысл всей жизни заключался в службе в армии.

Вот, например, Джарнти.

Нельзя сказать, что ему нечего было делать в нынешней, теперешней армии, с меньшим численным составом, но она потеряла для него свой ореол.

Теперь Джарнти много времени проводил

дома. Но теперь в его маленькой квартирке, казалось, толпились десятки детей всех возрастов; для него здесь просто не находилось места. В поисках занятия Джарнти брался за ремонт дверей, окраску стен и подобные хозяйственные дела. Он привлекал к этому старших мальчиков, и они радовались, что отец дома, с ними, ведь раньше его редко удавалось видеть. Теперь у боевого генерала всегда была озадаченная скептическая мина, как будто он сам не верил, что скатился до такого. А Дабиб, видя, что муж всерьез занялся хозяйством, и благодарная ему за это, тем не менее разделяла его чувство неловкости, стесненности, понимая, чего это ему стоит.

Иногда Джарнти беспокойно расхаживал по маленькому пространству квартиры, тогда она казалась еще более тесной, хрупкой и жалкой, а этот прославленный генерал оставался солдатом даже в старой гимнастерке, давно уже разжалованной на гражданскую службу и потерявшей свои нашивки.

Из окна его комнаты был виден павильон, элегантный среди зелени парка, а за ним открывался вид на горы Зоны Три. Джарнти ставил у окна складную табуретку и сидел часами, глядя прямо перед собой: потому что не мог поднимать голову

— шейные мышцы были атрофированы после многочисленных наказаний.

Бывало, Дабиб входила в комнату и видела, как муж силится поднять голову, откинуть ее назад — но у него не получается. Тогда она бесшумно прокрадывалась назад, боясь, как бы Джарнти не узнал, что она оказалась свидетелем его неудачи. Она щадила гордость мужа, потому что очень его жалела.

— Дабиб, ты понимаешь, что вся моя жизнь пущена псу под хвост?

— Что за глупости, дорогой?

— *«Что за глупости»*... не сметь разговаривать со мной таким тоном! Посмотри, кем я был всю свою жизнь? И чем стал теперь?

Дабиб стояла за его спиной, а он сидел верхом на складной табуретке, тупо и мучительно глядя вперед. Она сочувственно хмыкала.

— Можешь представить себе, что я теперь чувствую? Всю жизнь был уважаемым человеком. И вот до чего докатился.

— Ну-ну, успокойся. Возможно, все еще наладится, — утешала его Дабиб.

— Не сметь разговаривать со мной таким тоном! Я вижу, для тебя все равно — что эти твои испорченные щенки, что я?

— Прости, я просто подумала…

— Наплевать мне, что ты там подумала! Всю мою жизнь — раз, и перечеркнули. Когда-то мы гордились своей армией. Мы могли держать головы вы… — Джарнти осекся, поняв, что неудачно выбрал выражение и наступила напряженная тишина. — Во всяком случае, мы твердо стояли на ногах, у нас были убеждения. И вдруг, чуть ли не за один день все превратилось в свою противоположность, черное стало белым.

— Я так сочувствую тебе, Джарнти.

— Наплевать мне на твое сочувствие. А мой отец? И какой теперь станет жизнь моего отца? Он выполнял свой долг, как его понимал, всю жизнь. А *его* отец — посмотри, что все эти реформы с нами сотворили. Мы превратились в ничто, вот и все, что с нами стало.

— Чем зря расстраиваться, лучше покушай, мой дорогой…

— И нечего подсовывать мне еду! Убери эту чашку горячего молока. «Смотри, дорогой, какой вкусный кусочек…» Я тебе врежу, если снова сунешься… И нечего дуться! Что это ты вдруг стала такая чувствительная? Подумаешь, не тронь ее! Можно подумать, развалишься, если трону тебя пальцем. *Я тебе не ребенок,* Дабиб. Удивляюсь,

почему я только теперь понял, что ты обращаешься со мной, как с ребенком.

Дабиб ничего не ответила. Ее сердце разрывалось от желания утешить, поддержать, убедить, умиротворить мужа. В глубине души она полностью разделяла его чувства.

Иногда Дабиб тихонько входила в комнату, где Джарнти просиживал день за днем, стараясь поднять голову, вопреки запретам, которые всю жизнь внушали ему и его предкам, — чтобы можно было неотрывно смотреть на вершины. А Дабиб садилась рядом, ни слова не говоря, надеясь, что мужу будет легче хотя бы от осознания того, что она рядом.

Дабиб спокойно внушала детям, что отца надо уважать за то, кем он был, и еще больше за его теперешние смелые попытки, и что они, со своей стороны, должны тренировать свой ум, чтобы подготовиться к жизни на той более высокой территории, которая высится над Зоной Четыре вон с той стороны. Когда у них появится возможность, они должны быть готовы ею воспользоваться. А для Аруси она стала приемной матерью. И все время втайне думала об Эл-Ит, сравнивая себя с ней: вот Эл-Ит начала чахнуть в своей стране, а сама Дабиб теперь внутренне отстранялась от

своей родины.

Сидя рядом со своим постаревшим мужем, — а Джарнти очень состарился, для него реформа армии оказалась сильным ударом, — Дабиб иногда протягивала к нему руку, надеясь, что муж не станет упрекать ее, будто она обращается с ним, как с ребенком, и иногда он брал ее за руку. И наклонялся вперед, ошалело смотрел на нее, будто видел впервые в жизни.

— Дабиб! — иногда требовал он ответа, раздавленный, но упрямый. — Дабиб, вот ты рассказывала о Надзирающих. Ты так говорила о них… что можно подумать, ты их лично знаешь! А посмотри, что эти Надзирающие творят! Они все у людей отнимают… Они ведут тебя по одному пути или позволяют тебе идти своим путем всю жизнь, и вроде бы все у тебя замечательно, а потом — пуффф! Все ушло! Ушло… Дабиб, что ты на это скажешь, а? Ну-ка, отвечай!

— Нам придется просто поверить, дорогой мой, что Они знают, что делают.

— Придется? Нам? Ну, я не уверен. — И он отворачивал свое грубоватое упрямое солдатское лицо, чтобы жена не заметила его слез. — Послушай, неужели ты сама не понимаешь, Дабиб? Ну ладно, *теперь* нам говорят, что наша армия

— ничто и что весь наш прежний образ жизни, которым мы так гордились, — тоже никуда не годится, и что главное сейчас — строить амбары и прокладывать канализационные трубы. Но ведь это обесценивает всю нашу прошлую жизнь. Разве ты не понимаешь? Ветер дунул — и все превратилось в старый хлам.

— Я с тобой не согласна, Джарнти.

— Ты смотри, она не согласна! Да твоего согласия и не требуется.

Зим через пять после своего возвращения Дабиб пришла к королю и передала приказ — ехать в Зону Три. Не успела она договорить, как Бен Ата уже вскочил в седло и тут же ускакал.

Но едва он пересек границу, как его остановили. И кто бы вы думали? Вооруженная группа молодежи из Зоны Три, они ему угрожали. Бен Ата был так поражен, что мог только молча сидеть на коне и изумленно смотреть на них. Во-первых, у короля в голове не укладывалось, что ему вообще *могли* оказывать сопротивление, и это после того, как пришел Приказ от Надзирающих. И, во-вторых, его поразило их оружие. Подобного Бен Ата нигде не видел, хоть в свое время просмотрел много старинных иллюстрированных книг. Молодые люди были вооружены дубинками. У

них были катапульты. У них имелись палки, на одном конце которых на тонкой веревке болтался камень или грузило. В руках юнцы держали большие обломки камней. Одеты они были в обычную одежду Зоны Три, и внешне выглядели вполне цивилизованными городскими ребятами. А ведь при всей своей примитивности эти орудия могли оказаться вполне действенными… Не так давно Бен Ата просто посмеялся бы, а его солдаты наверняка катались бы от хохота при виде парней с дубинами. А потом с удовольствием арестовали бы этих бедняг, бросили бы их в тюрьму и мучали бы, как невежественные дети мучают животных. Но теперь Бен Ата велел своей охране соблюдать спокойствие, а сам сидел на коне и думал. Потом отослал солдат домой и поехал прямо к Дабиб.

— Может, ты передала мне не весь текст сообщения?

— Да, — призналась Дабиб, — там сказано еще что-то. Но, по-моему, это просто нелепо, Бен Ата…

Согласно сообщению, он, оказывается, должен был поехать вместе со своей армией.

Дабиб и Бен Ата сели рядышком и как следует все обсудили. И Бен Ата отправился поговорить с Джарнти. Ситуация в Зоне Четыре теперь

изменилась: все молодые люди должны были проходить двухгодичную службу в армии, после чего их отпускали по домам. Военная подготовка требовалось как гарантия безопасности государства; Бен Ата считал обязательным для каждого юноши приобщиться к дисциплине и освоить основы военного дела. Он попросил Джарнти срочно собрать три сотни солдат. Их вооружили ружьями, мечами и ножами. Но рассчитывал Бен Ата в основном на их внешний вид и именно этому уделил особое внимание.

И снова Бен Ата прибыл на границу, теперь в сопровождении солдат в боевом снаряжении, увешанных оружием, в сверкающих шлемах, с копьями наперевес, в знаменитых блестящих кольчугах. Барабан бил, и трубы играли туш.

Толпы молодых людей, по-прежнему вооруженных лишь камнями и палками, пытались настаивать на своем, но их погубило собственное изумление: они просто-напросто не понимали, что армия может быть такой безжалостной и жестокой. И они не привыкли, что воля трех сотен человек может слиться в одну — что воля индивидуумов может нивелироваться, перейти в единую, более мощную силу, устрашающую волю массы.

Да и сам Бен Ата, муж их бывшей королевы Эл-Ит, показался юнцам фигурой просто огромной и внушающей ужас: с гигантскими ногами, обнаженными ниже колен и руками, напоминающими бревна. Его подпоясанный кожаный камзол показался молодым людям таким безобразным, что они посчитали это одеяние униформой карателей. А его металлический шлем был для жителей Зоны Три признаком внутреннего зверства.

В результате весь путь от границы вверх до перевала и через плато до столицы марширующие роты солдат Зоны Четыре проделали беспрепятственно: всякое движение на дорогах останавливалось, и они спокойно шли среди групп и группок людей, которые до сих пор всерьез считали себя воинственными и даже грозными, но теперь лишь стояли безвольно и пялились, поражаясь собственной наивности.

Армия Бен Ата встала лагерем на одну ночь. К середине следующего дня они уже были в центре Андаруна, на маленькой площади. Бен Ата, не слезая с коня, подскакал к самому подножию ступеней королевского дворца и стал ждать. В окнах замелькали лица, отовсюду сбежались люди и столпились вокруг, перешептываясь, во все глаза

глядя на прибывших.

Наконец Мурти спустилась по ступеням — одна, как при последнем приезде Эл-Ит.

При виде ее Бен Ата просто погиб. Потому что перед ним была снова Эл-Ит, с ее изящным очарованием и обаянием, но при этом белокурая, как по-варварски великолепная Ваши, которая одновременно приводила его в восхищение и выводила из себя.

— Я вижу, вы приехали со всей своей армией, Бен Ата, — сказала она.

— Ошибаетесь, Мурти, тут всего лишь триста человек.

— Но это армия. Вооруженная.

— Как и ваши молодые люди на границе.

— Они сделали все, что смогли.

— А я делаю то, что мне приказано.

И взглянул ей прямо в глаза. Королева Зоны Три подняла на него глаза, но тут же вновь их опустила и вздохнула.

— Вы больше не повинуетесь приказам, Мурти?

— Только когда уверена в целесообразности того, что мне предложено сделать.

Его конь переступал под всадником с ноги на ногу, мотал головой, пытался освободиться от

уздечки.

Мурти наблюдала это с легкой презрительной усмешкой.

— Как же, знаю, — сказал он. — У нас разные обычаи. Но у нас есть и кое-что общее.

— Бен Ата, наша страна была когда-то мирной! Повсюду царило довольство. Ни у кого не было мыслей о переменах и разрухе.

— Мурти, довольство — не самое большое благо.

И снова их взгляды схлестнулись. Она смотрела на него и не отводила глаз.

Он улыбался — с сожалением.

— Не вижу причин для улыбок.

— Вспомнил о столкновениях с Ваши, королевой Зоны Пять. Она стремится сохранить режим полнейшей разнузданности во всем, ее идеал — анархия. Насколько я понимаю, для Ваши закон воплощаю я: самоуспокоенность, довольство, даже самодовольство.

На ее лице невольно промелькнула улыбка:

— И какова же ваша великая новая королева, Бен Ата?

— Великая королева Зоны Пять — всего лишь вождь племен из нескольких сотен человек. Благодаря своему умению и храбрости Ваши сумела

объединить под своей властью пятьдесят других бедных племен, все они живут на узкой полоске пустыни, которая пролегает вдоль нашей границы. Вообще Зона Пять — богатая торгующая страна, они выращивают множество зерновых и фруктов, не меньше, чем вы. Но эта девица сумела всех их заставить платить ей дань, потому что эти люди ленивы и самодовольны. Так что Ваши беспрепятственно расхищает их имущество, как хочет.

— Я вижу, вы любите разнообразие в женах.

— Но Ваши теперь не терроризирует остальные народы своей зоны, я ей запретил. Я же сильнее, чем она.

— Эта история делает вам честь, Бен Ата.

— Вот что, давайте говорить начистоту. Вы стараетесь помешать мне встретиться с Эл-Ит?

— Это не простой вопрос, — упрямо заявила Мурти. — Правильнее было бы сказать, что я стараюсь удержать Эл-Ит от… ну, это объяснить не так просто.

— Боитесь, что начнутся беспорядки?

— Да.

— По-моему, Мурти, теперь уже не имеет значения, какие последствия вызвал наш брак с Эл-Ит. Сейчас слишком поздно что-то менять.

— Мы и не такое способны предотвратить, — во всяком случае, сумели, когда ваши дуры притащились сюда выставлять себя на посмешище.

— Да. Это было их ошибкой. Это было *непослушание.*

Мурти только вздохнула. И замолчала надолго.

— Я не могу остановить вас на пути к Эл-Ит, — наконец сказала она. — Вы сильнее нас. Я даже и представления не имела насколько, пока не увидела сегодня вашу армию! И я от нее не в восторге, Бен Ата.

С этими словами она повернулась и ушла во дворец.

А Бен Ата в сопровождении своих солдат поскакал на северо-восток.

А теперь я расскажу вам, что произошло в Зоне Три.

Вскоре после отъезда Дабиб и ее спутниц в ту деревню, где теперь жила бывшая королева, пришла какая-то женщина и спросила, где найти Эл-Ит. Ее направили в конюшню. Женщина попросила разрешения остаться тут и работать. Она, по ее словам, хотела просто побыть возле Эл-Ит. Для нее подыскали работу. Вскоре с такой же просьбой явился молодой парнишка. К концу зимы в деревне оказалось человек десять новых

жителей. К весне прибыли другие. Но больше в этой деревне жилья не было. Пришельцы стали селиться в соседних деревнях, потом — в более отдаленных, и вот наконец однажды приехала Мурти, одна, без сопровождения, и они с Эл-Ит сели в саду поговорить. Встреча была тягостна для обеих — сестры теперь совсем отдалились друг от друга, а ведь когда-то они легко читали мысли друг друга, даже когда их разделяло большое расстояние.

Мурти тоже изменилась. Она стала старше, строже, сделалась более рассудительной.

Эл-Ит превратилась в тень себя прежней: это была женщина, потерявшая веру.

— Тебе надо уехать отсюда, Эл-Ит, — сказала Мурти отрывисто и резко, потому что ей было трудно произносить такие слова. — И не возвращаться больше в Зону Три.

— Где же мне жить?

— Мне кажется, ты уже и сейчас живешь не здесь. Говорят, ты ближе к *ним*, чем к нам.

— Ты не понимаешь.

— Еще как понимаю. Я верю собственным глазам.

— Но этого недостаточно, Мурти. — Эл-Ит говорила тихо, но с таким напором, что сестра на

некоторое время замолчала.

А потом сказала:

— Я хочу спросить тебя вот о чем, Эл-Ит. Не сомневаюсь, что ты ответишь честно. Допустим, если бы до твоего брака с Бен Ата, когда мы все еще ни о чем не беспокоились и все было так, как и должно быть…

— Но, Мурти, — прервала ее Эл-Ит, — ты прекрасно знаешь…

— Постой! Выслушай меня. Не перебивай! Когда-то ты была наша Эл-Ит, и мы все были твоими. Допустим, что в то время ты бы вдруг узнала, что в Зоне Три завелся некий сумасброд, беспокойный баламут, что люди вдруг заговорили о всякого рода переменах, бросают призывы, каких никто из нас никогда не слыхивал, так что все в стране изменилось, даже на животных это отразилось, — неужели ты в такой ситуации не предприняла бы мер, чтобы это немедленно прекратить?

— Конечно приняла бы, — согласилась Эл-Ит, — но…

— Тогда вопросов больше нет, — ответила Мурти.

И, развернувшись, стала поспешно ретироваться, словно боялась, что Эл-Ит погонится за ней и

все испортит. Она уже была возле своего коня, когда Эл-Ит позвала ее:

— Мурти!

Но та чрезвычайно поспешно забиралась на коня.

— Мурти! — Теперь голос Эл-Ит был мягким, но властным.

И Мурти задержала коня, обернулась к сестре и стала слушать.

— Ты забыла, Мурти! Перед тем, как меня послали к Бен Ата, дела в зоне Три уже обстояли весьма плачевно. Мы, если помнишь, были огорчены, печальны и подавлены, многие чувствовали недомогание. У нас стала падать рождаемость, и у животных тоже…

— Откуда мне знать, я тогда не была королевой, — поспешила сердито сказать Мурти. Но не уехала — сидела верхом и слушала, подчиняясь напору Эл-Ит.

— Именно так все и было. А теперь, вместо апатичности, вялости, печали, вместо падения рождаемости среди людей и животных, которые не хотели совокупляться, у нас все обстоит наоборот. Наоборот, Мурти!

Но для Мурти этого было уже достаточно, она развернула коня и помчалась с такой скоростью,

как будто Эл-Ит напустила на нее диких злобных зверей.

А сейчас позвольте мне высказать свое наблюдение о явлении, которое в той или иной мере наверняка незнакомо каждому из нас. Когда два человека так близки, как были близки Эл-Ит и ее сестра, а потом один из них уезжает и получает опыт совсем другой жизни, который кажется ему чуждым и даже негативным, ибо угрожает былому равновесию и взаимопониманию, тогда оставшаяся сторона, как часто может показаться, замыкается в себе или, возможно, даже регрессирует, отступает назад, как бы защищая образовавшуюся рану или обнаженное и уязвимое место… Все это так, но речь я веду о Зоне Три, и мы, ее жители, пережили происшедшее по-своему: словом, все было не так грубо. Мы, наблюдавшие, думаем, что Мурти тоже подверглась воздействию Зоны Четыре, хоть и не прямо, но косвенно, через свою сестру, которая, в конце концов, ведь была ее вторым «я». Так что Мурти не удалось избежать этого «падения», хотя могло показаться, что у нее-то все как раз и обошлось. Попросту говоря, от Мурти никто не мог ждать такого поведения — бездумного, шаблонного, даже мстительного.

У нас сохранились портреты Мурти: озлобленная и ожесточенная, она сидит верхом на лошади и смотрит сверху вниз на бедную отверженную Эл-Ит, стоящую среди безропотных животных.

Ну ладно, что было, то было, и это честно отражено в летописях. Но я, например, довольно часто размышлял об этой сцене, и мне скорее жаль Мурти, чем Эл-Ит. Но это история не о Мурти. Сейчас у нас нет времени рассказывать ее историю. Однако можно предположить, что раз уж она косвенно, через опыт Эл-Ит ощутила, что такое проживание в заболоченной Зоне Четыре, то точно так же должна была испытать, тоже опосредованно, на расстоянии, хоть долю тех чувств, которые охватили Эл-Ит при ее медленном проникновении в Зону Два. Не может быть, чтобы новая королева этого не почувствовала. Мурти пробыла нашей милой, заботливой и совершенно восхитительной королевой очень долгий срок — по сути дела, она и сейчас формально занимает этот пост, хотя теперь состарилась и давно уже удалилась на задний план, уступив власть другим, в том числе и Аруси. Но в ней всегда было что-то загадочное, некая сдержанность, а главное — обособленность с тех пор, как она отдалилась от Эл-Ит. И я считаю, что если бы можно было

заглянуть к ней в душу, то мы обнаружили бы, что по-своему она недалеко ушла от Эл-Ит.

На следующий день после приезда Мурти к Эл-Ит нагрянула группа молодых людей, вооруженных по-любительски, но, конечно, старательно. Совершенно не смущаясь, они велели Эл-Ит следовать за ними, объяснив, что выполняют приказ. Эл-Ит с трудом поверила, что это те самые люди, среди которых она так недавно ездила, как их сестра или как некая невидимая часть их, знакомая и узнаваемая обеими. Тогда все ее мысли были для них понятны, и все их мысли тоже были перед ней открыты. Теперь же между ними и ею был барьер: они ее видели, но она была невидима…

Юнцы отвели Эл-Ит к подножию горного перевала, который вел в синий туман. Там стояла небольшая лачуга, вроде сарая. Рядышком был разбит крошечный огород. И на лужайке паслась корова. По указанию Мурти Эл-Ит снабдили всем самым необходимым для жизни, обустроили сарай. Затем молодые люди отошли недалеко и разбили свой лагерь. Так был организован кордон, и с тех пор он постоянно функционировал. Стража была вовсе не страшная и не безобразная — просто цепочка молодых людей, всегда разных,

потому что от них не требовалось проводить тут всю свою жизнь. Но тем не менее это был настоящий кордон, который не давал Эл-Ит шанса вернуться в ее собственную зону — а также препятствовал подходить близко к ней тем друзьям, которые хотели быть возле нее.

Эл-Ит как-то увидела, что ее друзья собираются по ту сторону, за цепочкой молодых людей. Всего их было человек пятьдесят. Они смотрели на ее сараюшку, она махала им рукой. Они просили охранников — но тщетно. Посовещавшись между собой, люди разошлись. А дальше случилось вот что, хотя Эл-Ит не знала об этом: все эти друзья нашли себе работу на фермах и в деревнях по соседству, и все больше и больше таких людей, — похожих на Эл-Ит по духу, которых к ней тянуло, — приходили искать ее, они тоже оседали в северо-западной части нашей зоны. Так что очень скоро фермы и деревни далеко вокруг оказались почти исключительно заселены ими.

Когда Бен Ата прискакал сюда в поисках Эл-Ит, ему обо всем рассказали в том местечке, где она проживала до недавнего времени. Он останавливался поговорить со многими, кто приходил побыть рядом с бывшей королевой. Всех их отличало одно свойство — вначале как будто совсем

невидимое, а потом, при более тесном общении, оно становилось заметным, как клеймо. Каждый из них страдал от невозможности жить в Зоне Три, как будто им ее уже хватило, наелись досыта. Там, где мы, все остальные, бездумно благоденствовали в этом лучшем из миров, они видели только пустоту, неискренность, лживость. Выросшие и воспитанные на лакировке действительности, красивой обертке, и не видя впереди абсолютно никаких перспектив, они все стали кандидатами в Зону Два еще до того, как сами это осознали, и задолго до того, как дорога туда и впрямь открылась для них благодаря долгому бдению Эл-Ит.

Бен Ата рассредоточил своих солдат среди этих добрых друзей, оставил у них коня и пошел пешком вверх по перевалу к тому сарайчику, в котором обитала его жена.

Эл-Ит сидела на табуретке возле открытой двери, и когда он подошел, она вскочила и стала с жадностью высматривать — и Бен Ата сразу понял, кого — нет ли с ним и ее сына.

— Прости, Эл-Ит, но про Аруси Надзирающие мне ничего не сказали.

Эл-Ит с улыбкой кивнула и стояла, ожидая, когда Бен Ата подойдет. Он подошел совсем близко,

взял ее за руки, вздохнул, а потом они уселись рядышком на ступенях крыльца и молчали, улыбаясь.

— Ох, Эл-Ит, — сказал он, — как будто ты вновь моя невеста и я приехал поухаживать за тобой.

В ответ она безудержно рассмеялась, как раньше, и он присоединился.

— И вновь ты пленница!

— Раньше я спорила и роптала. Но теперь не спорю.

Потом Бен Ата все ей рассказал — поделился с ней новостями за прошедшие годы, объяснив, что где произошло.

Он не вспоминал о Ваши, пока Эл-Ит сама не спросила. А тогда он засмеялся, — причем в его смехе смешивались и удовольствие, и изумление, и злость, и все ей рассказал — да так, что в какой-то миг у Эл-Ит слезы навернулись на глаза. Но она смахнула их твердой рукой.

— Ваши как ребенок, — объяснял Бен Ата. — Ты и представить себе не можешь. И если ей чего-то захотелось, она думает, что непременно должна это получить! Но теперь она стала лучше — мне кажется. Но когда Ваши разозлится, — ты наверняка ничего подобного не видела! Хотя в последнее время она стала вроде бы более сдер-

жанной, — ну, немного…

Бен Ата поцеловал ее, заглядывая в лицо.

— Представь, Эл-Ит, каково мне было лечь с ней в постель — после тебя-то!

Эл-Ит поняла, что он хотел сказать, и улыбнулась.

Они сидели, обнявшись, прижавшись щека к щеке, и смотрели вверх на перевал, окутанный синим туманом, и думали, что все-таки, несмотря ни на что, навсегда останутся мужем и женой.

В тот раз Бен Ата провел у Эл-Ит несколько дней. Он отпустил охранников, которые охотно удалились: работа казалась им невероятно скучной и бесполезной: действительно, с каждым днем все труднее было верить в ее целесообразность. Бен Ата был готов устроить для Эл-Ит удобное жилище в любом доме, в любом пригодном месте в ближайшей деревне, но она сказала, что теперь полюбила свой сарай и не хочет из него уходить. Ее друзья — те, кто считал себя таковыми — смогли приходить и разговаривать с Эл-Ит, и она тоже ходила к ним в гости.

В тот же год Бен Ата приехал еще раз, уже без солдат, и привез к ней сына вместе с Дабиб. Когда пришло время возвращаться домой, Аруси оставили у Мурти, чтобы он изучил государственное

устройство в Зоне Три.

Но все это длилось уже недолго. Однажды Эл-Ит ушла в очередной раз в Зону Два и больше не вернулась. И все ее друзья постепенно исчезли тем же путем, — так же, как и другие, кто хоть нечасто, но приходили вновь. Ну а жители Зоны Четыре, привлеченные нашей страной, приезжали сюда, иногда оставались тут навсегда, находили себе место среди нас. Среди них была и Дабиб.

Теперь постоянно шло перемещение людей: из Зоны Пять в Зону Четыре, из Зоны Четыре — в Зону Три, а от нас вверх, на перевал. И в жизни всех нас появились свет и свежесть, и возникли новые вопросы, и осуществлялись преобразования; и душевный подъем сменил застой. И границы уже не были больше закрытыми.

А к чему я все это вам рассказал?

Да к тому, что развитие не всегда идет в одну сторону, это вовсе не обязательно.

Например, наши песни и сказания известны теперь не только в заболоченной стране «там внизу», — как и их творения у нас, — но их также вовсю рассказывают и поют в палаточных лагерях и у костров пустынь Зоны Пять.